

ЮРИЙ МЕДВЕДЕВ

ЧАША ТЕРПЕНИЯ

Фантастическая повесть

...Что есть Красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

1. СИБИРСКАЯ ТРОЯ

Э она, что самое загадочное в природе человека? — То, что человек считает себя венцом природы. Люди озабочены охлаждением солнца через миллионы лет или угрозой столкновения Земли с неведомым небесным телом. Но мало кого тревожит, что человек, возможно, всего лишь кратковременная остановка в поступи разума.

— Зона, он уже был промежуточным звеном. Сразу после того, как его пути разошлись с обезьяной.

— А если через триста лет человек обратится в некое высшее существо? Если нынешние люди станут для него подобием пчел, дельфинов, обезьян?

Тускло-серебристая нить прошла вкось небеса над редколесьем дальнего берега Енисея. По утрам река все чаще затягивалась пологом тумана. В зените над нашим городищем нить наткнулась на невидимую преграду, змеей поползла, заскользила вниз, на глазах раздаваясь к торцу.

Конец нити раздувался, расплывался. В небе обозначилось подобие родника или озера, окаймленного первым ледком.

Родник завис надо мною метрах в тридцати. Между залежьными берегами заиграли разноцветные прожилки. И вот явился в нем (или на нем) лицо Учителя. Я услышал его глухой, как дальние раскаты грома, заметно заикающийся голос:

— Утро доброе, Олег. Как раскопки? Прошу учесть: связь продлится не больше пяти минут.

— Насчет раскопок вам сверху видней, — громко сказал я. Говорить в небо с запрокинутой головой оказалось трудно: горло сжимали спазмы.

— Можете шепотом, — сказал Учитель. — Слышимость отсюда как с аэростата.

— За лето, — сказал я, — мы раскопали на холмах три поселения. Пока что три. Периоды — разные. Самое древнее принадлежит Афанасьевской культуре. В те времена лики знаменитых ученых еще не плавали по воздуху.

Учитель прищурил свои огромные миндалевидные глаза и пророкотал:

— Да, пять тысяч лет тому назад летать археологам по воздуху было незначем.

— А пока они летают, мы нашли бусы из жемчуга, литые золотые браслеты, подвески сердоликовые, украшения из электрона для конской упряжки. Итого семьсот восемьдесят три подобных предмета.

— Здесь впору музей открывать, — сказал Учитель. — Прямо-таки сибирская Троя.

— А также вырезанный из бивня мамонта ритуальный жезл. С причудливым орнаментом, — не утерпел похвастаться я. — Ему всего-навсего восемнадцать тысяч лет.

— Каков характер орнамента?

— Все точки орнамента складываются в лунный и солнечный календари, — отвечивал я смиренно.

Тут никогда и ничему не удивляющийся Учитель откинулся

как бы в глубь родника, возможно, развел невидимыми мне руками и усмехнулся. И я увидел у него за плечами пасущее белые стада волн, безмятежное, как во времена Одиссея, море. Лицо мне приятно покалывало, будто я блаженствовал под теплым душем.

— Выходит, зря, зря поспешили приписать изобретение календаря халдейским мудрецам. — Я достал из кармана куртки сложенный вчетверо лист плотной бумаги. — Вот анализ. Пришлала вчера из академгородка. Восемнадцать тысяч годочков, плюс минус пятьсот. Ребят на радостях с утра отпустил в баньку, а сам вот сижу скучаю. Не податься ли, думаю, на остров Сицилия, на подмогу к Сергею Антоновичу, хоть меня и не пригласили в колыбель цивилизации. Теперь небось жалуете?

— Как в воду глядели, — сказал Учитель и снова наклонился вперед. — Завтра жду вас здесь, в Палермо. Я немного прихворнул, и ваша помощь на раскопках будет впору. Не говоря о знании языка. Виза и билет в Москве, в институте, у Кравчука. И последнее, Олег. — Учитель вроде бы нечаянно

С космических высот летопись земной красоты читается как увлекательная книга. Вот огнедышащие кратеры вулканов — такой была наша планета в колыбели миллиарды лет назад. Вот ковер из мхов и лишайников тундры — именно с них начала жизнь победную поступь, чтобы восторжествовать в самых прихотливых формах фауны и флоры, вплоть до человека. Сколько красоты накопила природа, как надо дорожить этой волшебной красотой!

К сожалению, сразу же после варварского испепеления американской военщиной Хиросимы и Нагасаки стало ясно, что впервые в истории цивилизации появилось оружие, способное уничтожить все живое на многострадальной Земле. А ныне уже весь военно-промышленный монстр западных монополий, не стесняясь, разрушает красоту земную. В погоне за барышами, за призраком мирового господства дельцы-бизнесмены не останавливаются ни перед чем: отравляют реки и моря, накапливают смертоносные бациллы, производят нейтронные бомбы. Потому-то столь важно для литературы (и не только, разумеется, для литературы) вовремя разоблачать каждую попытку посягательства на Красоту.

На эти мысли меня навело чтение фантастической повести Ю. Медведова «Чаша терпения». Многоплановое произведение писателя-фантаста, на мой взгляд, поможет читателю, прежде всего молодому, почувствовать личную ответственность за судьбу мира на Земле.

Охотно рекомендую «Чашу терпения» вниманию многочисленной аудитории «Искателя».

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ,
летчик-космонавт СССР,
дважды Герой Советского Союза

притронулся указательным пальцем к мочке уха — призыв к высочайшему вниманию у тибетских отшельников. — Неплохо бы вернуть вашему знакомому Марио его необычный сувенир. Тот, что у вас в кабинете, возле настольной лампы. Неудобно перед вашим знакомым, слишком ценная вещь. А живу я здесь в гостинице «Золотая раковина». Она вам хорошо знакома, если не ошибаюсь.

Я чуть было рот не раскрыл от удивления. Безделица, двухголовая засушенная ящерица названа ценной вещью. И кем названа? Никогда не ошибающимся Учителем.

— Но как же я с бухты-барахты помчусь к Средиземному морю? — спросил я ошарашенно, еще ничего не понимая. — А экспедиция? Мы только-только начинаем сворачиваться.

— Поручите свернуть ее Мурату. Он отлично справится. Кстати, как поживает ваш подопечный?

— Ваш подопечный, Сергей Антонович, — ответил я, намеренно выделяя первое слово. — Это он, самолично, раскопал бивень с календарем. Так что заказывайте портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя».

Мне показалось, что последней фразы висящий надо мной не расслышал.

— Передайте Мурату: пусть консервирует раскопы — и в путь.

Из глубины родничка подобием светящихся капель начала просачиваться цифирь: 60... 59... 58... Тут между мною и родничком пролетел селезень и вдруг спикировал резко в траву, метрах в десяти от меня. Я кинулся было к нему, но услышал спокойный голос Учителя:

— Да вы, Олег, особо не торопитесь. (24... 23... 22...) Недельку-другую можете повременить. (17... 16... 15...) Обстановка здесь спокойная. (12... 11... 10...) Как тогда, в урочище Джейранов. (6... 5... 4...) А с бивнем поздравляю...

Вслед за всплывшим нулем небесный родник начал замутняться, сжиматься, заскользила ввысь тускло-серебристая нить, поглощая самое себя, пока вовсе не истаяла.

Я помахал рукой угасшему виденью. Досадно. Со своими жалкими потугами на остроумие я выгляжу перед Учителем краснобаем. А все из-за чувства неуверенности: мне почему-то кажется, что Учитель читает мои мысли, прозревает каждое движение души наперед. Я знаю его пятнадцать лет, сам уже преподаю в университете, а вот робость перед могуществом его интуиции не проходит. Иногда мне кажется, что в мозгу Учителя проворачиваются живые шестерни размером с Австралийский материк.

Селезень забился в пожелтой мокрой траве. Я поднял трепещущую птицу. Несколько раз она дернулась и затихла. Я не из ярых проповедников вегетарианства и питаюсь, понятно, не только картофельными котлетками, но я не хочу, чтобы ради приятных приглашений на знойный остров замертво падали в траву в моей родной Сибири красивые птицы. И без того их повывели ретивые насытителем полей ядохимикатами...

Впрочем, селезень, кажется, начал оживать. Через минуту-другую он пришел в себя, встряхнулся и неожиданно взвился прямо из рук.

— Впредь поминай меня добром среди утиных собратьев! Авось свидимся на Сицилии! — прокричал я ему. Он бил крыльями уже над Енисеем, где туман окончательно рассеялся, обнажив излучку с белеющими створными знаками для все более редких буксиров. Пора было идти париться.

Я зашагал от Городища по извилистой скользкой тропе. И тут меня осенило. Господи, что за несуряницу Учителю я молот! Какие золотые подвески? Какая упряжь? Большой, он разыскал меня у черта на куличках. Он призывал к высочайшему вниманию. Он сказал: все спокойно, как в урочище Джейранов. Долго тлел бикфордов шнур этой незамысловатой фразы, но взрывом меня оглушило основательно...

2. ЛЕГЕНДА О СНЕЖНОЛИЦЕ

— Зона, почему так тревожат, даже оскорбляют физические изъяны в совершенной красоте? Прекрасное дитя, рожденное горбуньей, радует всех. Но двухголовый монстр от Венеры Милосской?! Его появление на свет растопчет и ее красоту.

— Прекрасное — это зеркало, отражающее юность мира. Это блаженство гармонии, торжество осознавшей себя матери. А уродство — олицетворение распада, угасания жизненных сил, предвестие разложения, безобразия самой смерти.

— Зона, но у истоков златокудрой юности мира не было красоты — красоты человеческой, поскольку не было еще и самого человека. Означает ли это, что красота нарастает, преумножается, совершенствуется, восходя по лестнице времен?

— Будь так, дивные образы искусства прошлого не были бы столь притягательны. Однако именно они неисчерпаемый родник вдохновения для все новых и новых поколений художников, скульпторов, поэтов. Ибо прекрасное неподвластно мельнице времени. Прекрасное — великолепие истинного.

— Зона, ты сказала замечательно: великолепие истинного.

— Это сказал Платон.

После первого курса я напросился в экспедицию к Учителю рабочим. В те годы он раскапывал древнее уйгурское городище в долине реки Или, несущей свои мутные воды среди отрогов Тянь-Шаньского хребта. Попасть к Учителю стремились многие в университете, притом не только будущие историки и археологи. Имя его было окружено легендами, а после того, как он возвратился из Монголии, где раскопал кладбище стегоцефалов, об Учителе заговорили и за границей. Однако пробиться в его экспедицию было трудно: все знали, что состав ее долгие годы почти не меняется, а лишних людей он к себе не берет. И все же я рискнул: заявился однажды вечером к нему на кафедру, досадуя, что так и не обзавелся приличным костюмом. Он сразу же дал мне от ворот поворот, будто обрубил канат: нет! Тогда я достал из кармана замызганной ковбойки билет в общий вагон до Алма-Аты и положил ему на стол, где лежали разные диковинные камешки — единственная слабость Учителя.

— Все равно я окажусь на городище, притом раньше вас, — твердо сказал я. — Немного подзалатаю наш домишко в Алма-

Ате — и напрямик на Нарынкольский тракт. Любой грузовик подбросит до Чунджи. А там хоть пешком доберусь до обита-
лища Снежнолицей. Могу и бесплатно поработать, с голоду
не умру. Буду рыбу ловить в Чарыне, на фазанов ставить сил-
ки. А яблок и урюка там столько, что медведи за ними спус-
каются с гор.

— Откуда такие познания тамошних мест? — прищурился
Учитель.

— Я там целое лето отбарабанил. Сперва прицепщиком, по-
том трактористом, — сказал я. — На гоночный велосипед себе
зарабатывал.

Он недоверчиво оглядел меня с ног до головы:

— Да разве трактористы и велогонщики такие? У них мыш-
цы играют как у Ильи Муромца.

— А я, значит, доходяга, кости да кожа, да? — запищал я
фальцетом.

— Голос богатырский, нечего возразить, — расхохотался
он. — Небось и одного раза подтянуться слабо? В экспедиции,
между прочим, не только песни поют, но и землю родимую
копают. Преимущественно лопатой.

Вместо ответа я подскочил к старинному дубовому шкафу,
схватился за верхнюю планку, подпрыгнул и завис — кулак
вровень с плечом, — исхитрившись изобразить ногами еще и
угол. Этот и подобные трюки не раз приводили в смущение
факультетских чемпионов по обрастанию мускулатурой.

— Буду висеть как летучая мышь. Пока не возьмете, — вы-
давил я сквозь сжатые зубы.

— Слезайте, слезайте, Преображенский. Убедили. Беру до
конца сентября. Оклад положим как у съемщика планов —
сто двадцать, но трудиться придется не перышком по бумаге,
а кетменем и лопатой. Сапоги наши, портянки — не меньше
трех пар — ваши. А теперь приземлитесь, пожалуйста, вот сю-
да, акробат.

Я осторожно сел в старинное кресло с бархатными вытер-
тыми подлокотниками, стараясь не выдать нарушенного дыха-
ния. Учитель спросил:

— Сознавайтесь, как на духу, откуда вы знаете о Снежно-
лицей Красавице?..

* * *

...Незадолго до восхода солнца нас будили сурки. Они стояли
на задних лапах у своих глиняных холмиков и, казалось, созер-
цали переливы светлеющего неба, будто ожидая давно оттуда
прилета своих неземных собратьев. Их пронзительный посвист
напоминал переключку полковых флейт. Кусты жимолости и
облепихи приседали под тяжестью росы. В переливы флейт
вплетались птичьи голоса. Первые лучи солнца поначалу вызо-
лачивали белоснежные шатры горных вершин, а вскоре выка-
тывалась и сама огненная колесница.

Мы начинали рыться в земле сразу после завтрака, обедали
в час, потом спасались в тени от зноя до четырех и снова,
как кроты, вели свои ходы вплоть до закатного блистанья
Венеры.

Ты начитался книг о раскопках Трои, Помпеи, Вавилона, Ниневии, о сокровищах пирамид и скифских курганов, тебе чудятся золотом колесницы, — и что ж? Где бляхи в виде головы тигра? Где зубчатые пластины, изображающие волнующееся море? Где свернувшийся зверь на набалдашнике меча? Где светильники наподобие лепестков лотоса, крокодилы крылатые из обсидиана, испещренные зернью шейные гривы, — где? Вместо блях и корон — глина, песок, щебень, а изредка — ручка закопченная от кувшина, костяной истлевший амулет, оловянное грузило («Скажи мне, где прах твой истлевший, уплывших веков рыболов?»).

Да, никакого уйгурского городища на проплевшине между бешеной речкой и стеною ясеневого леса с примесью буков и тополей не было. То, что осталось от города, покоилось голубоко в земле. Поначалу, когда снимали верхний слой почвы, нам помогал бульдозер. Он притарахтел своим ходом из Чунджи и через два дня уполз. А еще через пару днейков я уже набил себе кровавые мозоли: поди справься с сотнями ведер земли. На щеке вспух рубец от рукоятки переломленной лопаты, да вдобавок ко всему меня укусила за палец мышземлеройка, и я стоически перенес уколы от столбняка. Учитель отнесся к происшествию с землеройкой невозмутимо: оказывается, начинающий археолог может стать жертвой примерно ста видов ползучих и порхающих гадов.

Случалось, хотя и редко, вызревала на севере гроза. Она вытalkingивала из-за холмов многоярусные сизые башни. Облака клубились, перестраивались в боевые порядки, сопутствуемые чернильной, тяжело нависающей тучей. После свирепого ливня снова трещали победно кузнечики. Река вспухала, как жила на руке, начинала реветь.

Вечером, если не досаждали комары, я ложился, смертельно усталый, на кошку возле палатки. Поблизости, за кустами джиды (из косточек ее белесых, приторных на вкус плодов я нанизывал бусы), шевелил красными ленивыми плавниками костер. Там Учитель вспоминал свою молодость, плавания по Тихому океану, первые путешествия на Лобнор, дорогу в таинственную Лхасу, к истокам хрустальным Брамапутры, читал наизусть целые главы из «Борьбы за огонь», «Затерянного мира», «Истории государства Российского». Особенно любил он Гоголя. «Уже он хотел перескочить с конем через узкую реку, выступившую рукавом среди дороги, — рассказывал, чуть заикаясь, Учитель, — как вдруг конь на всем скаку остановился, заворотил к нему морду и — чудо! — засмеялся! Белые зубы страшно блеснули двумя рядами во мраке. Дыбом поднялись волосы на голове колдуна. Дико закричал он и заплакал, как иступленный, и погнал коня прямо к Киеву. Ему чудилось, что со всех сторон бежало ловить его: деревья, обступивши темным лесом, и как будто живые, кивая черными бородами и вытягивая длинные ветви, силились задушить его; звезды, казалось, бежали впереди перед ним, указывая всем на грешника; сама дорога, чудилось, мчалась по следам его...»

Я слышал приглушенный рокочущий голос и благодарил судьбу за то, что свела меня с человеком, в чьей памяти раз-

местилась целая библиотека, который не затуманивал свой мозг винными парами, куревом, взирал свысока на торгашество, накопительство, на галантерейную страстишку приодеться в престижные тряпки с кричащими нашлепками. Среди войн, неисчислимых страданий, насилий, предательств, смертей русская земля никогда не уставала рожать таких сыновей, хотя, казалось бы, все должны были измельчать, погрязнуть в мелочных заботах, но не мельчали, не погрязали, и это была для меня пока что неразрешимая загадка.

Окликнула слепой ветер река Чарын. Приближался к Каневу колдун на хохочущей лошади. Слабодушный воевода Шеин со склоненными хоругвями уводил свое воинство от опаленных стен Смоленска, изредка оглядываясь на окруженного рыцарями торжествующего короля Владислава; о, от судьбы не отвернешься, воевода, вперед воззришься, только вперед, туда, где завтра у стен московских поднимет палач твою снятую голову над толпой; и поделом тебе, воевода, ни на каких условиях родину не предавай.

Сторожевым огнем представлялся мне костер с шевелящимися лениво плавниками, вокруг него располагались Учитель и его неизменные сотоварищи, спутники странствований. Огонь перемигивался с воинством таких же огней из прошлых и будущих времен, рассыпаемых, как зерна, невидимой рукой по лику Русского Поля. Со сторожевыми кострами звезд.

Я вглядывался в небо, в очертания многоглазого великана Ягруса и мечтал, как я найду Снежнолицую.

* * *

Она была единственной женой могучего уйгурского владыки в крепости на изгибе реки. Он привез Снежнолицую из далеких славянских земель, куда ездил свататься, и на тысячу лошадей были навьючены дары: и ковры из Багдада, и горящие, точно хвост у павлина, шелка, и кружево венецианское, и парча, и орехи мускатные, и кардамон, и слоновая кость, и куски сандалового дерева, благоухающие, как деревья в раю. Да, на тысячу лошадей навьючены были дары, ибо слава о красоте Снежнолицей растекалась как вешние воды по лику земли — до стен Цареграда докатывались волны славы, до скал норманнских, до гор зальделых Югры, где у людей нет голов и они скачут на одной ноге, одетые в шкуры медведей, рысей и росомах. И увидел владыка невесту — и предложил без раздумий коней и дары, и поклон поясной отвесил ее отцу — рано посевшему князю, а в довершение выиграл поединок у сына кагана хазарского, тоже прибывшего из своего Итиля не без даров. Ладен был и глазами проворен рыжий хазарин, надменно показывал профиль орлиный, плетью поигрывал; да кишка оказалась тонка: через крепостной ров перемахнул владыка на арабском своем скакуне, а летя надо рвом, исхитрился еще и лук выхватить, и стрелу сквозь колечко серебряное на коньке у терема пропустить. А рыжий там во рву и остался с хребтиною переломанной.

Возвратился из дальней земли владыка — молодым чашу радости век не испить. И давались диву уйгуры: какой блеск смогла придать их величью чужестранка, дочь далеких снегов! Расцвела крепость на изгибе реки дворцами, а на крышах дворцов закачались под ветром — ах, услада взору! — невиданные цветы. Мололи зерно мельницы водяные, никому на Чарыне не ведомые дотоле. Явились, будто из-под земли, диковинные ремесла, и потянулись на зов Снежнолицей поэты, певцы, златошвей, звездоблюстители, переписчики древних книг; даже из Индии пришли с обезьянами на плечах ковроткачи, поклонявшиеся невесомой, как дыхание ангелов, стихии — огню. Всяк находил радушный прием и защиту в Бекбалыке, крепости на изгибе реки.

Но проведал о красоте Снежнолицей китайский богдыхан. И прислал повеленье с гонцами: предстать чужеземке перед его богдыхановы очи. А взамен он ниспосылал владыке уйгуров вечный мир и свою, богдыханову, милость. Запечалился было владыка: с воинством Поднебесной империи легко ль совладать? — а пока он печалился, получили гонцы самоличный ответ Снежнолицей, да столь дерзкий, что один из гонцов тут же лицом почернел и скончался от недомогания сердца.

«Разве летит лань к стреле, спящей на тетиве?

— Нет, стрела устремляется к лани.

Разве садится горлянка молодцу на плечо?

— Нет, на горлянку молодец ставит сети.

Разве плывет царь-рыба к рукам рыбака?

— Нет, рыбак добывает царь-рыбу.

О, богдыхан! Старого учить что мертвого лечить. Тоньше нитей лунного света истончилась нить жизни твоей. Зачем тебе горлянки, лани, царь-рыбы? Скоро ты сам станешь добычей Ловца из Преисподней, чьей стрелы никому еще не удалось избежать.

Тебя до неба превозносят

Льстецы из покоренных стран.

В воде по горло пить не просят,

О, богдыхан!»

... Два года осаждала крепость на излучке реки несметная рать богдыханова, а взята не смогла. И тогда, сняв осаду, через месяц подослали в город лазутчика. Тот сумел под видом купца обмануть бдительность стражей и, забравшись на дерево возле дворца, пронзил стрелой Снежнолицую. Да не простою стрелю — отравленной, на хвосте же стрелы плясали на ленточке шелковой иероглифы, красные, будто кровь:

ПУСТЬ СТРЕЛА УСТРЕМЛЯЕТСЯ К ЛАНИ.

Обезумел от горя владыка, плакал навзрыд. Приказал он забальзамировать возлюбленную, схоронить в хрустальном гробу. Никто не смел под страхом смерти войти в мавзолей Снежнолицей, где уединялся владыка в часы душевных скорбей,

Купол мавзолея был подобием неба с вкраплениями драгоценных камней-звезд. На его стенах искусные резчики начертали стихи горем убитого мужа:

Дыханье Снежнолицей отягла
Колдунья, остроклювая стрела.
В меня вонзилась — и объяла мгла
Мой разум, раскаленный добела.

В одиночестве докоротал свой век неутешный владыка. Как все предки его, воевал беспрестанно богдыхановы рати и не знал пощады в сечах.

* * *

Город, подобно большинству раскапываемых на земле городов, был разрушен в древности дотла. К концу июля мы обозначили остатки стен дворца, а с западной стороны, на невысоком холме с розовым глиноземом, — круглое строение около шестидесяти метров в поперечнике: несомненно, обсерватория, а не загон для скота, как предположили поначалу, ибо выкопали медную, пострадавшую от сильного жара астролябию.

От необычайной жары и сухости граница между светом и тенью представлялась осязаемой, ее хотелось коснуться рукой. В полуденное небо нельзя было смотреть без рези в глазах. Иногда вдали на песчаном взгорье вылупливался грубой лепки мираж: стены крепости с минаретами, отражавшиеся в голубом глазу озера, как будто озеро, крепость и ее озерная тень поклялись и в этом фантазмагорическом сцепенье быть неразлучными, триединными. Почему-то виденье меня раздражало. Еще больше раздражало (всех, а не одного меня) то, что с середины августа мы лишились тишины. Выше нас по течению Чарына, правее, в древнем высохшем русле поднялась буровая вышка. Там ни днем ни ночью не затихал движок. Через неделю надоедливой тарактенья мы с ребятами отправились после обеда полюбопытствовать на диковинку и, надо сказать, крепко призадумались. Труд буровиков показался не просто тяжелым, как наш, каторжным. Тем не менее, вращая свои трубы, буры и канаты, они перекидывались шуточками, в том числе и на наш счет. Наконец сверху по железной лестнице спустился смуглый подросток, уйгур, весь перемазанный солидолом.

— Зачем без приглашенья приходишь? — заговорил он высоким голосом, но слова выговаривал медленно, будто обдумывал каждое. — Зачем работать мешаешь? Делать нечего — возьми помощи.

Был он худой и жилистый, как я, но с приметой: без верхней части правого уха; такое случается с мальчишками, когда учатся метать ножи. У меня, к примеру, сапожным ножом пробита левая ступня. Странно, но я сразу же почувствовал к нему симпатию. Его звали Мурат. Он, как и я, подрабатывал на канникулах, только у буровиков были еще и надбавки: отдаленные, безводные, сверхурочные, — и выходило втрое больше. Мы с Муратом быстро сошлись и вечером часто плескались в реке,

где соорудили запруду из камней. Он научил меня ловить на тухлое мясо вкусную рыбу маринку.

— Мурат, ты родом откуда? — спросил я его однажды.

— Теперь, пожалуй, из Чарына, — загадочно ответил он после некоторого раздумья.

От удивления я присвистнул, как сурок.

— Да я ведь жил в поселке Чарын! Четыре месяца. После шестого класса. Слепому старика Ануара знаешь? Что, живешь с ним по соседству? Ого! И легенду о Снежнойлицей слышал? Даже не только в Чарыне? Как же мы с тобой не познакомились?

— Я был у созерцателей небес.

— Ты? У астрономов? Значит, ты приезжал к нам в Алма-Ату?

— Нигде я здесь не был, кроме Чарына, — угрюмо сказал он и ушел к своей вышке. Вообще были в нем странности необъяснимые. Он не знал многих заурядных вещей, как будто жил в позапрошлом веке. Ни разу я не слышал от него таких слов, как «телевизор», «холодильник», «спутник», «синтетика», «вычислительная машина». Зато, когда у буровиков вышел запас продуктов, он вскинул на плечо свое ружье (между прочим, оно было кремневое, такие можно встретить лишь в музее) и скрылся в зарослях саксаула. Через час он приволок на двух жердях по песку здоровенного кабана.

— А вон в того коршуна можешь попасть? — не нашелся ничего лучше спросить я, трогая кабаньи клыки. В ту пору повсеместно гремела кампания за полное уничтожение хищной живности, и чувство коршуна украсило бы кабинет нашего декана, где уже пылился десяток кривоклювых врагов рода человеческого.

— Это не коршун, а молодой орел-бородач. Орлов убивать нельзя. И шахина нельзя, сокола рыжеголового. И вихляя, дрофу-красотку. Когда убьют всех орлов, люди умрут — слышал такое старинное пророчество? Нельзя в природе никого убивать.

— За исключением жирных кабанов? — Я поставил ногу на секача.

— В другой жизни кабаном стану я, и он меня лишит жизни, — серьезно отвечал Мурат.

— Ну а камнем стать на том свете не боишься? — усмехнулся я. Он мотнул головой. — Тогда попади в белый камень на обрыве. — Уж очень мне хотелось увидеть в действии музейный его самопал. Но Мурат сказал, как отрезал:

— Патроны еще пригодятся.

Я познакомил Мурата с Учителем, и, к моему удивлению, через неделю немногословный уйгур стал ходить за ним как тень. Самолюбие мое было основательно задето. Оказывается, Учитель записывал со слов Мурата восточные легенды и мифы, а Мурат брал уроки русского языка.

К середине сентября мы оконтурили несколько дворцовых комнат, арсенальную башню, конюшню, бани с двухметровыми кувшинами, правда, от кувшинов остались одни закопченные черепки, библиотеку с жалкими остатками сгоревших манускриптов. К библиотеке примыкали две комнаты неизвестного предназначения.

— Скорее всего здесь были спальни, — предположил Учитель. Я спросил:

— А где искать мавзолеей? Не мог же он располагаться за стенами крепости.

— Покоя не дает Снежнолицая? Такие легенды заставляют под любым холмом видеть Парфенон. Однако легенда есть легенда. За сотни лет событие обычно обрастает такими подробностями, что от него самого почти ничего не остается. Тем паче, когда... — тут он заулыбался и мгновенно нарисовал палочкой на стене раскопа женский профиль... — когда в дело замешана красивая дама.

— Сергей Антонович, но с такими мыслями вы никогда бы не открыли ни кладбище стегоцефалов, ни Золотые Дворцы на Орхоне, — разволновался я.

— Кроме названных, я участвовал еще в трех десятках экспедиций, Олег. Крупные открытия, к счастью, случаются редко. К счастью, ибо это не дает успокоиться.

...Где располагался мавзолей? На дворцовой площади? Вряд ли стал бы неутешный владыка возводить усыпальницу любимой там, где суетилась челядь и ржали кони. Рядом со своим мавзолеем? О нем ничего не известно. Он мог быть построен в Городе Мертвых, но кладбище мы еще не нашли. Рядом с библиотекой? Судя по множеству сгоревших книг, владыка в перерывах между походами проводил немало времени за чтением, а переизбыток знания усугубляет печаль. Мне почему-то казалось, что последнее пристанище Снежнолицей было рядом с обсерваторией, может, даже внутри ее. Воображение услужливо рисовало одинокого старца, вглядывающегося в звездную пустыню неба, где Пегас летит рядом с Орлом и Лебедем навстречу бесстрашному Персею с обвитой змеями головою Медузы Горгоны в руках, где Дракон подкрадывается к Серебряному Приколу, вокруг которого четыре звездных волка гонятся за тремя овцами, и, когда достигнут их, вселенная снова свернется в клубок. Но еще силен Геркулес, и Кит воздуует буруны на Млечном Пути, и старец спускается по мраморным ступеням к той, ради которой он неся на бешеном скакуне над крепостным рвом.

Я поделился своими мыслями с Учителем. Он одобрил мой замысел: выкопать для начала колодец, а от него несколько пробных горизонтальных ходов.

Я вгрызался лопатой в розоватую землю, не разгибая спины. Впереди маячил сезон дождей. Первые два хода (на север и запад) ничего не дали: один обвалился, другой уперся в скалу. Я рыл еще и по ночам, тайно от всех, при свете керосинового фонаря. Иногда я делал перерыв, вылезал глотнуть свежего воздуха. Тарахтела буровая, освещенная гирляндами лампочек. Там тоже грызли глину и гранит, и, может быть, бездушный бур давно уже прошел сквозь грудь Снежнолицей. Шакалы выли, обратив длинные морды к фонарю луны. Им вторили камышовые коты. Ветер доносил запахи тысячелетних кочевий. Когда-то по этим местам проходил Марко Поло, и он тоже слушал эти звуки, вдыхал эти запахи, чтобы потом, томясь в плену, без всяких прикрас рассказать о выстраданном и пережитом и обессмертить имя свое — о, не званием члена

великого совета Венеции обессмертить, не подвигами в братоубийственной бойне с Генуей. Простодушным повествованием о землях неизвестных, от которого он не отрекся и на смертном одре и в котором сумел даже о никогда им не виданной Руси сказать добрые и правдивые слова. Привет тебе из урочища Джейранов, праведный странник!..

В одну из ночей лопата наткнулась на каменную кладку. Камни были наподобие тонких кирпичей, замшелые, не тронутые пламенем, плотно пригнанные. Я вернулся по ходу в колодец, принес лом. Первые же удары отозвались странным подземным гулом. Сердце поднялось к горлу. «Значит, там, за кладкой, пустота», — обожгла мысль. Казалось, прошла вечность, прежде чем один из камней подался и упал к моим ногам. Из образовавшейся дыры пахнуло затхлостью и еще приторным неведомым ароматом. Я осторожно высвободил несколько камней, просунул в отверстие руку. Она повисла в пустоте. Я взял фонарь и протиснулся во тьму.

...Стены круглой сводчатой комнаты без окон показались мне утыканными множеством разноцветных лампад, как на новогодней елке. Даже в тусклом свете фонаря они переливались всеми цветами радуги. Узорчатый купол поддерживала выложенная яшмой и ониксом мощная колонна. Слева вплотную у стены отсвечивал золотым блеском массивный стол с шеренгой толстых черных книг на нем. У стола — черного дерева кресло с высокой спинкой. А справа — поначалу закрытый от меня колонной — покоился в покато́й нише сундук, накрытый чем-то вроде кожаной попоны с нашитыми золотыми бляхами.

Я много слышал про хитроумные ловушки на пути грабителей могильников; про падающие на голову каменные глыбы, про отверзающиеся под ногами колодцы, которые на дне утыканы копьями, про отравленные стрелы, вылетающие из темноты. Конечно, могло сработать и здесь нечто подобное. И все же я без особых раздумий поднял над головою фонарь — рука коснулась холодного гладкого свода, и я ее непроизвольно отдернул, едва не сбив робкое пламя.

Я обогнул колонну. На ней тоже переливались новогодние лампадки, как будто за мною следило множество кошачьих глаз. Ноги были ватные, я с трудом их передвигал. Казалось, вот-вот обрушится водопад грозных голосов, и мерцающий купол вместе со мной начнет проваливаться в другие времена — на суд и расправу...

Глухая тишина. Пыль под ногами. И на кожаной попоне — толстый слой пыли. Я осторожно взялся за ее край и приподнял. Кожа оторвалась беззвучно, невесомая, как пепел. Тогда я сдвинул рукавом попону, в сторону — и сноп лучей ударил мне в лицо.

В хрустальном гробу лежала Снежнолицая. Как живая. На щеках проступал легкий румянец, и васильковые глаза смотрели на меня в упор. Венок из золотых листьев и золотых виноградин обрамлял русые косы. Бирюзовые сережки с подвесками блестяли в мочках ушей. Почему-то мне вспомнились красавицы панночки, описанные Гоголем. Да, так колдовски была она прекрасна, столь пугающе струилась ее красота, что я начал пятиться, пока не уперся плечом в колонну.

Нашел! Я нашел Снежнолицую! Значит, легенда — вся, от начала до конца! — правда. Я оставил фонарь у колонны, снова протиснулся в отверстие, вылез по лесенке из колодца и, как зверек, прыжками, бешеными скачками устремился к палатке Учителя. Обогнув дворцовую площадь, я спохватился: как бы не переполошить уставшую за день экспедицию — и перешел на шаг. Поблескивал месяц, как золотая бляха на попоне небес. Хохотала река. Я то и дело оглядывался, как будто за мною кралась колдунья в венке из золотых листьев и виноградин. Зря ты не завернул в Бекбалык, в крепость на изгибе реки, поседевший в странствиях венецианец!

Я потихоньку растормошил Учителя.

— Сергей Антонович, одевайтесь. Надо немедленно на раскоп! Ни о чем не спрашивая, Учитель облачился в свою выдавшую виды брезентовую куртку, и мы зашагали к обсерватории. Первым в усыпальницу влез я. Для его внушительной фигуры отверстие оказалось маловатым. Я с величайшей осторожностью отделил ломом изнутри несколько камней. Мы оба оказались возле колонны, перед почти угасшим фонарем. Я подкрутил фитиль.

— Руками ничего не трогать, — сказал Учитель странно изменившимся голосом и шагнул к хрустальному гробу. Из-за его спины я подсвечивал фонарем. Он долго вглядывался в дивные черты Снежнолицей. Потом повернулся ко мне, положил мне свою руку на плечо, больно сжал.

— Спасибо, брат, — сказал он шепотом. — Если мир и спасет красота, то лишь такая — пречистая.

Около часа он самым внимательным образом осматривал гробницу, нашел потайной вход рядом со столом, начертил в записной книжке план помещения, прихотливое узорчье купола и колонны. Запыленный овальный поднос на столе оказался поясным портретом Снежнолицей. Художник изобразил ее без украшений, с толстой косой, стекающей по плечу к букетику подснежников. На плече у нее сидел снегирь. Белоснежная кофта была оторочена светло-зеленой каймой с вышитыми снегириями, они прыгали на распускающихся ветках. Краски светились голубизной, как вода северных рек. Портрет казался написанным вчера.

— Это энкаустик — секрет живописи утерян, — сказал Учитель. — Так писали фаюмские портреты. Русская финифть — сводная сестра энкаустика. А теперь пора возвращаться.

Портрет он взял с собой вместе с одной из книг (она была на древнегреческом). Отверстие в гробнице он попросил снова заложить камнями и засыпать глиной. Когда я покончил с этим, поднялся по лестнице, он ждал меня наверху.

— Олег, на вас глядя, я вспомнил себя в восемнадцать лет. В те времена я нашел под Усть-Цильмой ископаемых юрского периода. Помню, пустился в пляс. Второй раз плясал на становище берендеев... Вы сделали важное открытие.

— Снежнолицую нашла вся наша экспедиция, — впервые возразил я Учителю. — Можно, я на один день съезжу в Чарын? Эх и обрадуется красавице слепой Ануар!

— Позднее, Олег, позднее. Все гораздо серьезней. Утром я улетаю в Алма-Ату, надо поставить в известность академию.

Вернусь через два-три дня. Вместе с группой для цветной киносъемки. Но давайте, Олег, условимся: до моего возвращения никому ни слова! Иначе здесь начнется столпотворение вавилонское. Как бы не обрушился свод гробницы. Единственная защита от любопытствующих — молчание. Очень на вас надеюсь.

— Даже во сне... — сказал я, прикладывая палец к губам. — А лестницу сейчас же вытащу из колодца и спрячу в кустах.

Засвистал первый сурок. Уже разогревались краски неба на востоке.

Сразу после завтрака Учитель уехал на экспедиционном «газике» в райцентр, откуда летали в Алма-Ату юркие четырехкрылые самолетчики. Состояние, в которое я погрузился, можно передать единственным словом: восторг. Я не мог усидеть на месте, беспрестанно вскакивал, разрубал прутом воздух и, скрывшись от посторонних глаз на другом берегу Чарына, распевал, чтобы слышали и джейраны, и ящерицы, шныряющие по скрюченным стволам саксаула, и молодые орлы, которых нельзя убивать:

Перед ним во мгле печальной
Гроб качается хрустальный,
А в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.

Тут же в честь Снежнолицей я принялся сочинять гекзаметром поэму, где повторялась строка: «И нескончаемо длился осенний божественный день».

Да, длился он бесконечно, и я, конечно, не утерпел и как бы невзначай несколько раз подходил к моему колодцу, сожалея, что не могу сейчас же показать Мурату невиданное чудо. На завтра я договорился с ним пойти вечером на охоту, и надо было искать предлог отказать. Какая там охота, если я должен неусыпно охранять Снежнолицую!

Ночь выдалась черная, безлунная. Зубцы гор слабо обрисовывались в тусклом мерцанье звезд, задернутых полупрозрачной пеленой. Над горами, словно огненные ветви, вспыхивали молнии. К полуночи воздух стал густым, тяжелым. Начало погромыхать. Странный шум доносился со стороны реки. Я рыскал между палатками, надеясь разыскать брезент или клеенку, чтобы закрыть колодец на случай ливня. Там уже лежали крест-накрест добытые мной сухие жерди. Ничего не найдя подходящего, я решил пожертвовать своей палаткой — в конце концов скоротаю ночь в фургончике, заменявшем нам библиотеку. Палатка стояла на отшибе, среди белых шапок бересклета, и меня редко кто навещал, тем более ночью. Каково же было мое удивление, когда я лицом к лицу столкнулся у палатки с Муратом. За его спиной чернел ствол ружья.

— Олег, беда идет, — заговорил он приглушенно. — Река распухла, уже несет камни. Будет землетрясение. Или еще ху-

же — сель. Поднимай всю экспедицию, перебирайтесь выше, на холм.

— Откуда ты узнал про землетрясение? — удивился я.

— Будь всех, будь, пожалуйста! Сурки, землеройки, мыши на закате вылезли из нор, наверх двинулись. Змеи ползли!

До этой ночи я слабо представлял себе действие селя, разве что по рассказам деда моего, смутно помнящего пострадавшую от грязевого вала Алма-Ату. Видя мою нерешительность, Мурат впился в меня мертвой хваткой и буквально заставил поднять всех наших. Пока заместитель Сергея Антоновича неохотно давал указания, пока спросонok кряхтели и чертыхались, собирали рюкзаки, пока грузили на «газик» добытые в крепости реликвии, прошло часа полтора. Звезды исчезли. Разлилась тьма, она загустевала, как остывающая смола. Выл Чарын. Вдруг со стороны гор скатился громовой взрыв, будто сошла лавина. Казалось, под уклон двинулись циклопические каменные колеса. Удар ветра загасил костер возле буровой, искры скрутило в жгут.

— Бросайте все! Бегите наверх! Иначе смерть! — закричал Мурат.

Все кинулись спасаться, продираясь сквозь заросли барбариса и ежевики. Я тоже помчался было за Муратом, но вскоре остановился как вкопанный: ужаснула мысль об оставляемой на произвол стихий гробнице.

— Олег, ты что, вывихнул ногу? — встревожился Мурат.

— А Снежнолицая! Вдруг пострадает при землетрясении? Пойду к ней! — И я повернул назад.

— Куда? Вниз? Ни с места!

— Может, прикажешь поднять руки вверх? — рассвирепел я.

Мурат появился во тьме и вlepил мне такую звонкую затрепину, что я не устоял на ногах и повалился на склон, но живо вскочил, собираясь расправиться с обидчиком. Мы сцепились, тяжело дыша. Мне было легче волочить его вниз по склону, но он сумел змеиным подныром оказаться у меня за спиной и больно заломил правую руку.

— Наверх! Или прикончу как шакала!

Его крик растворился в грянувших потоках ливня, словно над нами разверзлось озеро.

— Мы с тобой расквитаемся, рваное ухо, — злобствовал я, подталкиваемый сзади Муратом. Руку мою он так и не отпустил, пока мы не оказались высоко на холме. Я начал разминать затекшее плечо. И в это время внизу прогреготала всеограшающая громада селя. Она была не видна за сплошной стеной дожда, но земля заходила ходуном, как будто под нашими ногами были не твердые скальные породы, а стог сена. Вскоре со скоростью курьерского промчалась следующая громада, затем еще и еще...

Лило до рассвета. Мы промокли и продрогли. Мурат ушел скорее всего к своим буровикам. После перепалки внизу он не сказал мне больше ни слова.

Солнце еле выползло. От кустов и травы поднимался пар. Я решил никого не искать и спуститься вниз. Сапоги на мокром склоне скользили как по мазуту. Когда заросли поредели, сквозь редкие плети ежевики открылось печальное зрелище. Оно и поныне стоит у меня перед глазами. По урочищу Джейранов провололось железное чудовище, взвезной мастодонт, бессмысленно разрушивший все на своем пути. Буровая вышка была смята в лепешку, как хлипкая модель из алюминиевой проволоки, и заброшена на скалу. Там и сям чернели обляпанные грязью огромные валуны, оставленные селом вперемежку со стволами ободранных тянь-шаньских елей. Деревья были сломаны, как спички. Наш лагерь исчез, на его месте блестела мутная лужа.

А гробница! Что случилось с находкой? Я встал на край небольшого обрыва, ница контуры крепостной ограды со стороны реки. И нашел ограду. Она была как ножом отрезана и унесена селом. Вместе с обсерваторией. Вместе со Снежнолицей. Там теперь тащилась по камням смиренная река, обживающая новое русло. И не река даже — ручеек.

Вот и меня настигла из тьмы веков стрела с кровавыми иероглифами. Она впилась в сердце, я зашатался и, чтобы не упасть, схватился за ветку дикой яблони. Вслед за дождевыми каплями яблоня осыпала меня желтыми сплюснутыми плодами с розовыми прожилками; яблоки глухо простучали по обрыву и закачались на бурой воде.

Как во сне, спустился я к дворцу, приблизился к срезу земли, пропаханной клыком разъяренного вепря, проклятого селя. Подо мною в зловонной жиже плавали обезображенные туши двух круторогих козлов-тэков, кабана, нескольких птиц: то были голенастые коростели. Справа на валуне блестела мокрой шкурой мертвая рысь. Я не смог сдержаться и начал всхлипывать. Глотая слезы, я посылая проклятья горам, лавинам, разбухшим от дождей озерам над альпийскими лугами, селю, насыщающему утробу из этих озер.

Чья-то рука тронула меня сзади за плечо. Я порывисто оглянулся.

— Зачем плачешь, как девушка? — тихо спросил Мурат. — Мужчины не плачут.

Был он в мокрой ковбойке, левая щека разодрана.

— Проваливай! — сказал я. — А то заплачешь тоже.

— Больше всего вышку жалко. Красивые на ней были лампочки, — сказал он невозмутимо.

И тут меня взорвало. Я схватил его обеими руками за грудки и принялся бешено трясти.

— Вышку жалко, вышку, да? А Снежнолицую не жалко? Сам знаю, плакать или плясать. За что меня вчера грозил прикончить как шакала? Зачем руку заламывал? Остаешься я здесь — и ее не тронул бы никакой сель! Да, не тронул! Проваливай, рваное ухо!

В детстве я страдал припадками эпилепсии и хорошо помню то состояние, которое охватывает все тело перед забытием.

Припадки не повторялись лет десять, но теперь я почувствовал: наваливается, накатывает опьяняющая волна.

— Проваливай, рваное ухо! — опять выкрикнул я в побледневшее Муратово лицо. Он не двинулся с места. Я ухватил его за широкий кожаный пояс, приподнял и швырнул вниз, в коричневую жижу. Последнее из запомнившегося — белки его глаз, когда он поднялся, весь в грязных потеках.

— Больше никогда не назовешь Мурата рваным ухом! — медленно сказал он и добавил что-то по-уйгурски.

3. КНЯГИНЯ РАДОСТИ

— Эона, а вот что сказал Аристотель: «Цена любого предмета зависит от его красоты. У красивейших все остальные должны быть рабами». Он прав. Разве плохо находиться в полной власти у красоты?

— Любэе рабство отвратительно. Красота — достояние всех. Она подобна широколиственному дереву в знойной пустыне. Дерево утоляет жажду плодами, одаривает цветами и прохладой. Неужели ты захочешь за эти щедрости увезти дерево с собой?

— Таких безумцев во все времена было немало. И не только тех, кто довольствовался гаремом. Случалось, один народ устраивал охоту на другой народ. Разрушались прекрасные города, испепелялись дворцы и храмы, истреблялось все живое, кроме красивых женщин. Их обращали в рабынь, продавали как скот.

— Но всякий раз в истории добро и справедливость торжествовали.

— Торжествовали? В ужасающих сечах, где погибали лучшие, храбрейшие. Путь красоты отмечен стенаньями, кровью, враждою. Так уж устроено мирозданье.

— Ты ошибаешься, полагая, что разумные существа повсеместно в мирозданье враждуют...

Приехавший вместе с главным археологом Казахстана Сергей Антонович нашел меня в горячечном бреду. Температура доходила до сорока. Меня заворачивали в мокрые холодные простыни — кто-то вычитал про это в записках Пржевальского. Не помню, как везли на «газике», как летел в Алма-Ату. Одно и то же виденье преследовало воспаленный мозг. Урочище Джейранов. Глухая безлунная ночь. Внезапно все окрест сотрясает громовой удар — это вырывается из заточения нефть вперемешку с газом. Буровая вышка смята, как модель из алюминиевой проволоки, и отброшена на скалу. Неудержимый поток нефти заполняет почти раскопанную обсерваторию, крокочет у стен дворца. «Спасите Снежнолицую! Спасите!» — кричу я, барахтаясь в нефтяных волнах. Стрела молнии поджигает черный поток, все кругом вспыхивает, я задыхаюсь в огненных языках и снова взываю о спасении Снежнолицей...

В университет я возвратился только после ноябрьских праздников. Здесь, в Сибири, давно уже была зима. Не заходя в общежитие, я направился к Учителю. Вечерело. В комнате с потертым креслом горела зеленая настольная лампа. Он поднял голову от бумаг, встал из-за стола, широко раскинул руки и обнял меня.

— Наконец-то, наконец-то, голубчик! Ну что, оклемались?

Я высыпал на кресло из рюкзака две дюжины яблок из нашего сада — знаменитый апорт, — каждое величиной с кулак. Он живо взял одно, с хрустом разломил, протянул мне половину.

— Слава казакам семиреченским, какой плод вывели! Апорт умудрялись сохранять до нового урожая. И арбузы — они были у казачков пудовые. Эх, молодость! Катилось яблочко вокруг огорода, кто его поднял, тот воевода, тот воевод-воеводский сын; шишел-вышел, вон пошел! Как это называлось, знаете? Конанье. Считалка мальчишечья. Я еще в бабки играл — и как!

Помолодел Учитель, точно четверть века сбросил с плеч. Не хотелось его огорчать, но...

— Сергей Антонович, я пришел проститься, — сказал я. — Ни историка, ни археолога из меня не получится. Я не уберег Снежнолицую. Чем так начинать, лучше податься в кочегары или дворники.

— Хорошая профессия кочегар. И я когда-то шуровал уголек. На пароходе, — сказал он невозмутимо.

— Возвращаюсь домой, в Алма-Ату. Я уже присмотрел себе работу. Надо деду помогать. Совсем состарился, весь скрюченный, как саксаул. Сад высыхает, некому поливать. — Я принялся завязывать рюкзак. — Попробую перевестись у себя на вечерний физфак, авось стану геофизиком. Буду разгадывать природу землетрясений и селей.

Учитель сел за стол, подпер рукой массивный подбородок.

— Это трусость, Преображенский. А непроявленная доблесть еще постыдней проявленной трусости, как говорили древние. Да, потеря Снежнолицей невосполнима. Но подумайте, сколько погибает красоты при сооружении водохранилищ, при рытье каналов, при прокладке дорог. Сколько всего уничтожено под бомбами в войну! Я нахлебался водички в болотах под Новгородом и помню, что эти изуверы сделали с городом, с памятником «Тысячелетие России». А сожженный почти дотла Минск! А Смоленск! А Петродворец! — Он заикался сильнее обычно. — Но страшно даже не это. Камни и книги мертвы, хотя что я говорю: мертвы?.. Ладно, об этом как-нибудь после. Так вот. Война страшна гибелью красоты. Смертью боевых друзей. Война — это грязь, жестокость, безумие! Это наш дивизион, от которого в живых на прошлый День Победы осталось трое. Будь она трижды неладна, война!

И он опустил на стол кулак, так что лампа подпрыгнула. Я молчал.

— Да, погибла Снежнолицая. Но она была мертвой, ваша красавица. А когда безумный Сатурн переживает миллионы и уродует уцелевших... Ваш отец воевал?

— Партизанил в Италии. В бригаде имени Гарибальди. После побега из плена. От него осталось «Свидетельство Патриота». Такое удостоверение на итальянском языке.

— Он погиб?

— Умер шесть лет назад. Разрыв сердца.

Тяжело опустились веки Учителя. Мы оба молчали.

— Был у меня товарищ школьных лет Андрей Нечволодов. Вместе берендеями занялись, на фронт пошли вместе. Знаете, о чем он мечтал? Подготовить и издать словарь славянской мифологии. У нас греческих божеств и героев изучают чуть ли не с пеленок, и это, кстати, хорошо. А своих знаем плохо. Андрей же, бывало, как начнет рассыпать имена диковинные — от писем бойцы отрывались. Стрибог, Полисун, Вертодуб, Белун, Ярило, Дива, Зюзя, Жива, Недоля, Ховало, Овсень... Их десятки, сотни, и о каждом сложены мифы. Кто их знает? Горстка специалистов. Так-то.

— Мой дедушка знает заговор о Яриле, — вспомнил я.

— Вот и запишите, не пропадет добро... Эх, Нечволодов... Иные в рюкзаках консервы таскали, а он трехтомник Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Между боями готовил его к переизданию. Книга-то вышла в середине прошлого века. На ней Мельников-Печерский вырос, Лесков, Есенин, Горький знал и любил. Слышали про Афанасьева?

Я шурился на зеленую лампу. Что ответить энциклопедисту?

— И мало кто слышал. А он за короткую жизнь собрал тысячи сказок, издал «Народные легенды». Его выгнали со службы по доносу провокатора, и он умер в нищете. Андрей рассказывал, как чахоточный Афанасьев распродал за бесценок свою библиотеку, где были рукописные книги допетровской поры... Помню, под Кенигсбергом пошел мой дружок за гранатами, как раз привезли боезапас. Я немного замешкался, заглянул на КП. Вдруг слышу — в березняке взрыв. Шальной снаряд попал в полуторку с гранатами, рядом стоял и Нечволодов. Ничего не нашли, воронка в земле над рекою Преголей — и все. До сих пор не верю, что нет друга. Осталась память — трехтомник со славянскими древностями... А теперь отвечайте, Олег: кто издаст словарь нашей мифологии? Кто книгу напишет об Афанасьеве?

От последних его слов стекло в окне задрезжалось, и он понизил голос:

— Вы прирожденный археолог, Преображенский. У вас обостренный нюх ученого — будущего ученого! И заметьте: в недавней трагедии в Бекбалыке есть и светлая сторона, хоть это звучит кощунственно. Во-первых, портрет Снежнолицей. На него нацелились сразу и Эрмитаж, и Пушкинский музей, и Музей восточных культур. Но мы еще с ними со всеми потягаемся. Во-вторых, манускрипт. Он оказался трактатом о небесных явлениях и принадлежит перу — кого бы вы думали? — Фалеса Милетского, родоначальника греческой философии, одного из семи мудрецов древности. «О поворотах Солнца и равноденствии» — так называется эта поэма. О ней упоминал еще Диоген Лаэртский. А считалась она утерянной. Это ли не удача! И в-третьих, должен вас поздравить со стипендией име-

ни Карамзина — это вам от академии, за Снежнолицую и за Фалеса. Сто десять целковых в месяц — да я в ваши годы мечтать не смел о таком богатстве, сухариками пробавлялся да пшенной кашей... Засим прошу следовать в общежитие и грызть гранит науки. Летом снова приглашаю на раскопки.

Я сидел растерянный. Стыдно было перед Учителем за свое скоропалительное решение.

— Одно худо, товарищ именной стипендиат, — сказал Сергей Антонович и вновь захрустел яблоком. — Мурата вы крепко обидели. Таких, как он, обижать нельзя. Таким генералы снимали с кителя собственные ордена и на грудь прикалывали. Вдобавок он спас жизнь членам нашей экспедиции... Представьте, что он тогда всех не растормошил бы...

— Сергей Антонович, честное слово, я был не в себе, когда повздорил с Муратом.

— Каждый волен делать что ему заблагорассудится, но не забывать о последствиях. Примерно так звучал девиз венецианцев. Думать о последствиях. Быть предельно осмотрительным. Это не исключает отваги в решающий момент... Иногда от одного неудачного слова гибли империи. Жизнь — это хождение по лезвию бритвы, говорят в Тибете. Там же бытует поговорка: «Пока карлики поссорятся, повоюют и помирятся, великаны не успеют поздороваться». Поменьше криков, суеты, размахивания руками. Побольше труда и духовного сосредоточения. Давайте, Олег, поступим так. В следующий четверг вы заглянете ко мне домой на огонек. Поведаю историю Мурата. Вы же продумайте, как перед парнем извиниться.

— Да я хоть сейчас готов лететь в Чарын, прощения просить, — чуть не закричал я.

— Зачем же в Чарын? Мурат стал вашим земляком. Живет и здравствует в Алма-Ате. В уйгурской школе-интернате. Кстати, много ли вы знаете об уйгурах?

К своему стыду, ответить Учителю мне было почти нечего.

— Большинство уйгуров живет в Китае. Так уж история распорядилась, — начал я робко. — По-моему, религия запрещает им охотиться. Во всяком случае, когда я жил в поселке Чарын, ни одного охотника не встретил. Зато они любят музыку, песни. Я брал в руки их гитару — на ней аж 25 струн. Любят сказки и стар и млад. Помню, старик Ануар рассказывал про падишаха, который устроил испытание девушке из простонародья. Он повелел ей прийти ни в одежде, ни голой, ни пешком, ни верхом, ни по дороге, ни без дороги, ни с подарком, ни без подарка.

— Занятно, — сказал Учитель не без лукавства. — Напоминает русскую сказку. И что ж красавица?

— Она пришла к падишаху по крышам домов. Завернулась в рыболовную сеть, между ног вела козла, а в руке несла воробья. Протянула руку падишаху с подарком — воробей и упорхнул...

— Похоже и впрямь на нашу сказку. И все же уйгурская. А почему — знаете? Учитесь вникать в текст. Девушка идет по крышам. На Руси такое было невозможно — и скаты крыш крутые, и дома друг от друга отстояли прилично. А у уйгуров

жилища рядышком, один к одному жмутся. И крыши плоские, хоть на велосипеде разъезжай.

— Верно, — удивился я. — И сейчас, и, значит, в прошлом. Хотя насчет их прошлого — темное дело.

— В каком смысле темное? — оживился вдруг Учитель. — Да они известны с третьего века до нашей эры! О них писали Птолемей, Вильгельм Рубрук, иезуит Плато Карпини, Марко Поло, даосский монах Чань-Чунь, Аль-Бируни. Они воевали с самим Искандером, то бишь Александром Македонским, с Тимуром! А задолго до Тимура с жуань-жуанями, образовав целую державу на Орхоне и Селенге. Слыхали про развалины Каракорума? Он основан на пять столетий раньше монгольского города с таким же названием и размерами превосходит последний в несколько раз. Уйгурский алфавит — основа маньчжурского и монгольского, а уйгурский литературный язык был самым распространенным в Центральной и Средней Азии. А их буддийские монастыри! А картины и скульптуры! Тысячу лет назад каждый третий уйгур владел грамотой... Юсуф Баласагунский, Махмуд Кашгарский — они под стать Хафизу, Навои, Хайяму. Вот послушайте:

Я плачу, гибну, рану бередя,
Как дождь, я исхожу живую кровью,
Глаза мои ослепли без тебя, —
Так исцели, молю, своей любовью.

— Такое мог вполне написать владыка после гибели Снежнолицей, — сказал я.

— Это и написано примерно в те времена. Но как написано, как!

И Учитель продолжал читать строки Махмуда. Слушая их, я, как никогда, осознавал свое ничтожество. Учитель, истерзанный войной и экспедициями, сумел выучить чуть ли не десяток языков, включая древнегреческий и уйгурский, сумел столько узнать, передумать, перечувствовать. А я! Что сделал я в свои почти двадцать годков? За лето в Чарыне даже не удосужился — у того же старика Ануара — хоть что-нибудь узнать о народе, среди которого жила и погибла Снежнолицая...

ИСТОРИЯ МУРАТА ШАМАЕВА И ЕГО ВЕРНОГО СТРАЖА ТОКО

Сколько себя помнил, Мурат жил с дедом в уйгурской деревушке, в трех часах ходьбы от города Кульджи. Мурат был десятым ребенком в бедной семье, дед привез его из Урумчи и, по существу, усыновил. Едва восходило солнце, белобородый Турсун будил внука, и они шли на огород — клочок земли шагов двадцать в длину и вдвое меньше в ширину. На этом клочке Турсун знал буквально каждую пядь. Там стояли на кольях, в несколько этажей, ящики с прорастающей рассадой редиски, моркови, свеклы, помидоров, там росли в плетеных

корзинах дыни и арбузы, там зеленели и краснели (в других корзинах, поменьше) стручки четырех сортов перца. Все эти ящики, корзины, железные кастрюли с дырявым дном были соединены друг с другом паутиной веревок и проволочек, и, следя за солнцем, дед с помощью большого деревянного колеса и других колесиков, тоже деревянных, разных рукояток и рычажков управлял механизмом своей живой вселенной. Одни ящики и корзины прощались с тенью, другие задвигались, третьи поднимались на высоту протянутой руки деда. Три, подчас четыре урожая умудрялся собирать с апреля по ноябрь Турсун, и того, что давал огород, им хватало до следующего лета.

Со временем Мурат освоил хитроумную систему, к двенадцати годам он стал заправским огородником. Теперь дед даже позволял себе вздремнуть часок-другой после обеда или отправиться в горы на поиски целебных трав. На стенах глинобитной мазанки, где жили дед с внуком, висели пучки растений, мешочки семян, в деревянном сундуке поблескивали пузырьки с барсучьим салом, целебным маслом облепихи, мумиё. Вся деревушка лечила хворобы у Муратова деда, будь то водянка, слабость печени, отрыжка, кровохарканье или ушиб. Больницы в деревушке не было, как и школы, и Мурат выучился читать по единственной дедовой книге — «Канону врачевания» благословенного Абу Али Абдалла ибн Абдурахман ибн Сины. Собственно, книг, составивших канон, было пять, толстенных, увесистых, пахнущих пряностями.

«Берут сагапена, горечавки, мирры, опопанакса и белого перца — каждого по два мискала, очищенных костянок лавра — четыре мискала, растирают и замешивают с водой, — читал Турсун нараспев при свете коптилки. — Оно помогает от всякого кашля, всякой текучей материи, внутренних гнойников; его изобрел Абуллукийус, — да продлятся потомки его на тысячу лет и десять тысяч дней...»

Под присмотром деда и Мурат собирал травы в горах. За одиннадцатым перевалом высоко над ручьем в скале чернели дыры. То был подземный город Созерцателей Небес.

«Еще во дни моей молодости из пещер выходили люди в фиолетовых и желтых одеяньях, — говорил дед, и глаза его слезились от яркого света, и струилась борода по плечу на ветру. — Они спускались с гор и расплачивались за покупки старинными серебряными монетами. Но теперь больше уж не спускаются, — как видно, повымерли все... А когда я умру, ты, Мурат, отправляйся в Чарын, к брату моему Ришату. И «Канон врачевания» передай ему. Ничего, что тяжелы книги. Знание не тяжелит. Ты на ослика нагузи и иди. Там граница, но родственников вроде бы пускают. Я б и сам ушел к Ришату, да больно стар, упокоюсь здесь. Говорят, уйгуры на той стороне богато теперь живут, как в древности одни правители жили — елики».

«Дедушка, ты не умрешь, — говорил Мурат, — я отыщу для тебя бессмертную траву, и разотру в ступке, и смешаю ее с девясилом, семенами айвы, цветками гранатника и сельдереем».

И опять вышибал ветер слезы из дедовых глаз.

Однажды осенью дед впервые взял с собою внука в Кульджу. Они нагрузили двух осликов корзинами с овощами, дед ехал верхом, а Мурат шел по траве: жалел тонконового ослика. Город немного испугал Мурата: так много было людей, лошадей, чихающих грузовиков. В глухом, заросшем травой переулке, на подходе к базарной площади, послышался жалобный собачий визг. Визг доносился из-за камышового забора. Мурат взобрался на ослика и увидел чужой огород, только без корзин, кастроль и колес. Несколько здоровяков, вооружась длинными бамбуковыми палками, били по очереди метавшуюся возле железного колышка собаку. Пес был мохнатый, коротконогий, с маленькими ушами торчком.

Не раздумывая, Мурат перемахнул через забор, юркнул у кого-то под ногами и накрыл собаку своим телом. Вслед за тем он получил удар бамбуком по спине, да такой, что рубаха лопнула с треском.

— За что собаку бьете? — закричал он и заплакал от нестерпимой боли.

— Убирайся подобру-поздорову, шенок, — коверкая уйгурские слова, прогундосил пузатый детина и снова замахнулся палкой. — Убирайся! Из собачки этой мы сперва сделаем живую отбивную, а потом зажарим на костре. Мотай отсюда! — И все вокруг заготовали. Мурат тогда еще не знал, что собачье мясо — любимое здешнее лакомство, что собачатина на местном рынке вдвое дороже баранины. Особо ценилось гурманами мясо собаки, забиваемой палками насмерть. Операция эта производилась неторопливо, под смех и прибаутки...

Ничего этого не знал Мурат, когда кинулся защищать обреченного пса. Мальчишке всыпали еще несколько палок, но он не переставал кричать:

— Отдайте мне собаку! Отдайте собаку! Дедушка даст за нее мумиё и женьшень! Большой корень, длинней ладони!..

Пузатый долго радовался выгодной сделке: за полученный корешок можно было купить трех собак. Дедушка намазал вспухшую спину Мурата бальзамом из глиняной баночки и долго еще оглядывался на пузатого, что-то шепча. На базаре они купили псу ошейник и ближе к вечеру отправились домой. Так у Мурата появился четвероногий друг. Его назвали Токо. Незаметно он вырос в могучего пса с широкими лапами и черной шерстью на загривке. Теперь, уходя в горы за травами или за сухим кустарником — кураем, которым зимою топили печи, мальчик брал с собою Токо. Пес разрешал нагружать на себя курай, как на ослика. Он добросовестно обрабатывал свой хлеб. Со временем Токо наловчился добывать в зарослях и при-таскивал к порогу мазанки зайцев, сурков, лисиц, даже приволок как-то шакала. За лисиц и зайцев дед Турсун сурово отчитывал пса.

— Большой грех убивать лису, о-ох, большой. Раньше лиса была человеком, да стала сбивать других людей разными хитростями, вот и наказал ее бог. И тебя, Токо, накажет.

— А кого еще бог наказал? — спрашивал Мурат.

— Слона. Он был хлебопек, обвешивал покупателей. Медведя — продавал худую краску. Волка наказал. Этот был мяс-

ник в другой жизни, торговал мясом дохлых овец... Тащи лису обратно, Токо, тащи!

И — чудо! — Токо хватал огненную лису за загривок и уволакивал в заросли шиповника. Вот каким догадливым оказался чуть было не забитый палками пес.

Однажды в пору цветения урюка, когда южные склоны гор зааляли от тюльпанов, в деревушку ворвались бандиты. Они остановились перед домом дряхлого Рената Умарова — единственного книгочея по всей округе. Ими предводительствовал лысый толстяк с розовыми, как у младенца, щеками. Бандиты принялись выкидывать из дома Умарова книги. Он бегал от одного к другому, хватал за руки.

— Опомнитесь! Я собирал их всю жизнь! Там «Сутра золотого блеска!». Там «Алмазная колесница». Им же тысяча лет! Тысячелетие! — выкрикивал старик Ренат, поводя головой, и снова получил удар по шее.

В небе громынуло. Прикочевавшая из-за горы туча наваливалась темно-синим брюхом на деревушку. Ветер стих. Замолкли птицы.

— Дедушка! — закричал Мурат. — Что они делают?! Разве можно так?!

— Молчи, Мурат, — сказал дед и зашатался. Колени у него подогнулись, он повалился на бок. Соседи привели его домой под руки.

Такой грозы давно никто не помнил. До вечера бились в небе длинными мечами злые демоны, и прозрачная кровь из их ран проливалась на испуганную траву...

Вечером, отбиваясь от Токо дубинкой, в глинобитную мазанку вломился розовощекий.

— Пса на цепь, а то пристрелю! — скомандовал он, и Мурат загнал Токо в будку. Когда он вернулся в дом, гость сидел за столом с двумя бутылками рисовой водки.

— Дай, думаю, переночую у колдуна, авось не превратит в свинью, — ухмылялся розовощекий. — Может, отвару какого нацедишь, чего-то сердчишко пошаливает, брюхо из штанов лезет, как квашня. Давай, давай, не жалея. Завтра все равно все твои зелья-притиранья в реку спустим.

Лежащий на низкой деревянной кровати дед отвернулся к стене.

— Ты нос не вороти, колдун, не вороти. Лучше о закуске позаботься, о грибочках да огурчиках. А с кровати слазь. На ней спать буду я. А тебя все равно в пустыню выгоним.

— Никуда я, сынок, отсюда не поеду. Жить-то мне осталось всего ничего, — вздохнул Турсун.

— Еще как поедешь, старый хрыч. Побежишь в пустыню резвее жеребчика. — Он нехотя поднялся, подошел к кровати, пинком сбросил деда на пол. Задергался дед, захрипел, горлом хлынула кровь. Мурат впился зубами розовощекому в ухо и больше ничего не помнил.

Он пришел в себя от боли, потянулся рукой к правому уху туда, куда впивались, как ему казалось, раскаленные иглы. Верхней половины уха как не бывало. Он лизнул липкие соленые пальцы, застонал.

— Заткнись! — сказал толстяк, успевший опорожнить обе бутылки. — Моли бога, что все зубы еще не вычистил. Будешь знать, как кусаться, пес шелудивый. Раньше говорили: око за око. Я же заявляю: ухо за ухо. Ух-ух-ух-ух-ух! — Он затряс животом, корчась от смеха.

Когда гость плюхнулся плашмя на кровать и засопел, Мурат поднялся, наклонился над дедушкой. Тот не дышал.

Внук прикрутил фитиль в лампе, сходил в сени за кувалдой, проверил, занавешены ли окна. По стеклам ползли змееныши дождя. Оглядываясь на деда, Мурат накрыл холстиной толстяка, вцепившегося руками в подушку, как будто подушка, как сказочный дракон, уносила его в поднебесье.

«Пусть после смерти ты превратишься в борова», — подумал Мурат и обрушил кувалду на голову толстяка. Ему вдруг почудилось, что стены дома зашатались, как при землетрясении, а в небесах загромыхали орудия богов, наказывающих убийц... Но нет, все было спокойно. По холстине расплывалось черное пятно, и никто больше не сопел.

Мурат поставил кувалду на прежнее место, нашарил за приолокой нож с костяной рукояткой. Ни единого окна не светилось в деревне. Только шумел дождь да взвизгивал Токо, почуввав хозяина на крыльце.

Дед уже не лежал на полу, а сидел, прислоненный к лавке. Неужели жив?

— Мурат... пи-и-и-ить, — простонал дед. Его зубы стучали о края чашки, когда он с трудом глотал молоко.

— Дедушка, я укуошил толстяка насмерть. Кувалдой, — сказал Мурат на ухо деду. Тот завздыхал.

— Ох, ох, тяжкий грех... Тем легче он тебя сразит на том свете... Что ж теперь будет, внук?.. — Язык у деда заплетался, слова он выговаривал с трудом. После долгих вздохов он зашептал: — Заводи обоих осликов прямо сюда, в комнату... давай навьючивать. Бери весь порох, жаканы, дробь, соль... пшена полмешка, полмешка рису... Одеяла бери верблужьи, оба полушубка, валенки, сапоги... Надо скрываться в пещеры, деться больше некуда.

Мурат сделал все, как велел дед, затянул ремнями поклажу.

— Где кувалда? — спросил дед и попросил вложить ему рукоятку в руки. Мурат вложил.

— Помнишь теплый ключ ниже города Созерцателей Небес? — спросил дед. — Там под водопадом вход в пещеры... Будешь проходить сквозь водяную стену — закрой осликам глаза... не то заупрямятся... Раньше осени сюда не возвращайся... Осенью попробуй уехать в Урумчи, к отцу... Добрые люди помогут добраться... Но не раньше осени... Обещаешь?

— Дедушка, — заплакал Мурат, — садись на ослика.

— Пусть думают, я убил... Никто тебя не хватится. А я... сейчас... умру... — сказал дед. И голова его упала на грудь.

Сколько Мурат ни бился, поднять мертвого на ослика он не смог. Когда тело деда стало холодеть, он погасил лампу перестал плакать и двинулся в путь. Возле мельницы он оглянулся с пригорка на родную деревню. Полночный дракон сожрал все лучи неба и земли, упиваясь мелким нудным дождем. Лишь вырисовывался по правую руку пирамидальный тополь.

Никаких отшельников в городе Созерцателей Небес он не нашел. Пещер было великое множество, они далеко уходили в глубь гор. В одной обнаружилось озеро с теплой водой и серебристыми карабкающимися со дна пузырьками. Откуда-то сбоку просачивался слабый свет. Токо смело зашел в озеро по грудь, но пить не стал. Полчища летучих мышей носились с писком над водой. Одежда отсырела, но Мурат решил на первых порах обосноваться здесь, потому что обнаружился ручеек, вытекающий из-под черного камня, и ослики вслед за псом напились. Когда глаза свыклись с полумраком, за ручьем Мурат нашел деревянный помост с трухлявой соломой, а еще дальше, почти у кромки воды, — очаг и небольшой медный котел.

Помня дедовы наставления, он ни минуты не сидел без дела: заготавливал сухие дрова, выскивая по утрам целебные и съедобные травы, сушил дикие фрукты, а ближе к осени начал коптить мясо архаров, готовясь к зиме. Ни в какое Урумчи он отсюда не поедет. Будет жить в пещерах один, пока не состарится и не станет мудрым и седобородым, как дед, который постоянно снился склоненным над «Каноном врачевания». Проснувшись, Мурат проверял, на месте ли книги, завернутые в прорезиненный плащ, а иногда при свете лучины и сам вслух читал «Канон» собаке и осликам.

На ночь он выгонял осликов поспать, но ближе к осени одного задрал волк. Другой с окровавленным крупом прибежал весь в пене и ринулся в озеро, где простоял три дня, и рваная рана — как тут не задуматься! — заросла молодой розовой кожей.

А потом горы обложились тучами, завывли, запричитали метели, дракон тьмы бил хвостом о дрожащие скалы, нацеливался кривыми, как хвост кометный, глазами испепелить далекий город на юге, венчающий хрустальную Гору Света с домами из драгоценных камней и крышами из перьев павлина. Ослик уныло перетирает зубами жвачку. Даже Токо присмирел, стал реже класть хозяину передние лапы на плечи и взвизгивать, обращая нос к выходу из пещеры: пойдем, мол, порезвимся на снегу, добудем кабанчика или зайчишку.

Одно удивляло Мурата: с приходом зимы и долгих ночей в пещере не стало темнее.

Но настоящие чудеса ждали в соседних пещерах, куда Мурат начал потихоньку захаживать еще с лета. Там светились сами стены, квадратные, продолговатые, вытесанные как по линейке. И не просто светились. На стенах, а кое-где и на выпуклых потолках были изображены люди, звери, растения. Мужчины в длинных красных халатах, опоясанные кинжалами, сидели на стульях, где вместо ножек — человеческие фигурки. На плечах женщин — одеянья из золотистой материи, на головах — маленькие короны. Все они, даже сосущие грудь младенцы, держали в руках ветви в розовом цвету. И плавали лотосы в прудах, где на берегу резвились белые верблюдята, и в виноградниках бродили павлины, и ребята одних лет с Муратом брызга-

лись водой из серебряных трубочек, и всадники на лошадях кружили на поляне, а удалыцы с разделенными надвое бородами зарывали в землю барана и возжигали яркие факелы. Иногда под картинами попадались лошади из глины, и ослик протяжно кричал, напрасно дожидаясь ответа...

Одна пещера с полупрозрачным потолком поразила Мурата особенно. Сквозь потолок смутно угадывалось, как если смотреть со дна реки, солнце. «Но разве оно может пронизать лучами толстенную скалу?» — подумал Мурат и, оглянувшись, увидел картину на стене. Он подвел ослика поближе, но сразу забыл и о нем и о Токо.

На лужайке возле дворца из драгоценных камней лежала в огромном цветке лотоса пригожая девушка в красном сарафане с белым кружевом. Ее украшало ожерелье из черных шариков и такие же черные серьги. Люди, стоящие вокруг цветка на коленях, предавались неутешной скорби. Одни плакали, другие с печальными лицами смотрели в сторону статного витязя, припавшего к ногам умершей. Даже деревья вокруг лужайки поникли ветвями, хотя подобных деревьев Мурат в жизни не видел: пазаты, как бочки, кора иссиня-черная, на густых длинных ветках серебристые плоды. Так бывает, когда весной после оттепели ударит мороз и все в лесу становится будто стеклянное... Это была даже не картина, а словно чудодейственное окно неизвестно куда, потому что над лужайкой светило сразу два солнца, оба сиреневые. И тут Мурату показалось, что у красавицы на запястье тонко-тонко, тоньше дыхания муравьиного, бьется синяя жилка.

«Зачем вы плачете, люди? — сказал Мурат. — Прекрасная пери вовсе не умерла. Ее, наверно, испугал дракон, и она погрузилась в спячку с бессонницей. Или литаргус, как говорит благословенный мудрец Авиценна, да продлятся потомки его на тысячу лет и десять тысяч дней. Мой дедушка при литаргусе делал настой из листьев ивы, ячменя с ромашкой, укропа, фиалок, корневища касатника и донника лекарственного. А потом смешивал с другим настоем — из лаврового листа, иссопа, пулегивой мяты, руты, бобровой струи и сатара. Так советует «Канон врачевания». Наставать травы легко. Даже я мог бы вашу красавицу исцелить».

И случилось чудо. Витязь у ног красавицы выпрямился, посмотрел на Мурата и поманил к себе пальцем с черным перстнем. Мурат окаменел от страха. Тогда витязь пересек быстрыми шагами лужайку, подошел к одному из деревьев, руками раздвинул, как занавес, кору, скрылся внутри. Дерево приподнялось над лужайкой. Внизу вместо корней показались хвосты оранжево-красного сияния. Вскоре летучее дерево уже ползло среди медленно проступивших на картине звезд. Мурат что есть мочи кинулся из пещеры.

Он намерился никуда больше от озера не уходить и, как когда-то дедушка, подолгу сидел с деревянной лопаточкой возле среза воды. Таинственная картина не выходила из головы. Зачем поманил его пальцем витязь? Чтобы попросить снадобье от спячки с бессонницей, чего тут гадать. А раз так, надо

пересмотреть все дедовы склянки, шкатулочки, мешочки, найти целебный настой или сделать его самому, сверяясь с «Канонм врачевания». На эту работу ушла неделя.

Однажды он проснулся от лая Токо и чьего-то странного пыхтения, как будто в пещеру заполз измотанный поединком дракон, припав пастью к озеру. Мурат осторожно приоткрыл глаза. Токо лаял на дерево, выросшее посреди пещеры. Это было то самое дерево с черной корой и серебристыми ветвями, но вблизи оно оказалось гораздо толще, чем на картине. Толще самого толстого дуба, толще скирды сена. Мурат не очень удивился, когда раскрылась кора и в образовавшейся дыре появился витязь. Его голову окружал светло-желтый прозрачный колпак.

Прикрикнув на Токо, Мурат взял кувшинчик с отваром, смело подошел к пыхтящему дереву.

«Надо влить в рот прекрасной пери две ложки отвара — и литаргус пропадет», — сказал он и протянул кувшинчик.

Но витязь не взял. Он приложил правую руку к сердцу, поклонился, и Мурат услышал у себя в голове такие слова: «О, иноземец! Позволь тебя поблагодарить за желание исцелить княгиню радости. Я не могу ни обнять тебя, ни коснуться чего-либо в твоём мире. Соизволь ступить на летучий корабль. По исполнении звездного срока ты будешь доставлен обратно куда пожелаешь».

«И Токо можно на корабль?» — спросил Мурат, ни мгновения не помедлив.

«Верн, кого заблагорассудится», — сказал голос, но тут ослик так страшно и тоскливо закричал, и подскочил к хозяину, и начал тереться мордой о его плечо, что не взять его было бы предательством. Мурат начал собирать провизию.

«Ни о чем съестном не думай. Летящему да возрадстся», — сказал голос.

«Тогда я возьму все целебные травы, баночки и «Канон врачевания», мало ли кто у вас больной. И еще дедушкины часы и ружье», — сказал Мурат, лаская ослика.

«Твое пожелание исполнено. Перечисленное уже на борту», — услышал удивленный Мурат.

Где-то над головою витязя проблеснуло выпуклое, как глаз, оконце, и за ним стали различимы в желтоватом свете и мешочки, полные трав, и ружье, и с книжками прорезиненный плащ.

«Готов ли ты в недлящийся путь?» — спросил голос.

«Готов!» — закричал Мурат, а Токо залаял.

Из коры выдвинулся наклонный мосток из черного стекла. Первым вспрыгнул на него по команде Мурата пес, глупого же ослика пришлось силой тянуть за узду.

Дракон перестал пыхтеть. Убрался мостик. И восстали столбы тьмы, прежде чем возник на расшитом алмазами занавесе удаляющийся шар с красными, коричневыми и черными облаками, лишь изредка прорезаемыми прожилками голубоватого и золотистого. Летучий корабль обнял ветвями звезды...

О, внутри он оказался больше дома, больше пещеры, больше деревушки, да куда там деревушка в сорок дворов, — больше города Кульджи! Внутри плескались озера среди изумрудных зарослей неведомых растений, и в озерах плавали плоские, похожие на головку подсолнуха живые разноцветные рыбы, и цветущие холмы переползали с места на место, подставляя бока множеству маленьких солнц. Жаль только, длилось это недолго, всего несколько дней, как показалось Мурату, потому что однажды появился витязь с двумя спутниками в сияющих одеяниях, скрепленных медными полосками, и пригласил к выходу. И снова первым ступил на мостик бесстрашный пес, а ослик робел, кричал, и тело его исходило дрожью, как если бы он чувствовал недалеко камышовых котов или волков.

Катились по небесам сиреневые солнечные шары. В цветке лотоса, повисшем прямо в воздухе, лежала, откинув левую руку, а правую заложив за голову, беловолосая княгиня радости. Мурат приблизился к ней, откупорил кувшинчик, влил снадобье между чуть приоткрытых розовых губ. Она вздохнула, открыла глаза, улыбнулась, приподнялась и села в цветке, отчего все вокруг заулыбались, принялись обниматься, а деревья с серебристыми плодами высоко подняли свои ветви. Цветной свод радуг восстал над деревьями. Послышалась тихая музыка. Нет, то пели не птицы, ни одного зверя, или птицы, или хотя бы ящерики Мурат не заметил окрест. То пели, он был уверен, сами деревья. Казалось, он различает нежные, как струеные ручья, слова: «Княгиня радости, драгоценность в цветке лотоса, здравствуй!»

Витязь, обнявший бережно княгиню радости, повернул усталое лицо к Мурату.

«О, иноземец! Востребуй любую награду за спасение княгини».

«Дедушка всю свою жизнь лечил бесплатно, — сказал Мурат. — Грех наживаться на несчастьях и бедах. Могу и других поврачевать, трав с собой много. Лисью болезнью лечу, затвердения в почках, онемения членов, камни выведу из мочевого пузыря».

«Благодарствую, врачеватель. Однако в нашем мире болезни случаются два-три раза в тысячелетие, не чаще. А от награды отказываться не изволь».

«Пусть старика Ришата Умарова из пустыни обратно вернут. — сказал тихо Мурат. — А ведь его любили не только люди, но и животные и звери, и даже камни в горах. Если бы собака и ослик могли стать людьми, они тоже попросили бы о старике Умарове. Если можете, доброгласные повелители иссиня-черных деревьев, то помогите».

Дальнейшее произошло как в сказке. На глазах у Мурата Токо и ослик превратились в людей. Токо стал кудрявым юношей в кожаной накидке, его неизменный спутник — мужчиной в рваном рубище. Они тоже стали просить за старика, бывший ослом даже упал на колени и руки к обоим солнцам простер. Витязь поднял его властным жестом руки.

«Будет исполнено, — сказал голос. — Теперь выбирай, о врачеватель: остаться навечно здесь или вернуться на Землю».

«Нет, только не на Землю, только не на Землю! — запричитал в рубище. — Я был там нищим и просил медяки на базарах, а сам владел неисчислимыми сокровищами, и небо меня наказало, обратив в осла. Но клянусь, здесь я брошу презренное мое ремесло. Никуда я отсюда не хочу, пусть хоть в кандалы закуют!» — С этими словами он содрал с себя рубище и оказался в парчовом одеянье.

«За твое признание ты заслужил свет», — сказал голос.

Блестящий парчой приблизился к Мурату. По щекам его текли слезы.

«Прости меня, хозяин, — сказал он. — И ты, Токо, прости. Теперь до конца моих дней я буду лекарем, как наш дедушка Турсун... Простите, милые братья, на вечные времена. — И скрылся в нежно поющих цветах.

Кудрявый юноша молчал. «Пожалуйста, летучие джигиты, отправьте меня обратно, как было обещано, — сказал Мурат. — Только не в пещеру, а в Чарын. Травы, настойки и взвары оставляю убежавшему в заросли. Они ему пригодятся. Может, и ты, Токо, начнешь врачевать?»

«Я возвращаюсь с тобой, маленький хозяин», — тихо выговорил Токо.

«Помни: близ колесницы земного времени случится обратное превращение», — сказал голос.

«В дорогу, маленький хозяин. В обратную дорогу», — сказал Токо.

«Готов ли ты в недлящийся путь?» — спросил голос.

И ни мгновения не раздумывал Мурат.

И восстали столбы тьмы, прежде чем сквозь прозрачный пол летучего корабля стал заметен на бархате, расшитом алмазами, живой шар — сплошь золотистый, розовый и голубой, без единой мутной прожилки. Да, был он совсем живой, и бока у него вздымались и опускались, как у зверька.

Весь обратный путь Токо молчал. Он отчужденно бродил среди ползающих изумрудных холмов. Мурат не решался сам к нему подойти, спросить, кем он был в прошлой жизни. А однажды он увидел возле озера с плоскими, как блин, рыбами прежнего Токо. Пес взвизгнул, залаял и положил ему, как раньше, лапы на грудь.

Когда холмы перестали ползать, а весь корабль наполнился пытьем, Мурат уже знал, что пора сходить по стеклянному мостику на землю.

Они оказались в зарослях саксаула. Сквозь негустые ветви виднелись вдали глинобитные дома. Солнце — одно солнце, и не сиреневое, а обычное, светозарное — взошло недавно, но было уже тепло. «Значит, теперь июль, мы же улетели в начале марта», — отметил Мурат про себя. И «Канон врачевания» в плаще, и ружье, и часы на цепочке оказались неведомо кем положенные на песок.

Тут драконье пыхтение смолкло. Мурат оглянулся. Дерево исчезло. Там, где оно стояло, еле дымились на песке светло-коричневые разводья.

«Вы самые глупые животные во всем нашем Чарыне!» — доносясь со стороны домов голос мальчишки-подпаска. Он кричал на баранов. По-уйгурски.

«Зачем ты не остался у княгини радости?» — спросил у Токо Мурат. Пес безмолвствовал.

* * *

Когда Сергей Антонович впервые рассказал эту историю, я, помнится, долго еще сидел не шелохнувшись. Сознаюсь, я был уязвлен. Чего греха таить, я с самого начала смотрел на Мурата чуть свысока. Летающие деревья меня доконали.

— Сказка красивая, — сказал я. — Деревушка, даже подземное озеро — вполне допускаю. Но картины со скульптурами в светящихся пещерах?

— Светящиеся пещеры не диковинка. Как и картины в них. В том же Китае известен огромный лабиринт «Тысяча пещер». В некоторых находят засохшие мумии. В Иране и Ираке описаны пещеры говорящие. В них тоже видно солнце, как сквозь слюду, и в зависимости от хода светила слышны голоса, повествующие о разных загадках древности.

— Выходит, солнечный луч — как игла, а вертящаяся Земля — грампластинка? Пьезоэффект?

— Ого, какие словечки знают нынче гуманитарии! — удивился Учитель. — Примерно, хотя много сложнее. Кстати, некоторые моменты из Муратовой эпопеи можно, конечно, считать бредом, галлюцинациями, чем угодно. Но в одном им не откажешь: они точны, будто сюжеты картин в пещерах или мифологические представления о превращениях животных в людей. А «Канон врачевания» я собственноручно преподнес президенту академии.

— Если добавить ружьецо и часы с цепочкой, которые я тоже держал в руках, останется единственный вопрос. Куда исчез его верный Токо? — сказал я.

— Мурат никак не хотел мне это объяснить. Лишь перед самым расставаньем с ним я узнал: Токо спас его от волчьей стаи. Зимой, в Чарыне. А сам погиб.

— Значит, жизнь за жизнь? — отозвался я.

— Да, — кивнул Учитель и после длительного молчания добавил как бы про себя: — На редкость смысленный уйгурский мальчик.

Этот смысленный мальчик два года спустя оказался уже в университете, где удивлял всех своей памятью. Перед ним раскрывали страницу незнакомой книги, и, прочтя текст, он тут же шпарил его наизусть. Он лечил травмами радикулит, язву желудка, мигрень. Неудивительно, что по чьей-то настоятельной просьбе к нам снарядили медицинскую комиссию, которая строго-настрого запретила самозваному эскулапу калечить студенчество. После уезда комиссии и ругательной статьи в многотираж-

ке Мурат стал знаменит на весь город, и я, как его единственный приятель, невольно подставил плечо под бремя славы.

На четвертом курсе этот смысленый мальчик подарил Сергею Антоновичу (а потом и мне) красиво изданные огромные тома перевода Авиценны. А защитился он раньше меня. На три недели, но раньше...

Да, было о чем вспомнить, покуда я добирался в Москву, летел в Рим, а потом в аэропорту имени Леонардо да Винчи несколько часов ждал самолета в Палермо.

(Окончание в следующем выпуске)

Юрий Медведев

ЧАША ТЕРПЕНИЯ

Фантастическая повесть

4. ЭПИДЕМИЯ

Эона, до сих пор я не верил в существование инопланетян. Мыслящие облака, человекогрибы, люди-осьминоги, одушевленные сгустки света — все это, по-моему, выдумки. Учитель же считает, что другие миры повсеместно населены, а их обитатели — точная копия человека, подобно тому как одинаковы атомы во всей вселенной или спирали галактик...

Окончание. Начало в предыдущем выпуске «Искателя».

— Но почему атом не может быть размером с Колизей, а галактическая спираль соткана из серебристых веток джиды? Разум многолик, многомерен.

— Допускаю, что ты права, Эона. Но, говорят, нет ни одного достоверного факта появления инопланетян на Земле.

— Твой мозг может вместить двадцать миллионов томов убогистого текста. Это почти все книги Земли. Как же ты забыл статью, которой потрясал когда-то перед всем университетом? Вспомни: миланский журнал «Панорама»...

— К стыду своему, Эона, забыл.

— Я напомню тебе, забывчивый. Там говорилось о низкорослом существе с зеленой кровью, найденном возле осколков неведомого летательного аппарата. Существо было четырехпалым, без языка и зубов, без ушных и носовых отверстий. Напряги память: две фотографии на развороте.

— Вспомнил, Эона! А на месте ушей — глазные впадины... Лет пятьсот назад тоже находились охотники описывать людей, у которых рты — «межи плечами», а глаза — «во грудях».

— Прежде чем сгореть и развалиться, аппарат пролетел над землей четыре тысячи километров меньше чем за час. За ним следили радары, так что цифра примерно точна.

— Но как поверить, что зеленокровный карлик, беззубый уродец с четырьмя пальцами, может пилотировать космический корабль?

— У тебя, забывчивый, пять пальцев лишь потому, что ты произошел от кистеперой рыбы девонского периода, с пятью расчленениями на плавниках.

— Тогда, Эона, я хочу увидеть летевшего урода в лицо.

В Палермо самолет из Рима приземлился поздно вечером. Было тепло и сухо. Средиземноморские звезды висели над самым аэродромом, как под куполом планетария. Даже на бетонных плитах чувствовался терпкий запах кипарисов. От самого трапа до низкого вокзальчика прибывших сопровождала дюжина бравых карабинеров.

— В Риме нас встречали сестры с Евангелием и распятиями, а здесь — черти с автоматами, — услышал я разговор двух попутчиц-монахинь. Одна из них, чуть ли не на голову выше меня, широко перекрестилась.

В таможенном зале висел во всю стену плакат: ВО ИЗБЕЖАНИЕ ОТРАВЛЕНИЙ УПОТРЕБЛЯЙТЕ ВСЕ ПРОДУКТЫ В ПИЩУ ТОЛЬКО ПОСЛЕ ТЩАТЕЛЬНОЙ ТЕРМИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ. ПОМНИТЕ: ПРИЧИНЫ ЭПИДЕМИИ ВСЕ ЕЩЕ НЕ УСТАНОВЛЕНЫ!

— Что за эпидемия? — тихо спросил я у таможенника, кареглазого крепыша с лунообразным свежим шрамом на левой скуле.

— Разное говорят люди, синьор. Одни — что от масла оливкового, другие напирают на тухлую воду. Кто во что горазд. В общем, на сегодняшнее утро окочурилось сто семьдесят восемь человечков. Прими их с миром, вседержитель. — Он поднял глаза к потолку. — Пожалуйста, раскройте, синьор, чемодан. Съестное наличествует?

Кареглазый аккуратно отложил в сторону все, чем я хотел

порадовать Учителя: две буханки бородинского хлеба, банку селедки, целлофановые пакетики с клюквой.

— Продукты, синьор, конфискуются. Ввоз их строго воспрещен. Разве вас не поставили в известность в Риме, при вылете? Кстати, нужна ли вам справка о конфискации?

— Обойдусь без бумажек, — улыбнулся я. — Хотя ума не приложу: как вы сможете подвергнуть селедку специальной термической обработке?

Крепыш мне подмигнул и сразу же занялся монашками. Я пересек пустынный зал, сел в такси.

— Отель «Конхилья д'Оро», — сказал я шоферу. — И пожалуйста, парочку свежих газет.

— У меня, синьор, только «Голос Палермо». Другие можно купить по дороге, если немного завернуть в сторону церкви Сан Джованни, она, между прочим, двенадцатого века.

— Тогда прямо в «Золотую раковину».

Добрую треть первой полосы занимал снимок мужчины в луже крови и с раздробленным черепом. «Новая мафия, — гласила подпись. — Подпольное правительство Италии, твердо стоящее на двух китах — торговле наркотиками и коррупции. Взрыв террора в столице мафии Палермо: уже сто третье убийство только в этом году».

Я начал вчитываться в перепечатку из лондонской «Санди таймс». Оказывается, мафиози давно уже вместо спекуляции недвижимостью и строительными подрядами переметнулись к покупке игорных домов, похищениям людей и торговле наркотиками. «Конкуренция в этой торговле столь высока, что кровавая война между кланами не прекращается. Каждую неделю совершается очередное убийство или загадочное исчезновение новой жертвы. В Палермо поговаривают, что бетонные фундаменты новостроек на окраинах города превратились в склепы, забитые трупами мафиози. Главари кланов давно уже установили прямую связь — Палермо — Нью-Йорк».

— Интересуетесь мафией, синьор? — спросил водитель.

— Не больше, чем корридой или полетом на Луну, — благо-разумно ответил я. — Хотя про специальный закон по борьбе с мафией слышал.

— Зако-о-он! — присвистнул он. — После войны правительство менялось полсотни раз, не меньше. А мафия цветет и не осыпается. Возьмем хотя бы такую загвоздку в Палермо — старые дома. Почти каждый день рушатся, сколько народу погибает. Вроде и денежки отпущены на реставрацию немалые, а вот поди ж ты, не могут главари меж собою столкнуться. И чужакам не дают. Помню, попробовал один деятель из Северной Италии подновить кой-какие здания, так прямо на строй-площадках начали у него врать бомбы. Представляете, синьор? Живехонько смотался в свою Брешию, только его и видели. В общем, живем, не тужим. — И он начал насвистывать мотив из репертуара Челленгано.

Об эпидемии «Голос Палермо» ничего не сообщал, зато на третьей полосе, сверху, большими жирными буквами значилось: **БЕСЧИНСТВА ИНОПЛАНЕТЯН ПРОДОЛЖАЮТСЯ. ВЧЕРА ПРИШЕЛЬЦЫ НАГЛО СПАЛИЛИ ИКС-ЛУЧАМИ РОЩУ МИНДАЛЬНЫХ ДЕРЕВЬЕВ В ОКРЕСТНОСТЯХ АГРИДЖЕН-**

ТО. Ниже пестрело изображение «летающей тарелки», смахивающей на перевернутый гриб боровик. Жалкая эта липа выдавалась за фото (правда, любительское), сделанное одним мучившимся бессонницей шофером. Под «боровиком» шла такая несутевица, что я поспешил перевернуть страницу. И вот удача! — дальше шло интервью с Учителем под заголовком «Сад приязни и развлечение души». После перечисления его заслуг, сильно преувеличенных, как и полагается при публикации беседы с иностранцем, корреспондент повел бойкую беседу.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Дорогой профессор, правда ли, что вы поклялись раскопать на холме Чивита и вернуть хозяевам серебряный глобус, который не сможет поднять ни один подъемный кран?

ПРОФЕССОР: Поскольку глобуса никто уже много веков не видел, я, вероятно, клясться должен был бы здешнему королю Рожеру Второму. Ведь это по его приказу арабский мудрец ал-Идриси руководил постройкой серебряного подобия небесного свода и большого круга, изображавшего поверхность нашей планеты. На мерцающем диске были выгравированы семь климатов земли «с их странами и областями, берегами и полями, течениями вод и впадениями рек», как писал ал-Идриси в манускрипте «Развлечение истомленного в странствии по областям». К манускрипту было приложено 70 отдельных карт.

Что касается подъемного крана, то судите сами: серебряное чудо весило около шестидесяти пяти тонн.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Из такой серебряной груды можно вылить не один подъемный кран! Но, извините, для вашего серебряного чуда нужно было и помещеньице немалое...

ПРОФЕССОР: Полагают, то была древняя норманнская башня, видимо, известная и вам, поскольку она рядом с вашей редакцией. Кстати, спустя пять веков после безвозвратной гибели глобуса в башне разместилась обсерватория.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Вы немного противоречите сами себе, профессор. Как можно найти глобус, который погиб?

ПРОФЕССОР: Так полагает большинство ученых. Примерно в 1160 году здесь, в Палермо, восстали недовольные новым королем, Вильгельмом Дурным, как вы помните. Среди прочего восставшие растащили по частям и глобус.

Но я придерживаюсь другого мнения. Во-первых, глобус был сооружен не в Палермо, а в крепости Чивита, это не так уж и далеко. Чивита основана примерно в те же времена, что и Палермо, но в Чивите явно преобладает эллинская культура, а король Рожер, хотя и был норманном, обожал Древнюю Грецию. Кстати, в Чивите он пребывал иногда по полгода.

Далее. Вряд ли престарелый ал-Идриси пережил бы гибель своего детища, тем более вряд ли стал писать для Вильгельма Дурного продолжение своего бессмертного труда. Он же, представьте себе, написал. Я говорю о сочинении «Сад приязни и развлечение души» — с семьюдесятью тремя картами. Это и позволяет мне надеяться, что серебряный глобус отыщется в Чивите.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Ваша гипотеза не лишена убедительности.

ПРОФЕССОР: Это не только моя гипотеза. О судьбе глобуса

в свое время блестяще написал наш русский поэт и историк Сергей Николаевич Марков! И знаменитый арабист академик Крачковский тоже внес свою лепту. Стоим на плечах гигантов, как говаривал Ньютон.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Когда вы надеетесь откопать глобус?

ПРОФЕССОР: Пока еще неизвестно, где именно в Чивите располагалась обсерватория. Но мы ищем не только глобус — мы копаем город.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Ползут слухи, что в связи с эпидемией многие участники вашей экспедиции спешно покинули Сицилию...

ПРОФЕССОР: Это не слухи. Уехали семеро — американцы, турки, шведы, француз... Это их право. Мы никого не удерживаем. Но раскопки идут. И будут продолжены.

КОРРЕСПОНДЕНТ: И еще вопрос, профессор. В связи с той же загадочной эпидемией поговаривают, что она вызвана вмешательством в земную жизнь пришельцев то ли со звезд, то ли из будущего...

ПРОФЕССОР: Наука оперирует не сплетнями, а фактами. Что касается пришельцев, то археология имеет дело только с пришельцами из прошлого: это добываемые из земли предметы старины. Они выставлены во всех музеях.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Извините, не замечали ли вы по ночам над Чивитой «летающих тарелок»?

ПРОФЕССОР: В отличие от астрономов археологи ночью спят.

С газетой под мышкой я ворвался в номер Учителя.

— Поздравляю, Сергей Антонович! Сногсшибательное интервью!

Учитель лежал, вернее полусидел, на трех подушках. Он немного похудел, выглядел усталым. Интервью он просмотрел мельком и отложил газету.

— Здорово работают, дьяволы. Сегодня после обеда без решения ввалились ко мне со своими легкомысленными вопросами, а вечером уже тиснули. — Он улыбнулся. — А вы молодец, что все поняли и примчались, Олег. Сердце у меня прихватило, притом основательно. Не меньше недели придется еще проваляться. Я как броненосец с пробойной под ватерлинией. Сверху ничего не заметно, но чувствую: потихоньку зарываюсь в волны...

— Пробойну заделаем, Учитель, — бодро сказал я. — Вот привез мумиё, облепихового масла, спелой боярки.

— Надеюсь, подарок Марио тоже привезли.

Я выложил Учителю на ладонь двухголовую ящерку в облачке ваты. Он развернул, внимательно со всех сторон осмотрел.

— Учтите, Олег, возможно, это ключ к разгадке непонятных событий последних двух месяцев. Включая эпидемию.

— Эпидемия! Инопланетяне! — не удержался я. — Да объясните, умоляю, что здесь происходит?

...А происходило следующее.

Июльской ночью в портовом городке Сигоне случилось землетрясение. Накануне была суббота, день почитания здешнего святого, великомученика Джузеппе. Еще с утра вереницы авто-

машин стекались отовсюду к кладбищу с часовней Сан Джузепе. Служба закончилась около часу ночи, поэтому большинство приехавших заночевало у родственников или прямо в машинах возле кладбища.

В половине третьего земля содрогнулась, в домах зазвенела посуда. Землетрясение здесь не редкость, поэтому мало кто обратил внимание на подземные толчки. Однако некоторых насторожили непрекращающийся вой собак, кудахтанье кур, хрюканье и визг свиней. Еще через полчаса Сигону постигло подобие массового безумия: люди в одном белье выскакивали из жилищ, лезли на крыши, карабкались на деревья, всхлипывали, выкрикивали бессвязные слова. К утру несколько галлюцинирующих скончались в мученьях. Подоспевшая к полудню бригада врачей из Палермо терялась в догадках относительно причин бедствия. Полиции пришлось оцепить Сигону. Положение между тем не улучшалось: психоз обрушился на двух врачей и добрый десяток полицейских. Власти, учтя серьезность положения, обратились за помощью к военным. Те, как водится, особо долго не раздумывали: скороспешно жителей Сигоны выселили, а еще через неделю вокруг городка уже блестело на солнце кольцо из колючей проволоки.

— Сколько же выселенных из мертвой Сигоны? — спросил я Учителя.

— Судя по путеводителю, жителей там насчитывалось около двух тысяч. Безумие коснулось лишь трети из них. Здоровых расселили по окрестным деревушкам. Больных поместили в специальный военный госпиталь. Это довольно близко отсюда, в районе Солунто.

— Военный, значит, госпиталь... Я постучал пальцами по столу. — Извините, Сергей Антонович, но при всем желании выявить связь между событиями в Сигоне и вот этой двухголовой ящерицей я не могу.

Учитель, чуть шурясь, глядел на ящерку. Светло-голубой халат лишь оттенял нездоровую бледность его лица.

— Не спешите, Олег, расписаться в бессилии. Я еще не сказал главное. Здесь перешептываются, что, мол, в Сигоне двухголовые плодятся теперь всюю. И не только ящерицы. Мыши. Крысы. Жуки. Голуби. И еще двуххвостые, восьмипалые, с обезображенным телом, без черепной коробки, даже без мозга. Множество уродств, притом самых неожиданных.

Слова Учителя отдавались в сознании глухо, как подземные взрывы. Я представил себя одиноким астрономом в горах, вдруг заметившим лунной ночью, что к Земле приближается живое космическое облако отвратительных тварей, сладострастно и жадно взирающих на ее красоту. И приближаются уродины непостижимо быстро: принимать решение об отпоре нашествию нетопырей надо в считанные минуты.

— Скорее всего Марио давно забыл про ящерицу, прошло уже несколько лет. Но вдруг вспомнит? Я сейчас же ему позволю. — Я раскрыл записную книжку и потянулся к телефону. Учитель приложил палец к губам.

— Олег, про эпидемию по телефону — ни слова! Осторожность не помешает. И вообще — никаких лишних расспросов на эту тему. Кто знает, что за глыба здесь нависла. Почему

до сих пор сюда не впускают никого из всемирной организации здравоохранения? Почему закрыли въезд зарубежным врачам, всем, кроме американцев?.. А так называемые инопланетяне — что за бредятина? Понимаю, газетчики наткнулись на золотую жилу, трубят про пришельцев во все трубы. Но, может, просто отвлекают внимание от эпидемии?

— Завтра с утра засяду за газеты, — сказал я. — Насчет пришельцев надо копнуть поглубже.

— Завтра поедете в Чивиту, Олег. Нельзя, чтобы экспедиция развалилась окончательно. И прихватите с собою вон ту зеленую папку, слева на шкафу. Там газетные рассказы про инопланетян. Кстати, вы еще, кажется, как следует не устроились в номере. И не поужинали...

— Номер мой напротив вашего, Учитель. Что касается ужина, то я просто выпью внизу, в баре, теплого молока, а потом немного прогуляюсь. Заодно позвоню Марио из автомата. Вы правы: инопланетяне вполне могут прослушивать гостиничный телефон.

Тень улыбки скользнула по иссохшим губам Учителя.

— После разговора с Марио зайдите, Олег, ко мне.

От гостиницы к невидимому отсюда морю тянулась стена тростника. Сухие стебли слабо позванивали на ветру. Справа подступали к улице уродливые двухметровые кактусы, похожие на скульптуры модернистов. За ними угадывались двухэтажные особняки местной знати. Ни одно окно в них не светилось: Сицилия засыпает рано.

Телефон Марио я помнил наизусть. Трубка долго молчала. Я уже отчаялся, когда раздался певучий голос, который я узнал бы из тысячи других:

— Слушаю.

— Антонелла белла¹, — выдохнул я. — Может, ты вспомнишь Олега? С нежным прозвищем Земледёр. (Да, иначе как земледерами нашего брата археолога она не именовала.)

И снова долгое молчание.

— Антонелла, — сказал я шепотом.

— Откуда ты свалился? — спросила она тоже шепотом. — Из Москвы? Из Рима?

— Из Палермо. Из «Золотой раковины». И намерен звонить тебе беспрерывно, пока не кончится виза. Позови, пожалуйста, к телефону Марио.

Трубка сотряслась от всхлипываний.

— Святая мадонна, он в госпитале бенедиктинцев! А до этого чуть не умер в Солунто. Господи, как он мучился, как бредил! Но, слава богу, остался жив. — Она опять зашептала: — Я переехала сюда, к нему, потому что мама без Марио совсем сдала.

Я спросил:

— Ты не помнишь его диагноз, Антонелла? Может, нужны какие-то лекарства?

— В том и ужас, что никто ничего не знает. У нас это называется просто — эпидемия. Многие уже умерли, ты, верно, слышал. Это чудо, что я в тот день не поехала с Марио в Сигону. — Она всхлипнула.

¹ Б е л л а — прекрасная (итал.).

— Можно ли навестить Марио в госпитале?

— Только по воскресеньям, с четырех до шести. В другие дни монахи не пускают. У них там строго.

— Воскресенье послезавтра. Давай встретимся в три возле картинной галереи? Вместе съездим к Марио.

— У галереи? Возле фонтана Трех лилий? На нашем любимом месте? Ты не забыл? — печально спросила она.

— Я ничего не забыл, Антонелла белла, — сказал я. — Если понадобится моя помощь до встречи, звони в «Золотую раковину». Но учти: завтра почти весь день я буду на раскопках. Спокойной ночи!

— Узнаю тебя, Земледер. За эти годы ни одного звонка, ни строки, а желаешь спокойной ночи, будто мы расстались лишь вчера. Остроумно. Кому спокойной ночи: мне или себе?

— Средиземному морю. Ты, кажется, окрестила его землеобъятным, помнишь? И куда можно уйти по лунной дорожке, не забыла?

— Оставь этот тон, Земледер! — Она повысила голос, и он слегка задрожал. — И запомни: землеобъятное море давно смыло все наши следы. Остались лишь твои потуги на остроумие. Продолжай веселиться. Чао!

Она повесила трубку и больше на звонки не отвечала.

Я вернулся в гостиницу. Несколько пожилых, плотно сбитых господ похихатывали у телевизора с экраном на полстены. В ресторане играл сразу на пяти инструментах кудрявый человек-оркестр. Я отказался от заказанного молока и пошел к Учителю. Он тоже смотрел телевизор.

— Вы, Олег, кое-что потеряли, — сказал Учитель. — Только что показывали фотографии инопланетян.

— Которые бесчинствуют по всему острову на радость газетчикам? Ну и потеха. На что они похожи? На сосиски? На осьминогов? На велосипеды с гусиными лапами?

— На существа в скафандрах. Двунogie. Двурукие. Одногловые. Оседлавшие «летающую тарелку» довольно изящных форм. — Учитель показал руками подобие эллипса.

— Само собою. Пришелец без «летающей тарелки» — что ведьмочка без помела.

— Увы, Олег, вы правы, — сказал Учитель. — Здесь полный трафаретный набор. Вблизи «тарелки» и мотор у автомобиля глухнет, и желтые пятна на траве от нее остаются как будто... — Он задумался не договорив.

— Позвольте закончить за вас, Учитель, — сказал я. — Как будто вылился желток из яйца ихтиозавра. Размером с летающее в небе озеро. С ликами великих археологов. Не так ли?

Странно, но на упоминание о летающем озере Учитель ничего мне не ответил.

В два часа ночи я вышел у себя в номере на балкон. Белая подкова «Золотой раковины» лежала на склоне холма, сбегавшего к заливу. В свете молодого месяца серебрились купола тутовых, лимонных, гранатовых деревьев попережку с кактусами. Слева, где петляла бетонная дорога, возвышался Драконий мыс. Он и впрямь походил на дракона, припавшего пастью к морю. Десяток деревьев с искривленными от ветра стволами — скорее всего маслины — смахивали на драконий гребень. Море выды-

хало запах водорослей, медуз, пенящихся волн. Волны катились к зеву дракона из времен странствий Одиссея и его сотоварищей, времен Фемистокла и Ганнибала, пунических войн, немыслимых триумфов цезарей на колесницах, запряженных львами, времен, в водовороте которых рождались и гибли вожди, наложницы, сатрапы, палачи, зрители маяков, предсказатели будущего, мудрецы, умерщвляющие сами себя по повелению сатрапов, предпочитаемая изгнанию к берегам ойкумены, землей обитаемой, смерть. Волны накатывались, как римские когорты, взбрызгивая темную влагу...

Далеко над морем вспыхнула и погасла, как перегоревшая лампа, молния. Мне чудилось, что она высветила в небе исплинских размеров лицо, чьи черты не раз я угадывал в тревожных снах. Я взгляделся в ночной простор — и вот в мгновенном высверке молнии природа снова запечатлела в небе черты Снежнолицей.

Почему образ утраченной красавицы не давал мне покоя все эти годы? Дважды погибшая, разметенная селевым валом по урочищу Джейранов, валом, перемешавшим ее плоть с осколками горных пород, ракушками, ветвями барбариса, мертвыми змеями, божьими коровками, сурками, ящерицами, стрекозами, — почему она навязчиво оживала в моей памяти? Вернее, из хаоса воспоминаний восставала ее красота. Ее мертвая красота...

Пусть так. Мертвая. Отчего же живая ее сестра, красота земная, та, что обступала меня, как бы пятилась перед навязчивым виденьем Снежнолицей, плывущей в своей хрустальной ладье вниз по реке времен?

Что подразумевал гений, подверженный припадкам падучей болезни, когда прорицал: красота спасет мир. Спасет, но как? Спасение предполагает действие, волю, противоборство воинству зла. Красота же изначально пассивна, смиренна. Она ждет поклонения, восторга, возвеличения, ждет, наконец, обладания ею, дабы повторить все в тех же прекрасных формах саму себя... А если не в столь прекрасных? Почему так тревожат, оскорбляют видимые изъяны в совершенной красоте? Допустим, Снежнолицая была бы горбуньей... Или колченогой карлицей. Или восьмипалой... Ребенок, родившийся даже двухголовым монстром, воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Но Венера Милосская, родившая двухголового монстра! О нет, тут не утешиться, что, мол, живет и от красавицы урод, тут в другую вселенную улетает от дерева семечко, туда, в пугающую тьму...

Быть может, прекрасное — это зеркало, отражающее юность мира, радость осознавшей себя живой материи? А уродливое — предвестье распада, гниения, угасания жизненных сил, безобразия странницы с острой косою смерти... Нет, тут какое-то противоречие непостижимое. У истоков мира не было вообще красоты: кипящая лава, мертвый пепел, остывающие камни, чад и смрад. Красота, видимо, прибывала, нарастала вместе с совершенствованием живой природы. Пока не расцвела в человеке...

Расцвела и остановилась в расцвете, даже начала убывать? Иначе как объяснить, что мы ищем канон красоты в той же Древней Греции, а не в современном искусстве. Модернизм — это что, красота? Бесплодие. Бессилие. Мазня. В поисках идеала

прекрасного мы беспрестанно оглядываемся назад, ищем ответа у Рублева, Леонардо, Рафаэля. Так что есть Красота? И почему ее обожествляют люди?..

Я вернулся в номер, запер дверь на балкон, задернул зеленые занавески. Уснуть уже не удастся, это несомненно. Лучше всего, пожалуй, пойти побродить по берегу. Но внезапно вместе с мыслью о море мной овладела тревога: показалось, что в комнате я не один. Я зажег верхний свет, сходил в ванную, открыл шкаф, заглянул под кровать, под диван... Разумеется, никого. Впрочем, немудрено и встревожиться: эпидемия, госпиталь в Солунто и госпиталь у отцов-бенедиктинцев, лицо Снежнолицей над морем, инопланетяне — на первый вечер в Палермо многовато...

Ладно. Пришельцы так пришельцы. Я включил настольную лампу и решительно придвинул к себе зеленую папку. Вырезки были заботливо разложены по датам. Первое сообщение гласило: «ЗАГАДОЧНЫЕ ПОДЖИГАТЕЛИ!

Луиджи Сатриано, владелец небольшой оливковой рощи в предместьях Агридженто, вчера пополудни позвонил к нам в редакцию и сообщил ошеломляющую новость. Он готов поклясться на Священном писании, что минувшей ночью видел над своей рощей «летающую тарелку». По его словам, тарелка вначале показалась со стороны залива, слабо мерцающая в небе. Затем она зависла над рощей, осветила узким лучом одну из оливок, которая сразу же задымилась. Сатриано (он спал в саду) побежал в дом, разбудил жену и трех своих сыновей. На их глазах дерево вспыхнуло, после чего «тарелка», издававшая слабый шум, как от вентилятора, удалилась опять к заливу. Пламя удалось сбить струей воды из шланга, но дерево оказалось загубленным.

Наш корреспондент немедленно выехал к месту происшествия. Действительно, одна олива в саду Сатриано обуглена. Никаких следов инопланетян не обнаружено. Сатриано (он в твердой памяти и здравом уме) слово в слово повторил таинственные обстоятельства прошлой ночи. Полиция ведет расследование.

Дальше подобные истории посыпались, как лепестки с увядшей розы. «Тарелку» видели в нескольких местах, главным образом над глухими селеньями, и обязательно глубокой ночью. Четырежды она появлялась над Сигоной — уже после эвакуации жителей. Здесь она однажды подожгла миндальное дерево, вслед за тем преспокойно скрывшись. В обширной, полной противоречий статье престарелый профессор-микробиолог доказывал, что единственная причина странной эпидемии — безответственное поведение пришельцев из другого мира. «То, что разбойничьи полеты неопознанного летающего объекта зафиксированы несколько позже вспышки безумия в Сигоне, — писал он, — еще ничего не доказывает. К тому же существует история, рассказанная доном Иллуминато Кеведо. Почему никто не хочет принимать его сообщение всерьез? Как бы не пришлось нам всем расплачиваться за подобную душевную глухоту».

Нашлась среди вырезок и история Кеведо. Действительно, дон Иллуминато, владелец фотоателье, поведал корреспонденту журнальчика «Ты и я» кое-что любопытное. Он, дон Иллуминато, ночевал у племянника в Сигоне за сутки до землетрясения и рано утром уехал в Палермо. Конечно, святой Джузеппе мог на

него и разгневаться, но ничего не попишешь: днем возвращалась на пароходе из Неаполя его, донна Иллуминато, жена. Уезжал он в полной растерянности. Еще бы: страдая бессонницей, глухой ночью он вышел в сад и здесь заприметил висящий в небе аппарат. Из него вылуплялись тускло светящиеся шары размером с футбольный мяч и, разносимые ветром, оседали на Сигону. Долго ли это длилось, он не помнит. В голове у него все спуталось, стали слышаться разноязыкие голоса, как будто в черепной коробке донна Иллуминато включился транзистор. Он не мог двинуться с места. Когда аппарат с хвостом шаров исчез, Кеведо на ватных ногах вернулся в дом. Будить он никого не стал, чтобы его не сочли за безумца.

Сообщение Кеведо заслуживало самого пристального внимания, тут микробиолог попал в самую точку. Я достал из чемодана чистый блокнот и написал на первой странице: ПРИШЕЛЬЦЫ. ДОН ИЛЛУМИНАТО КЕВЕДО. Время для выводов еще не настало. Возможно, что-то подскажут телевизионные снимки, упомянутые Учителем. Утром они появятся во всех газетах...

Да, плох Учитель, основательно его подкосило. Как бы не пришлось увозить в Москву, думал я. Но сразу же поправил себя: э-э, нет, брат, никакая сила не заставит раньше срока вернуться его с раскопок. Ни сила, ни хитрость. Казалось, он излучал мощное поле доброжелательности, о которое разбивались любые попытки завести с ним какую-либо психологическую игру. Он и сам предпочитал прямые действия, чуждаясь обходных маневров, а тем более розыгрышей. Тогда совсем непонятно, что за загадку он мне задал, перед тем как я с ним попрощался на ночь...

5. СНЫ О СИГОНЕ

— Зона, слышишь меня: я хочу видеть летящего урода в лицо!

— Разве ты не видишь?

— Зона, как я оказался посреди ночного неба, прямо в воздухе, рядом с колпаком треугольного самолета?.. Почему я не чувствую ветра? Как я лечу?.. Почему не видно лица пилота сквозь его шлем?

— Его гермошлем отсвечивает. Меняю угол зрения и освещенность...

— Проступил профиль... Это профиль человека... значит, ты ошиблась, Зона: это не инопланетянин. Вижу у пилота и нос, и плотно сжатые губы... подо мною — огни большого города... В центре выплыл в голубых лучах готический собор. Он похож на застывшие сталагмиты. По-моему, такой же собор я видел в Кёльне.

— Это Кёльнский собор.

— Но при чем здесь Мексика и город Ларедо, если под нами — Кёльн?

— Под вами уже Дортмунд. Впереди Бремен, Киль, Северное море.

— Зона, что за сгустки шевелящейся тьмы между огнями городов?

— Места концлагерей в прошлую войну. Это здесь сдирали с людей кожу на сумочки и абажуры. Помни: сгустки не рассеются никогда.

— Почему пилот не шевелится? Он наклонился вперед, будто видит одному ему известную цель...

— Эта цель — скалы близ норвежского города Нарвика.

— Выходит, он пролетит над Данией и Швецией? И нарушит воздушные границы трех стран?

— Для атомных бомб границ нет.

— Значит, он несет атомную бомбу?

— Но бомба не взорвется, когда через семнадцать минут он рухнет на скалы Нарвика. Он не сможет нажать кнопку, ибо уже сейчас мертв. Он задохнулся еще при взлете: отказала система снабжения кислородом.

— Зона, неужели он мог полететь в другом направлении и взорвать Париж или Лондон?

— И Мадрид, и Рим, и Палермо.

— Но тогда грянула бы термоядерная война...

— А что сделал лично ты, чтобы война не грянула?

Утром, когда мы завтракали у Учителя, пришел подтянутый мужчина лет пятидесяти, светловолосый, в чуть затемненных очках. Историк и археолог Зденек Плугарж оказался первым заместителем Сергея Антоновича.

— Первый и единственный, поскольку места трех других заместителей теперь вакантны, — улыбнулся Зденек. По-русски он говорил почти без огрехов, но медленно, как бы взвешивая слова. Пока мы пили кофе, он докладывал Учителю о финансовых проблемах экспедиции, советовался по части раскопок.

— Ну, в час добрый, — сказал наконец Учитель. — До Чивиты два часа пути, будет время обо всем договориться. За меня не беспокойтесь, поработаю с отчетом. При любых неожиданностях звоните. А вы, Олег, захватите фотоаппарат: вдруг шелкнете «летающую тарелку», а? — И он хитро подмигнул.

Пан Зденек в задумчивости протер платком свои очки.

...В древности на этих просторах шумели буковые леса, и сладко звенел сахарный тростник, и мельницы рокотали на пересыхающих реках. Когда Платон наведалься в Сицилию, она, должно быть, показалась ему земным благословенным раем. Здесь вполне можно было основать его Республику — образцовое государство, где цари были бы философами, а философы — царями. Но не понял юного мыслителя сиракузский тиран Дионисий, продав его в рабство... И во времена ал-Идриси пел еще, как лесная арфа, остров и ручьи струились подобно волосам наяда. Но стоило людям, якобы для своих неотложных нужд, начать вырубку лесов, и в короткий срок земной рай обратился в каменистую пустыню. Природа, как гордая красавица, не прощает насилия: когда над нею надругались, она кончает с собой. Шахтные отвалы, зияющие пасти карьеров, затопляемые перед плотинами поймы рек с живыми лесами и их обитателями — стрекочущими, прыгающими, ползающими, — это поминки по природе. Но что-то затягивается тризна на матушке-Земле. И мало кто на Западе отважится сказать честно и прямо, так, чтобы услышали господина толстосумы, пентагоновские упыри:

вы у роковой черты. Вы погружаете на дно морей продукты атомных распадов, вы спускаете в реки ядохимикаты, цинично выставляя на берегах Рейна трехметровые буквы: BADEN FERBOTEN! — КУПАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО! Вы настолько нашпиговали планету бункерами с оружием — и химическим и бактериологическим, — что хватит отравить всю солнечную систему, будь она населена. Не пора ли, господа безумцы, опомниться, может, попробуем столкнуться? Тему легко предложить: ЕСТЬ ЛИ НАДЕЖДА ВЫЖИТЬ?

Вот о чем мы говорили со Зденеком, когда наш пикап «феррари» нырял с холма на холм, пробиваясь на юг. Мы говорили о первой в мире карте звездного неба, начертанной резцом в римских катакомбах, на гробнице патрицианки Присциллы (весною там побывал мой спутник). О гробнице Вергилия в Неаполе, где побывал я. Об этрусках. О финикийцах. О связях древних славян с Сицилией, настолько глубоких, что в Палермо существовал даже Славянский пригород, подробно описанный — во времена Владимира Красное Солнышко! — странником Ибн-Хаукалем в «Книге путей и государств». И наконец, мы заговорили об Учителе, о его будущей экспедиции в Гималаи на поиски Беловодья, куда Зденек был уже приглашен. Мой спутник легко цитировал русские и китайские летописи, даже легенды староверов из Бухтарминской и Уймонской долин, даже показания некоего Марка из топозерской обители, якобы побывавшего в Беловодье. И я снова про себя удивился таланту Учителя окружать себя людьми глубокими, многознающими, далекими от проницательства, торгашества и суесть. Казалось, как в древних житиях, он очертил вокруг себя круг, через который не могла перешагнуть никакая нежить и нечисть. Увы, о себе самом сказать такое я не мог...

— Я удивился, признаться, вашему быстрому приезду, пан Преображенский, — сказал Зденек, не поворачиваясь от руля.

— Зовите меня, пожалуйста, просто Олегом, — отвечал я и, когда он кивнул, спросил: — В каком смысле удивились?

— Видите ли, Олег, позавчера Сергей Антонович рассказал мне сон. Сначала он летел над Землей в ракете. Ракета остановилась в небе. Из круглого, большого окна он увидел реку. Над рекою стоял туман. Вы один сидели на раскопанном холме. Сообщили ему, что найдена сибирская Троя. И лунный календарь на бивне мамонта. Профессор просил вас приехать в Палермо. И вот вы уже здесь.

— Совпадение. Я не верю в вещие сны. Виза была готова еще неделю назад, — сказал я, бросив быстрый взгляд на Зденека.

— Вещий Олег не верит в вещие сны. Кстати, почему Олег — вещий? Вещать — значит говорить, да? Он красиво говорил?

Минут десять я невозмутимо растолковывал ему, как на лекции, происхождение слова «вещать».

— Теперь сами решайте, каким был князь Олег, — закончил я, — прозорливым, или предсказывающим будущее, или преусмотрительным, или долгоживущим, или поучающим. Кстати, у нас на Руси вещуньей называют ворону. Например: каркала б вещунья на свою голову. Или: вещунья море летала, да вороной вернулась.

Зденек осторожно дотронулся рукою до моей руки.

— Не обижайтесь на меня, Олег. Иногда в жизни спасает только шутка. Когда увидите колючую проволоку вокруг Сигоны, согласитесь со мной.

— А когда я увижу эту проволоку? — вырвалось у меня.

— Через четверть часа. Сигона рядом с Чивитой. Точнее, Чивита над Сигоной.

Так вот отчего разъехалась экспедиция!.. Жаль, что Учитель вчера об этом не сказал. Да и я хорош гусь, вернее, не гусь, а ворона. Кто мне мешал в гостинице постоять в холле перед огромной разноцветной картой Сицилии? Надо немедленно купить путеводитель...

Чем ближе к морю, тем чаще унылый пейзаж оживлялся ползущими по склонам виноградниками, зарослями фисташковых деревьев. На Сицилии нет озимых, и желтые скошенные поля нигде не прерывались островками зеленых побегов.

Чивиту мы заметили издалека. На высоком холме обозначились полуразрушенные крепостные стены. Их зубцы подпирали голубое небо.

— Стена тянулась вокруг Чивиты примерно на километр, — объяснял Зденек. — Сейчас завернем налево, поползем в гору. Подъем довольно крутой.

Вблизи Чивита оказалась еще внушительней. Выдвинутая вперед от стены въездная башня возвышалась метров на сорок, не меньше. Мощные контрфорсы упирались в каменные блоки стен, окаймленных глубоким рвом. Когда-то попасть в город можно было только через подъемный мост. Теперь на этом месте лежали две железные балки с деревянным настилом. Я указал на них и повернулся к Зденеку:

— Представляю, каково вам было затащить сюда эти игрушки. Неужели обошлись без подъемного крана?

— Весьма просто. Наняли грузовой дирижабль и управились за два часа. Правда, до этого целая неделя потратилась на бетонные опоры.

Гулкие своды башни. Опять подъем по дороге, мощенной черными плитами. Слева развалины театра — розово-серые колонны с изящными капителями. Дальше — полукружье довольно крутых ступеней и почти разрушенная колоннада.

— Это гипподром, — сказал Зденек. — Мы откопали здесь бронзового орла. Его поднимали перед началом скачек. Нашли также алтарь Посейдона, одного из покровителей ристалищ.

— Остается раскопать бронзового дельфина, которого опускали в конце скачек, — нелепо бухнул я: мы, мол, тоже не лыком шиты по части увеселений древности.

— О, в Чивите копать да копать! — сразу оживился Зденек. — Сергей Антонович просил бросить все силы на обсерваторию, но мы пока увязли возле бассейна с цветной керамикой, он еще левее.

— Обсерватория, наверное, была на самой макушке холма?

— Это мы окончательно выясним вместе. Видите вон те разноцветные брезентовые домишки? Здесь и располагается наша злосчастная экспедиция. Половина из них теперь пустые. Советую занять сиреневый домик. Там изнутри приколоты превосходные репродукции — Рафаэль, Джорджоне, Веронезе, Брейгель.

Когда вспыхнула эпидемия, хозяин домика сбежал в свою Швецию.

— И картины завещал мне? Благодарю, — сказал я.

Машина остановилась возле домиков. Рядом стоял светло-коричневый микроавтобус. Я внес свою сумку и вернулся к Зденеку.

— Все наши на раскопе, — сказал он, потирая поясницу. Обед в двенадцать. Рабочие уезжают обедать на три часа к себе домой, в Агридженто. Таков здешний обычай. Зато трудятся они превосходно.

До обеда оставалось чуть больше часа. Мы условились, что Зденек сходит на раскоп, а я пока что подымусь на Дозорную башню, похожую на маяк.

Я долго взбирался в полумраке по стертым покатым ступеням винтовой лестницы, дважды ударившись головой о выступы. Но наверху мои усилия вознаградились. Казалось, отсюда видна вся всхолмленная Сицилия в объятиях Средиземного моря. «Перетащу-ка сюда вечером матрац и буду спать ближе к небу», — решил я. Вспомнились родные горы Тянь-Шаня, найденная и потерянная Снежнолицая, дед, ведущий беседы с деревьями и цветами, как с детьми...

— Понравились вам картины в домике? — вывел меня из задумчивости голос Зденека. Он тяжело дышал, и пот лил с него градом. — Не представляю, как в древности люди поднимались сюда в тяжелых доспехах.

— Картины приятные. Жаль, что репродукции, а не оригиналы, — протянул я. В конце концов, никто не приглашал его на башню, можно было подождать и внизу. Последовавший быстрый ответ на мою реплику убедил меня, как тонко он чувствует любую ситуацию.

— Башня очень крепкая, Олег, — сказал он. — Она не рухнет под тяжестью двоих... По дороге мы говорили о Сигоне. Вот она, слева под нами. В древности город лежал на пяти холмах. На самом высоком был храм Юпитера. Самый низкий холм занимало довольно жалкое кладбище — для нищих, рабов, бродяг. Отсюда его плохо видно, мешают западная башня.

— Где же стена из колючей проволоки?

— Проволоку с такого расстояния незаметно. Но можно различить бетонные столбики.

Увы, ни одного столбика я не видел.

— Зденек, там, за Сигоной, большая гора, — указал я пальцем. — Тоже древняя крепость?

— Гору называют Поющей. Это вулкан. Последний раз он пробуждался в восьмом веке. На вершине Поющей были причудливые скалы из туфа и песчаника. При сильном ветре с моря гора пела.

— Что значит «пела»? Почему в прошедшем времени?

— Американцы разровняли скалы, которые пели, уже лет пятнадцать прошло, — жестко отвечал Плугарж. И, видимо, прочтя на моем лице удивление, продолжил: — О, янки здесь не церемонятся. У них тут ракетная база.

Мы помолчали, слушая шум моря. Только теперь я понял, что Чивита была неприступной в полном смысле слова: стена, обращенная к морю, висела над пропастью. Я сказал о своем

открытии Плугаржу. Вместо ответа он поглядел на меня не без угрюмости.

— Ну а все же, Зденек, не с дирижаблей же сюда сбрасывали десант, к примеру, при Ганнибале?..

— Зачем дирижабль? Во все времена в любом народе находилась подлец, предатель, иуда. Готовый за лишнее колечко для шлюхи, за лишний кусок сала поставить своих сородичей под топор. Стариков. Девушек. Младенцев. Так пало подавляющее большинство крепостей. Повсеместно.

— К сожалению, вы правы, — сказал я. — Для меня эти подлецы — главная загадка мировой истории. Все остальное более или менее объяснимо.

— Слишком печальная загадка, пан Преображенский. Одни подлецы продают сородичей. Другие продают просторы морей для атомных церберов. Третьи — горы для ракетных баз. Откуда у них такая прыть, такой размах в купле-продаже?

— Размах и прыть от отсутствия воображения, — сказал я. — От слепоты душевной. От ненасытимой жадности. Не видят, что ради наживы, сиюминутной выгоды губят красоту. Красоту людей. Живой природы. Да и неживой тоже достается... Скажи такому: ладно, для твоей разожравшейся прелестницы сию же минуту получишь шубу из гепарда, но учти, взамен на Земле гепарды исчезнут. Все. Навсегда. И что же? Глазом не моргнув, вцепится в шубу.

— Я думал об этом не раз, — вздохнул Зденек. — Как-то спросил хозяина нашей скромной гостиницы: «Синьор Рубини, вот вы так красочно рассказываете о своей мечте: роскошной вилле с подземным гаражом и бассейном. Представьте себе, вы можете хоть сегодня получить от нее ключи. Только в солнечной системе не станет, извините, Луны. Согласны на такое?» — «Черт с нею, с Луною, — бойко лопочет синьор Рубини. — Я над виллой фонарь на пинию повешу в форме полумесяца...»

Зденек начал спускаться, пригласив меня отобедать в красной палатке минут через десять.

...Как распутать фантазмагорию вчерашнего вечера и сегодняшнего дня? Как развязать узлы на бесконечной веревке, протянутой над Сигоной неизвестно кем в неизвестно каких целях? Надо поделиться с Учителем некоторыми соображениями, прежде всего о ракетной базе. Но пока еще все слишком неопределенно. Да и база как база. Мало ли их понатыкано по всему глобусу...

Мне снился городок у моря в долине между Чивитой и лишенной голоса Поющей горою. На пяти холмах Сигоны в неестественно тусклом свете луны чернели развалины античных строений с величавым храмом Юпитера. Других развалин я не видел. Но зато из круглого огромного окна — будто сквозь диковинный прибор ночного всевидения, позволяющий взору проникать сквозь стены, я увидел вдруг всех жителей Сигоны. Они словно покоились в глубинах мерцающих вод.

Внезапно — опять-таки во сне — над Сигоной обнаружилось нечто парящее в воздухе. Оно смахивало на великанью

шляпу. Из шляпы, как из машины для выдувания мыльных пузырей (такую машину я видел в английском фильме «Повелитель облаков»), стали вылупляться полутораметровые воздушные шары, оседавая наземь. Там, где они оседали, видение спящих людей гасло. Шары роились в потоках ночного ветра, как пузырьки в стакане газировки. На городишко сползла темнота, еле одолеваемая тонким месяцем. Шляпа исчезла. И сразу вокруг Сигоны, точно сказочный змий, поползла и замкнулась стена колючей проволоки. В миг, когда голова и хвост змия сомкнулись, от храма Юпитера к вершине Поющей горы вознеслась молния. Она опять высветила в небе лицо Снежнолицей...

Я очнулся. Немолчно свистели цикады. Дозорная башня поскрипывала и покачивалась, как будто я спал в дупле старого дуба. К берегу шествовали рафинадно-белые шеренги волн. В мертвой Сигоне — ни огня, только смутные шевелящиеся лунные тени.

Со стороны моря донесся ровный гул, словно пылесос включился. Гул постепенно нарастал. Пепельное облачко заслонило серп луны, и, когда опять просветлело, я увидел *это*. Оно висело над кипарисами, окаймлявшими причал в Сигоне. До той поры я не очень-то верил вдохновенным повествованиям о неопознанных летающих объектах, а тут и сам стал свидетелем явления необъяснимого.

Она, казалось, выпорхнула из моего сна, эта великанья шляпа, только вместо вылупляющихся шаров она выпустила тончайший фиолетовый луч. Он пробежал по причалу, уперся в чернеющее строение, скорее всего будку, куда обычно на зиму складывают пляжные зонты, лежаки и прочую дребедень, и вскоре угас. Я вцепился в каменные перила башни и не дышал. Как только луч угас, шляпа двинулась восвояси — в сторону моря, правее луны, на юг.

Я уже потерял шляпу из виду, когда будка загорелась. Языки огня выхватывали из темноты железные переплетения пляжных навесов и белые стрелы волноломов.

Что это все значит? В моем сне смешались и рассказ Иллюминато Кеведо, и эвакуация Сигоны, и лицо Снежнолицей из вчерашнего ночного виденья с балкона над заливом в Палермо. Предположим. Но при чем здесь сон, если я вочию вижу горящую будку, подожженную вовсе не молнией, черт побери! Стало быть, газетные сообщения не бред? Эти огненные языки, эти снопы искр, роящиеся и тающие в небе, — это что, галлюцинация, продолжение сна?

Я спустился с башни. На моих часах было половина второго. Зденек ничего не понял и нехотя стал одеваться. Когда я попросил его не зажигать фонарик и разговаривать шепотом, чтобы не переполошить экспедицию, он начал чертыхаться. Наконец нашарил очки и пошел за мною к пролomu в западной стене.

— Скорее, пан Плуگارж, — подгонял я его. — Не то все горит и ничего не увидите.

Будка на причале догорала.

— В честь кого такой фейерверк? — спросил Зденек и зевнул.

— По случаю моего приезда. Вы способны наконец прийти в себя? — разозлился я.

— О, ночью вы еще учтивей, чем днем, пан Преображенский, — отвечал он.

Пришлось извиниться. Потом я сказал:

— Зденек, я только что своими глазами видел «летающую тарелку». Надеюсь, вы мне верите?

— Археологи — самый правдивый народ, — сказал он. — Только, умоляю вас, в другой раз будите меня до прилета летающих, как вы выразились, тарелок, а не после. Чтобы у меня была возможность спокойно натянуть штаны.

Я снова извинился, и он ушел досматривать сон. Что ж, его скептицизм объясним. Я сам, помню, поднял как-то на смех полярного летчика, который утверждал, будто над морем Лаптевых его самолет чуть ли не полчаса был сопровождают яркожелтым сплюснутым шаром с несколькими отверстиями, причем сплюснутый менял направление с легкостью солнечного зайчика. Да, скептицизм объясним... Но эти тлеющие огоньки на причале? Как поступить дальше?

Я давно убедился, что ощутимых результатов добиваешься только тогда, когда поступаешь непредвиденно для окружающих, а порою и для себя самого. Руководствуясь лишь интуицией — и ничем более.

И я решил спуститься к мертвой Сигоне.

6. НЕНАЗНАЧЕННОЕ СВИДАНИЕ

— Эона, как выглядел бы я, будучи разумным потомком динозавра?

— Ты был бы выше на две головы. Намного сильнее. Кожа у тебя была бы сплошь зеленая. Искрящиеся красные глаза размером с куриное яйцо. Зрачки как у кошки — продолговатые. Абсолютно голый огромный, череп без ушей. Руки и ноги — трехпалые.

— И ты не ужаснулась бы моему виду? Будь я даже бегемотообразным? стрекозоподобным? тритоновидным?

— Или живым сгустком вихрей. Спиралью света, взывающей к братьям из других миров. Разумной субстанцией, свободно проникающей сквозь волокна пространства и времени.

— Отвечай: не ужаснулась бы?

— Земная ли галактическая, вселенская — красота едина. Она разлита, расплескана по мирозданию, как свет. Она — само мирозданье. Единство красоты, ее вечное гармоничное цветенье — незыблемый закон. Потому любая попытка посягнуть на красоту, расшатать ее устои должна быть наказуема.

От моста надо рвом спуск к морю оказался не таким уж и крутым, но длинным: мощеная дорога изгибалась плавными серпантинами. Зонты линий отбрасывали на обочину резкие изломанные тени. Говор моря все нарастал — и вот оно раскрылось — мерцающее, живое, перекатывающее в своих ладонях прибрежную гальку. Над Поющей горой светился, как глаз циклопа, кровавый фонарь. Я двинулся на его свет. Взлобье холма Чивиты с зубчатой стеной занимало полнеба. Когда навис-

шая надо мною громада завернула к северу и обнажился простор небес, я увидел перед собою другую стену — из колючей проволоки, с бетонными сдвоенными столбами опор. Ближе к морю на таких же бетонных столбах был укреплен квадратный щит. Подойдя к щиту, я прочел светящиеся буквы:

ВНИМАНИЕ! ЗЕМЛЯ СИГОНЫ ЗАРАЖЕНА И ОПАСНА. ПРОНИКНОВЕНИЕ ЗА БАРЬЕР, А ТАКЖЕ ВЫСАДКА С МОРЯ КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩЕНЫ. ОСНОВАНИЕ — ЗАКОН 19/37.

Луна вспыхивала на колючих остриях проволочного барьера. Тысячелетия равнодушная Диана обращает свой загадочный взор и на резвящихся в море дельфинов, и на сжигаемые захватчиками древние города, и на языческие купальские игрища, и на заграждения концентрационных лагерей.

Стена оказалась двойная: стальные ряды разделяло около метра.

Невероятно, но мне почудилась там, за барьером, согбенная фигура. Человеческая. Казалось, неизвестный смельчак или безумец что-то потерял, ну, скажем, мелочь из кошелька, и теперь шарит взглядом в траве, наклоняется к каждому камешку, сверкнувшему под луною.

До рези в глазах вглядывался я сквозь проволочное сплетенье туда, где медленно приближающаяся фигура обретала черты женщины.

— Эй, кто там ходит? — неожиданно для самого себя закричал я, но уже в самый миг крика осознал и всю нелепость своего вопроса, и то, что я не кричу, а хриплю, почти шепчу.

Женщина между тем приблизилась еще шагов на десять, стали различимы короткие пышные волосы и тускло блестящее свободное платье. В левой руке она держала корзиночку или квадратную сумку.

— Снежнолицая!

— Зови меня лучше Эной.

— Но тебя нет. Тебя унес сель в отрогах Тянь-Шаня.

Молчание. Она улыбалась.

— Как ты оказалась в Сигоне? Что делаешь там?

— То же, что и ты, Олег. Собираю доказательства.

— Доказательства, но какие?

— Доказательства посягновения на красоту. С необратимыми последствиями. В предсказуемом будущем.

— Что значит — в предсказуемом?

— На клочке времени, когда здесь будут прыгать крысы размером с овцу, а трехголовые рыбы ползать по деревьям.

Ее корзиночка стала прозрачной, как аквариум, и оказалась до половины заполненной обезображенной живностью: многоголовыми, скрюченными, порою лишенными конечностей тварями, ползающими, извивающимися, трепыхающимися уродцами.

Я закрыл глаза, будто один был повинен за содержимое вновь потемневшей корзинки-аквариума.

— Кому нужны эти доказательства?

— Тебе, Олег. И Галактическому Совету Охраны Красоты.

— Такое не сразу одолеешь, Снежнолицая...

— Зови меня лучше Эной.

— Пусть так: Эона. Но для меня ты — живое воплощение

Снежилицей. Не знаю, как ты вновь воскресла. Но это о тебе написаны в древности стихи, послушай:

Мне без тебя и солнце и луна
Померкли. Чем уйму слепую боль я?
Безумным вихрем ты унесена,
Любимая, из милого гнездovsky.
Но не иссякла памяти струя.
В ущельях тесных
И в степях безвестных, —
Где конь крылатый, на котором я
Найду тебя среди светил небесных?

Прочтя печальные строки владыки Бекбалыка, я опомнился: что я такое несу, ведь стихи сочинены после смерти Снежилицей; девушка с пышными русыми волосами просто похожа на нее...

— Действительно, я должна тебе напомнить кого-то из близких, — сказала читающая мои мысли. — Таков замысел Галактического Совета. Подавляющим большинством голосов Совет решил, что, увидев меня, ты сразу поверишь в реальность и серьезность происходящего.

— Значит, ты, Эона... — Я замялся, подыскивая нужное слово.

— Гостья. Посланица. Посредница. Это для тебя, Олег. А для себя... Не знаю, кто я здесь. Мне кажется, для сошествия к тебе меня окружили иной плотью, как водолаза скафандром.

— А до сошествия сюда?

— Сначала меня не было, потом не станет. Как в твоём любимом афоризме о мертвых и нерожденных.

— Это не мой афоризм. Он родился здесь, на берегах Средиземного моря, в глубокой древности.

Молчание. Ее кроткая улыбка... Надо было собраться с мыслями. Слишком многое зависело от нашего разговора, хотя втайне я все еще надеялся, что все происходящее — бредни...

— Нет, не бредни, не бредни, Олег, — прозвенел колокольчик. — Разве моего лица: над заливом в Палермо, наяву, и над холмами Сигоны, во сне, — тебе недостаточно?

Что я мог возразить красавице со страшной корзинкой? Окажись там, за колючим барьером, студенистая говорящая медуза или читающая мои мысли анаконда, не кинулся ли бы я прочь, как и каждый на моем месте? О, как нам жаждалось, чтобы вестники иных миров были во всем схожи с нами, точнее, с лучшими из нас: красивы, благородны, пронизательны, одухотворенны. А ежели и впрямь медузы? Бегемотообразные туши? Стрекозоподобные? Тритоновиidные?

— Или живые сгустки вихрей, — продолжала она. — Спирали света, взывающие к братьям из других миров. Разумные субстанции, свободно проникающие сквозь волокна пространства и времени...

— Сгусткам вихрей и разумным субстанциям нет дела до земной красоты, — сказал я.

— Земная ли, галактическая, вселенская — красота едина. Она разлита, расплескана по мирозданию, как свет. Лишь ее светоносная сила способна удержать разгул мрачных стихий.

Единство красоты, ее вечное гармоничное цветенье — незыблемый закон. Потому любая попытка посягнуть на красоту, расшатать ее устои подлежит наказанию.

— Любопытно. Тогда почему не наказаны швырнувшие атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки? Обрушившие тысячи бомб на многострадальный Вьетнам? Те, кто в пустыне Невада подло взорвал атомную бомбу над тремя с лишним тысячами собственных солдат, заведомо обрекая их на психические заболевания и гибель от раковых опухолей? Это ли не посягновение на красоту? Знаешь, про что мне рассказал отец?

— Знаю, Олег. Его друг был в японском плену. Среди тех, над кем ставил опыты генерал Ишии Широ. Генерал проверял на живых людях воздействие химического оружия.

— На живых людях, Эона. Американцах. Китайцах. Русских. А другой генерал, Макартур, сделал все, чтобы выгородить военного преступника Широ. Почему изуверы не наказаны?

— Возвращаю этот вопрос тебе. И твоим земным собратьям, Олег.

— Эона, ты наполняешь свою корзинку — зачем? Любопытства ради? Для музея во дворце Галактического Совета?

— Для Галактического Совета. Только Совет правомочен решить, переполнилась ли чаша терпения... — Снежнолицая подняла голову. Взгляд ее скользнул надо мной. — Пожалуйста, не оглядывайся, Олег, — сказала она.

Я представил себе чашу величиной с купол неба, до краев наполненную дымящейся жидкостью, где плавали, точно в дантовом аде, чудовища, олицетворяющие пороки: зависть, насилие, ненависть, предательство, алчность.

— Ты должен знать: время от времени вечно цветущем саду планет одно дерево заболевает. Оно может захиреть, даже погибнуть, если ему не поможет садовник. Вредители должны быть уничтожены. Но иногда помощь приходит слишком поздно...

Высоко среди звезд передвигались вдоль Млечного Пути крестообразные зеленые и красные огни. Пассажирский лайнер? Бомбардировщик с водородными бомбами?

— Пассажирский. Авиалиния Рим — Найроби, — сказала Снежнолицая, тоже глядя на огни.

— Не понимаю вашей логики, всезнающие блюстители прекрасного. **То вы собираете доказательства необратимых разрушений. То сами разрушаете!**

— Мы ничего не разрушаем.

— А сжигаемые по ночам деревья! А ядовитые разноцветные шары из ваших порхающих «шляп»! Кого вы собираетесь наказывать за подобные забавы? Самих себя?

— Олег, мы ничего не сжигаем и не травим. И не уполномочены здесь кого-либо наказывать. Наказывать будете вы, когда соберете свои доказательства. — Она намеренно выделила «своих».

— Сплошной туман и пустые слова! Если не вы, то кто отправляет и сжигает? Другие инопланетяне? Не столь благородны, как вы? (Плохие дяди и тети? — повысил я голос.

— Олег, успокойся, в космосе нет такой вражды, как на Земле.

— Эона, ответь прямо: кто поджигатели и отравители?

— Сами ответите, кто поджигатели и отравители.
— Когда?
— Когда соберете доказательства.
— Хватит морочить мне голову! — не сдержался я и ударил ладонью по загудевшей проволоке. Но сразу отдернул руку: она попала на шипы, из пальцев брызнула кровь. — Хватит играть в жмурки! Еще неизвестно, кто кому должен предьявлять доказательства чужой вины или собственной невинности!

— Мы тебе, Олег, поможем, — все так же приветливо проговорила Эона. — Ты в любой миг можешь вызвать меня мысленно и о чем угодно спросить. Не забудь: вопрос начинается моим именем.

Я кивнул.

— Галактический Совет Охраны Красоты благодарит тебя за начальный Контакт. И просит ни с кем не делиться сведениями о Контакте.

— Взаимно, — буркнул я. — Там, среди благостных ваших миров, особо обо мне не распространяйся... Хотел бы знать на прощанье, почему Совету было угодно или удобно выбрать именно меня?

— На твоем месте мог бы сейчас стоять любой другой.

— И на твоём?

— Любая другая.

— Занятно. Стало быть, по эту сторону мог быть и Герострат, и Аттила, и какой-нибудь подлейший Батый, и Гитлер, неважно, бывший или будущий?

— Ими и подобными им занимается другой Галактический Совет. Тебе же, Олег, повторю: на твоём месте мог стоять любой другой защитник красоты. Спокойной ночи, — сказала посланница ночи, нагнулась за корзинкой и начала отдаляться в лунной мгле.

— Куда ты, Снежнолицая?

— Зови меня лучше Эоной...

7. ДОЧЕРИ ВЕЧНОСТИ

В ожидании Антонеллы я бродил по солнечной стороне площади, напротив Галереи. Ее закончили строить при мне, когда я проходил стажировку в здешнем университете. Все три этажа представляли собою сцепление стрельчатых арок с лесом беломраморных колонн. Арки были изукрашены пестроцветной мозаикой — триумф богини земного изобилия: кистями винограда, лилиями, орхидеями, нежно светящимися, точно огоньки свечей, лимонами и апельсинами, розовоперыми ветвями миндаля. И казалось, над площадью полощутся волнующие ветром или морем сказочные восточные ковры. Внизу размещалось знаменитое на весь мир собрание древнегреческой скульптуры; выше — картины, золотые и серебряные украшения, безделушки, монеты — все, что осталось на дне промывочного ковша сицилийской причудливо переплетенной истории, начиная с первой пунической войны, когда вон там, в заливе, качался на волнах Тирренского моря весь карфагенский флот... В прохладных залах посетителей было не густо. Иностранцы обычно толпились возле шедев-

ра XV века кисти д'Антонио. На небольшом полотне из темной глубины взирала, чуть скосив карие глаза, молодая женщина в светло-фиолетовой шелковой накидке. Левой рукой накидку она слегка придерживала, а правую с растопыренными пальцами выставляла чуть вперед, как бы призывая мир к тишине. Подобие улыбки затаилось в кончиках губ... Возле этого полотна мы и познакомились тогда с Антонеллой. Она училась на третьем курсе и подрабатывала в Галерее как экскурсовод. Да, многое переменилось с той блаженной поры, слишком многое. Кроме ее привычки безнадежно опаздывать...

Вчера вечером я не стал выпытывать у Учителя подробности его сна обо мне. И без того все стало на свои места. Те, кто властен выудить из человеческой памяти запечатленный там образ и одеть его плотью, не станут зря просить о неразглашении тайны Контракта. Эона сказала лучше: не одеть плотью, а разделить ею. Эона... Ее поведение позапрошлой ночью мне представлялось теперь несколько странным.

Эона... Утром я спросил мимоходом Учителя о возможном происхождении необычного имени. И лишний раз убедился, что многого, многого еще не знаю. Оказывается, в греческой мифологии Эон — неумолимое, неумалющееся время, отпрыск Хроноса. Последователи Орфея почитали Эона как сына Ночи. Он представлялся глубоким стариком, непрерывно вращающим колесо времени. В Римской империи Эона изображали мощным старцем с оскаленной львиной головой, вокруг тела его обвивалась змея. По учению гностиков, эонами были высшие силы и духи, олицетворяющие мудрость. Вся земная история с вереницей несправедливостей и страданий составляет один эон. В дословном переводе: Эона — «дочь вечности», «вековечная»...

Из времен древней Эллады и зари христианства меня вернул настойчивый автомобильный гудок. Антонелла сидела за рулем в своей крохотной потрепанной машине и махала мне рукой.

— Чао, Земледер! Ты заслушался пения ангелов? Влезай поживее! Нельзя здесь стоять.

Она изменилась: волосы закалывала сзади пучком и слегка подкрашивала глаза. На ней были вельветовые серо-голубые джинсы и безрукавка поверх голубоватой блузки с вышитыми на воротнике цветами.

— Сегодня ты выглядишь превосходно, — сказал я и махнул в сторону Галереи. — В тон всей вашей летящей флоре.

— Благодарю за комплимент, — сказала Антонелла. — О тебе такого не скажешь. Лицо испуганное, глаза красные, как у дьявола. О, и вроде бы брюшко! При твоём росте я бы воздержалась от спагетти.

— Как дела у Марио? — сразу спросил я.

— Кажется, лучше. На следующей неделе обещают выплывать.

— Предлагаю заехать на рыбный рынок. Захватим Марио печеных креветок. Помню, он их любил.

— На рыбный так на рыбный, — согласилась она и ловко протиснулась между фургоном и тремя мотоциклистами. — На рыбный рынок с Земледером, вдруг свалившимся с небес. Помнящим только гастрономические причуды бывших друзей,

хотя пронеслось столько годков, и начисто забывшим о самих друзьях.

— Не обижайся, — сказал я и провел рукой по ее волосам. Она отстранилась. — Не обижайся. У меня есть оправдание. В виде изречения. Ты его оценишь. «Славяне плачут при расставанье и забывают друг друга, покуда не встретятся вновь». Подмечено полторы тысячи лет назад. Прокопий Кесарийский. Византийский историк.

— Я готова заплакать прямо сейчас, — сказала она. — Сицилианки плаксивы. Особенно замужние.

— Выходит, ты замужем?

— Любая уважающая себя сицилианка в моем возрасте давно замужем. Заруби в памяти: любая. А перед венчанием, примерно за полгода, уважающая себя сицилианка обязательно должна побродить ночки три-четыре по римским развалинам. В сопровождении неотразимого иностранца. Из тех, кто плачет при расставании. Она должна проводить его в небеса из аэропорта Леонардо да Винчи и тоже всплакнуть. Таков местный ритуал. Он складывался веками.

— Верно. Так прощались еще при Калигуле, — сказал я.

— Но для меня сей ритуал не означает ничего! Как чужое письмо, по ошибке попавшее в почтовый ящик! Верну не вскрывая.

И опять она отстранилась, словно я потянулся погладить ее каштановые волосы.

— Письмо письму рознь, Антонелла, — сказал я. — Хочу по ошибке получить конверт с разгадкой, например, причин эпидемии. Глазом не моргнув, вскрою.

Тут она уставилась на меня со страхом и любопытством, точно бы я на ее глазах начал преобразаться в монстра.

— Ты, археолог, замахиваешься на эпидемию?! Толпа медиков ломает голову, включая самого профессора Боннано! Разве эпидемия мешает вам рыться в античных черепках? Что тебе до нее?

Я сказал:

— Тебе известно, что в Сигоне плодятся уродливые жучки и зверьки? Что вчера в Солунто умерло еще трое? Какое дело мне до них, допытываешься ты? Так вот. Я, Олег Преображенский, не хочу, чтобы петля затягивалась и дальше. Не хочу, чтобы искажалось лицо красоты, хоть это и звучит выпренне. Кто знает, во что выльется эпидемия? Вдруг не у одних мышей и кроликов начнут плодиться уроды? Родить сямских близнецов хочешь?

От резкого тормоза я ударился лбом о стояк бокового стекла. Мотор заглох.

— За-мол-чи! — закричала она и отвернулась. Потом медленно тронулась с места. Пышноусый синьор из обгоняющего нас «форда» покрутил пальцем у виска, визжа, что мы самоубийцы и негодяи. Рядом с ним на сиденье лаял на нас спаниель. Когда они скрылись за поворотом, Антонелла сказала:

— Не обижайся, Земледер. На меня находит иногда такое... Хочешь, сведу тебя с профессором Боннано? Ты должен помнить его по университету: чернобородый, под глазами мешки. Потолкуй с ним насчет эпидемии.

— Пойми: я могу заниматься только раскопками в Чивите — и больше ничем. Только раскопки.

— Я понятливая. Чем можно помочь тебе?

— Не мне, а Сигоне, — огрызнулся я. — Для начала разыщи в Палермо одного фотографа. Он величает себя доном Иллюминато Кеведо. Любыми путями попытайся узнать, как попал в прессу его рассказец про пузыри над Сигонной.

Я вытащил из бокового кармана журнальную вырезку и прочитал ее вслух. Оказывается, Антонелла помнила это интервью. В «Ты и я» у нее были знакомые, и она обещала расшибиться в лепешку.

В палате стояло коек двадцать, над каждой — крохотное деревянное распятие. Марио лежал в углу, у раскрытого окна. Антонелла наклонилась, поцеловала брата в лоб. Он долго смотрел на нее, словно не узнавая. От его блуждающего взгляда мне стало не по себе. Но еще больше — от пурпурных прыщей, рассыпанных по лицу, шее, рукам...

— Посмотри, Марио, кто приехал, — сказала она. — И привез тебе креветок.

Худое лицо Марио оживилось. Он поднялся, откинул одеяло. Мы обнялись.

— Спаситель мой приехал, спаситель, — бормотал он.

— Давайте спустимся в сад, — предложила Антонелла. — Там такой ласковый ветерок. Где твой халат, Марио?

Пока мы спускались по крутой лестнице, он несколько раз порывался меня обнять, бормоча свое «спаситель».

— Ошибаешься, Марио, — мягко сказал я. — Спаситель ходил с учениками по воде. По глади Тивериадского озера. Я же, если угодно, спасатель. Чтобы нам расквитаться, предлагаю поступить так. После твоей выписки из этого богоугодного заведения давай снова махнем на катере через Мессинский пролив. Только оступлюсь и вывалюсь за борт я, а спасти меня кинешься ты. И будем квиты.

— Это невыполнимо, — сказала Антонелла. — Ведь нас постиг тогда шторм баллов шесть, не меньше, помните? Волны швыряли катеришко, как щепку, правда? Таких штормов поискать. К тому же мой братец плавать до сей поры не научился, даже в штиль. Не суждено ему быть ни спасителем, ни спасателем.

— Зато из безумия в Сигоне выкарабкался, — сказал Марио, насупившись.

— Ты самый лучший в мире брат, — сказала Антонелла и поцеловала его в щеку. — Давайте присядем в тенечке, вон под той шелковицей.

...Многое из того, что рассказал Марио про события в Сигоне, я знал. Не хотелось бередить его рану, но все же я спросил осторожно:

— Долго ты пробыл в Сигоне перед случившимся?

— Как всегда. Ночь на субботу, ночь на воскресенье. В понедельник рано утром мы обычно возвращаемся в Палермо.

— Как тебе спалось в ночь на субботу? Ничего необычного не заметил?

— Да я глаз не сомкнул до рассвета, — сказал он.

— Бессонница?

— Какая бессонница? Мы до полтретьего грызлись с моей Катериной. Это бабё из Агрдженто — сущие фурии! Намеренно заводят ссору, чтобы слаще после была любовь. Черт дернул жеваться.

— У нас есть такая поговорка, — сказал я, — «Неженатому хоть удавиться, а женатому хоть утопиться».

На глазах у Марио появились слезы, он схватился за голову: — О-о-о, что за вздор я плету! Бедная Катерина! Будь я трижды проклят, что не уступил ей и мы не успели помириться! О, моя голубка! Клянусь святой Розалией, едва ты выздоровеешь, я примчусь к тебе как молния! — И он замолотил кулаком по сморщенной коре дерева. Антонелла прижалась к брату, успокоила как могла.

— Спасибо, Олег, что нас опять навестил, — тихо проговорил после долгого молчания Марио и посмотрел искоса на Антонеллу. — Снова в университет?

— На раскопки древней Чивиты. Может, слышал про международную экспедицию? Из-за эпидемии кое-кто упорхнул отсюда. Вот я и примчался на подмогу.

— Чивита... — Глаза Марио преобразились. — Мальчишкой я облазил в ней все руины. На Дозорной башне мы расставляли силки на дроздов, после жарили на вертелах, возле гипподрома. Или затевали игры в пещерах, что в Поющей горе. Много их было, пещер. В них с незапамятной поры спасались от набегов с моря. Но янки прикарманили Поющую, точно какой-нибудь пустынный сувенир. Помню, как пыхтели бульдозеры, срезая вершину горы. Как янки сооружали бетонный мол. И теперь прямо с моря внутрь горы залетают самолеты. Представляешь? Будто пчелы в улей. Огромный подземный аэродром, мне Винченцо подробно описал. Святая мадонна, гору купить, целую гору! Небось думают, с такой толстой мощной можно и всю Сицилию отхватить! Аппетит у янки волчий.

Пришлось вернуться к началу разговора и снова зачитывать откровения владельца фотоателье.

— В ночь на субботу? — изумился Марио. — Крепко заливает дон Иллуминато. Никаких предметов в небе, никаких шаров не было. Мы спали на крыше сарайчика, то есть не спали, я уже рассказывал, а ругались до рассвета. Бедная, бедная Катерина!..

Я раскрыл перед Марио пластмассовую коробочку и снял вату с ящерицы.

— Не припомнишь, где раздобыл?

— Еще бы!.. Здравствуй, двухголовка! — Он нежно гладил ее по хвосту. — Ай да археолог, за собою возит мой подарок!.. Спрашиваешь, где раздобыл? У нас, в Сигоне, года за два до твоего прошлого приезда. Именно так. И за год до нашего переезда в Палермо. Погоди, надо вспомнить поточней. Вроде бы тогда весной тоже нас трясло. Помнишь, сестра?

Она задумалась.

— Ты прав, Марио. Трясло в конце апреля, но полегче. Обошлось без разрушений, не считая разбитой посуды.

— Тем летом уродцев порасплодилось — тьма. И двух- и трехголовых. Стрекозы без крыльев, змеи срослись, лягушки.

Сперва я их в формалине выдерживал, потом сушил... Смотри, как сохранилась, прямо живая.

— Мы их ловили под стеной, — сказала Антонелла. — Видел, Земледер, бетонную стену вокруг Поющей? С толстыми струнами наверху?

— Говорят, по ним пропускают сильный ток, — сказал Марио. — Вот сволочи!.. Хочешь, подарю тебе сросшихся лягушек?

— Но и сейчас в Сигоне, — заговорил было я, однако, встретив яростный взгляд Антонеллы, осекся и закруглился так: — ...мы ищем серебряный глобус в крепости.

— Ты об этом уже говорил, спаситель, — сказал Марио. — Разрешу, я приеду к тебе на раскопки. Вот выпишусь и приеду на подмогу. Я ж там знаю каждый камень. Разведаю сперва насчет работенки в мастерской и приеду. Я подрабатывал временно, пособия по болезни не положено, ну и, сам понимаешь, могу оказаться на мели.

— Поступай к нам в экспедицию, — предложил я. — Люди нужны на раскопках, особенно теперь. Шестьдесят тысяч лир в неделю. Правда, работа тоже временная. До конца ноября, пока не зарядят дожди. Потом снова начнем, в мае.

Антонелла сказала:

— В мае, если с вашей Землею ничего не произойдет. Все готовы разорвать друг дружку, как звери лютые.

— Не все звери, не все, — сказал я, глядя ей прямо в глаза. — Только те, кто приторговывает по дешевке чужие горы. За морями-океанами. И лишает эти горы голоса. Заодно затыкая долларами рты исконным хозяевам этих гор.

— Кучка толстосумов и рвачей еще не народ. — Она не отвела взгляда. — Если б ты знал, что творилось на острове, когда решался вопрос о ракетной базе. Забастовки, петиции, митинги. Портовики целую делегацию снарядили в Рим.

— И пока их там успокаивали, янки уже вгрызлись в Поющую клыками, — сказал Марио.

На обратном пути Антонелла молчала и хмурилась.

— Кажется, я огорчил тебя разговором о купле-продаже, — сказал я.

— Ну и что из того? — Она пожала плечами. — Я о другом. Пожалуйста, не упоминай при брате об ужасах в Сигоне. Главная трагедия у него впереди. Он не знает, что Катерины уже нет в живых...

Мы ехали берегом залива. С моря напознала черная вздрагивающая туча, отрезанная снизу, как по линейке. Под срезом далеко на горизонте громоздились циклопические башни белоснежных облаков.

— Господи, скольких унесла эпидемия, — вздохнула Антонелла.

— Поэтому ты должна узнать об Иллюминато Кеведо, — сказал я.

— Не только поэтому, — отвечала она, застыв за рулем как изваяние. — Начинаю догадываться, хотя и смутно, над чем ты ломаешь голову, Земледер.

Я спросил:

— Что это за Винченцо, поведавший Марно о подземном аэродроме?

— Винченцо Маццанти его друг. Бывший летчик. До недавнего времени был техником на Поющей.

— Значит, на базе работают местные жители?

— Человек полтораэта. Техники, повара, официантки, полотеры и так далее. Девушек брали, естественно, самых смазливых. Они знают толк в амурных делах, гладкорожие янки! И покупают живой товар беззастенчиво.

— Покупают, значит, продают, — сказал я. Антонелла резко обернулась.

— Постыдись, ты бросаешься словами, как янки! Поезди по Сицилии, посмотри, как живет народ. Здесь веками царствует нищета! Ни одного детского сада на весь остров. В мастерских от зари до зари работают подростки, даже дети. Иначе семья подохнет с голоду. Уезжая после сытного завтрака из «Золотой раковины» в Чивиту, ты замечаешь небось сидящих у обочин молоденьких крестьянок?

— Они никогда не «голосуют». Наверно, ждут рейсового автобуса.

— Наивный сытый археолог! Они готовы подсесть к любому джентльмену. Даже если заплатит каких-нибудь жалких десять тысяч лир. Догадываешься, зачем их подсаживают? Чтобы свернуть в ближайшие заросли... Сколько стоит билет в кино? Правильно, четыре тысячи. А бифштекс? Умница, шесть тысяч. От шести до десяти. На базе же этим крестьянкам платили двести тысяч в месяц. Попробуй избавься от домогательств какого-нибудь потного хряка, сразу вылетишь на обочину. О, на нашей несчастной Сицилии они способны купить все!

По стеклам забарабанил дождь. На пляже началось столпотворение: люди сломя голову бежали под полосатые навесы.

— Значит, эти полтораэта человек на базе работают... — начал я, но она перебила:

— Не работают, а работали. Их всех недавно уволили. В один день. Сунули каждому выходное пособие — и под зад коленкой! Благодетели!

«Вот это улов! — подумал я. — Если к тому же окажется, что их лишили работы после землетрясения в Сигоне, то...»

— Антонелла, слушай внимательно. Как можно скорее ты должна узнать примерную дату их увольнения. Это главное. И причину. Кто и как им объяснил, что база больше не нуждается в их услугах? Переговори с Винченцо. Узнай у него поподробнее о Поющей горе. Разущи его, добудь хоть из-под земли. Но обо мне не упоминай, ладно? Парень он надежный? Порядочный?

— Порядочный и надежный. Иначе не стал бы моим мужем, — сказала Антонелла Маццанти.

Понедельник и вторник я провел в Чивите. Зданек не зря восхищался античным бассейном. Мозаика на дне — nereиды и тритоны с дарами моря — открывалась во всем великолепии. Но истинным шедевром был центральный рельеф с временами года, где по кругу изображались бесхитростные сцены мирной жизни: сбор плодов и винограда, жатва, заклепывание бочек, собиранье хвороста, закалывание свиней. Среди развалин храма

Геракла обнаружили осколки еще одной мозаики, сильно пострадавшей. То была восседающая на слоне женщина со строгим взором и крутым подбородком — несомненно, богиня правосудия.

Как и наметил Учитель, я с рабочими заложил раскоп на вершине холма, рядом с Дозорной башней. Под брусчаткой пошла бурая глина, мелкие камни. Я бы и сам взялся за лом или лопату, но нарывала рука: следы удара по колючей проволоке той ночью.

Ближе к вечеру хлынул дождь. Я отпустил рабочих, лег подремать, но сразу заснул.

Проснулся без четверти двенадцать. Дождь стучал по брезенту. Хотелось пить, и я залпом опрокинул два стакана компота. Натянул дождевик. Спустился, скользя на камнях, к морю. Даже скала Чивиты не различалась во тьме. Море рокотало. Я брел наугад, пока не наткнулся на колючую проволоку.

В дождевой пелене за стальной паутиной внезапно обозначилось лицо. Я не заметил, откуда оно появилось.

— Снежнолицая...

— Зови меня лучше Эоной... Что у тебя с рукой?

— Напоролся на ржавую проволоку. Заживет.

Она протянула руки сквозь паутину ко мне, и я с замершим сердцем вложил в них свою. Незабинтованные кончики пальцев ощутили ее гладкую холодную кожу.

— О, как ты жжешься, какой огонь бежит по жилам твоим! — принялась вдруг бормотать Эона изменившимся голосом. Лицо ее, как мне показалось, слабо засветилось. Она погладила бинт, и боль сразу утихла.

— Никакая ты не внучка Хроноса, и отец твой — не старец Эон. Ты — Снежнолицая!

— Немочь сонная одолела, котору ночь наважденье одно и то же. — Глаза ее полузакрылись, она крепко ухватилась за мою руку. — Аль сонной травы подмешали мне колдуны, аль зелье иное какое?.. Говорила свет-батюшке, в пояс кланялась. «Сокол ясный, не скликай женихов с четырех ветров, ни с полуночи и ни с полудня, ты отдай меня, красну девицу, за Савватия-молодца». Ай не вышло, не сладилось: посулили владыке заморскому, где ж перечить родителю стану... Ничего не скажешь, удал женишок, и умом взял, и обхожденьцем, а как стрелу калену в кольцо по-над теремом пропустил, надо рвом скача на лихом коне, — тут судьбина моя и решилася. А хозарин-то, ровно червь во рву, извивался с хребтом переломанным... Немочь сонная, наважденье, бесовский соблазн. Кто ты есть, человек, с ладонью аки огонь? Нешто стрелена ворогом? Нешто ловчая птица уклонула, егда коли охоту творил?

— Снежнолицая! — закричал я. — Не выходи за владыку, не уезжай в Бекбалык! Знаешь ли, что случится на Чарыне, горной реке? Не выходи, Снежнолицая! Я, я тебя люблю!

Она отдернула руки. Схватила за проволоку. Лицо перестало светиться, снова открылись глаза.

— Ты спрашиваешь, вмешиваемся ли мы в земные события? — сказала она чуть устало. — Крайне редко. Чтобы не исказить причинно-следственные связи в галактическом континууме. С природными силами шутить нельзя.

- Я люблю тебя, Снежнолицая...
— Зови меня лучше Эной.

В «Золотой раковине» портье вручил мне запечатанный конверт. Внутри на узкой полоске бумаги плясала ее скоропись: «Важные новости. Звони. — А. М.». Я позвонил, договорился о встрече и, заглянув ненадолго к Учителю (он все еще не выздоровел, но уже ходил по номеру), вызвал такси. По пути я разглядывал ладонь. Никаких следов нагноения. Где еще вчера зияли ярко-красные ранки с зеленовато-желтыми разводами, теперь была обычная кожа. Что еще преподнесет мне Снежнолицая, точнее, те, что стоят за ней? Каким надо обладать могуществом, чтобы выудить из моей памяти ее образ и оживить... Нет, так рассуждать не совсем правильно, ведь Снежнолицая существовала задолго до меня. Скажем так: сколько раз должно переплестись вокруг Земли кольцо времени, чтобы сон Снежнолицей там, за звездными реками Хроноса, почти тысячу лет назад материализовался здесь, у подножия утеса Чивиты, причем материализовался, как я начал понимать, лишь для меня одного... Какой прицельный взор у обвитого змеею старца с львиной головой...

Антонелла поджидала меня на прежнем месте, у «Трех лилий», но без машины.

— Мотор забарахлил у «букашки». Муж починит дня через два, не раньше. Давай погуляем по набережной, Земледер.

Она взяла меня под руку и крепко прижала локтем.

— Угадай, где я вчера была? Пари, что из десяти попыток промахнешься.

— Бывает, ничего не выходит и после десяти попыток, — сказал я.

— Ах, ах, какой острослов! А была я в гостях у самого... Иллюминато Кеведо!

— Предлагаю по сему поводу отобедать вон в том ресторанчике под пальмами. Если не ошибаюсь, он называется «Аквариум», угадал?.. Кажется, я там как-то сидел с одной пышно-волосой неприступной красавицей. В ее волосах запутывались пчелы.

— А жалишь меня ты, — сказала Антонелла.

Она всегда жила в недосягаемом для меня бешеном ритме. В считанные секунды успела перемолвиться с официантом, заглянула в круглое зеркальце, лизнула мизинец и провела под глазами, причесалась, не переставая отхлебывать оранжад и тараторить:

— Представь, его координаты раздобылись в телефонной книге. Я позвонила, хочу, мол, переснять несколько своих старых фото. Он заинтересовался, когда я кончила гимназию, и ну звать меня в свое ателье. Я поехала не раздумывая.

— Настоящие сицилианки никогда не раздумывают, — успел вернуть я, но она и глазом не моргнула.

— Дон Иллюминато оказался молодящимся старикашкой с бородой клинышком, усиками и лысиной, замаскированной сбоку длинными волосами. Бывают такие старцы, от которых за три холма несет козлом... Оказывается, он спе-ци-а-ли-зи-ру-ет-ся — на чем бы ты думал? Съемки обнаженной натуры,

каков дон! Теперь представь, сколько этой самой природы у него поразвешено в ателье.

— Представил, — сказал я. — Заодно представил, как захотелось сатиру козлоному прибавить к своей коллекции парочку свежих снимков.

— Не парочку, а целый альбом. Он предложил мне позировать для рекламы парфюмерии и ювелирных украшений. «Видите ли, голубушка, фирмы оплачивают услуги красивых барышень, регулярно оставляя образчики рекламируемой продукции, — заговорила она сладким старческим голоском. — Мы их будем делить пополам. Через год мы сможем вместе слетать в Америку». Как тебе это нравится, Земледер?

Я сказал:

— И тогда ведет ее дьявол на весьма высокую гору и показывает все царства мира и славу их.

— Меня не поведет и не проведет, — отрезала она. — Пожалуйста, не перебивай. Так вот. Я, понятно, отнекиваюсь, но слабо, давая понять, что в конце концов он меня уговорит. Потом присела на краешек кресла, руки у сердца сжала и промурлыкала: «Ах, дон Иллуминато! Какая жалость, что вы с вашим талантом и вашей аппаратурой не оказались в Сигоне за сутки до злосчастного землетрясения. Такое бы там наснимали — враз стали миллионером!» И пересказываю его же собственное интервью. От моего лицедейства у него глазки полезли на лоб. «Дитя мое, — бурчит дон Иллуминато, — можно, допустим, понять, почему я поставил подпись под этими бреднями и сфабриковал фото «летающей тарелки», между прочим, посредством собственной шляпы, подвешенной на шесте в саду. Все-таки мне отвалили четыреста тысяч лир — гонорар вполне приличный. Но что заставляет вас, цветущее, беспорочное существо, повторять подобную чушь, я понять не могу. Хоть убей». — «Ах, синьор Кеведо, — негодую я, — как смеете вы сомневаться в моей правдивости! Тарелку и шары я видела самолично, поскольку была в Сигоне той ночью и не спала». Тут он захохотал, вынул из бюро журнал «Ты и я», показал мне интервью со снимком, после чего принес из соседней комнаты злополучную шляпу. Подтверждаю: фальсификация. Пузыри он наложил другим негативом. «Не знаю, как вы, красавица, — сказал дон Иллуминато, — а я действительно ночевал в Сигоне накануне землетрясения и могу засвидетельствовать под присягой: небеса были чисты, как мое прошлое».

— Антонелла, сатир с безукоризненным прошлым не сказал, кто подбил его на операцию с пузырями? — поинтересовался я.

— Я не решилась на расспросы. Он заподозрил бы неладное.

— Ты права. И без того совершила почти невозможное. Не знаю, как тебя отблагодарить.

— Не уподобляйся лъстивому дону Иллуминато, — засмеялась она.

До чего же прихотлив, изворотлив женский ум! Не зря народом сказано: баба с печки летит, семьдесят семь дум передумает. На операцию «владелец фотоателье» мужчинам понадобилось бы учредить сыскное бюро, а тут молодая женщина управилась за час — и как управилась? — с блеском. Неважно, кто заплатил дону. Важно, что отпал последний аргумент: «та-

релки» появились после землетрясения. Приблизительно через две недели, милостивые синьоры судьи.

Принесли рыбное ассорти — на квадратном блюде десяток разноцветных плоских чашек, заполненных всем, что еще копошится в чаше Средиземного моря. Закуска была острая, проперченная, вареная, жареная, ее хватило бы на компанию обжор.

— Выпьем за успех твоей операции, Антонелла белла, — предложил я, поднимая рюмку.

— За пункт первый под кодовой кличкой «Козлоногий сатир». По рассеянности я выполнила и пункт второй — «Поющая гора». — Она вытащила из сумочки и протянула свернутую в трубку тетрадь. Мы выпили холодное кислое вино. Я раскатал трубку. Заглавие было подчеркнуто красным: ПРО ГОРУ ПОЮЩУЮ.

«База почти целиком внутри горы. Наверху метеостанция, радиолокаторы, площадки для вертолетов, технические службы, спортивный комплекс с двумя бассейнами, столовая, дансинг, пивной бар.

Ракеты привозят и увозят на военных кораблях (только американских!). Корабли заплывают прямо внутрь горы. Длина ракеты — около 60 метров, работают на твердом топливе. На каждой ракете — 6 боеголовок. Последние семь лет никого из вольнонаемных внутрь горы не пускают (до того пускали, но после истории с лейтенантом Уорнером перестали)...

— Что за история с лейтенантом Уорнером? — спросил я. Она подняла брови.

— У меня сведения довольно смутные. Говорят, после взрыва на складе внутри Поющей лейтенант впал в истерику. И вроде бы все вначале обошлось. Но уже днем, приехав в Палермо после дежурства, он свихнулся. Выскочил из кинотеатра и с воплями: «Ползут! Ползут!» — вскарабкался на акацию. Там он распевал псалмы, пока не сняли пожарные.

— Он жил один на базе? Или с семьей?

— Семейные там не живут. Снимают квартиры здесь или в Агридженто. В фешенебельных кварталах. Одиноким офицерам тоже предпочитают цивилизацию. В перерывах между дежурствами. Дежурят они через неделю.

— Извини, Антонелла, так и не уяснил: с семьей он жил или один? — спросил я.

— С семьей. Точнее, с женой. Когда его отправили отсюда, она тоже уехала. Больше они не возвращались.

— Не знаешь, куда его отправили?

— Никто не знает наверняка. Вроде бы домой, в Америку. Говорят, он там будто бы выздоровел.

— Стало быть, семь лет назад... Семь лет... — медленно выговаривал я, понимая, что следующий вопрос — один из главных на подступах к дьяволиаде.

— В каком месяце, Антонелла?

— В апреле. Где-то в конце. Винченцо обещал уточнить.

— Необязательно. Лучше скажи, когда их уволили.

— Наутро после землетрясения в Сигоне. Их даже не пустили за проходную. Заявили: мол, увольнение по случаю закрытия базы.

Из-за Монте Пеллегрино — Лебединого мыса — начал выполнять силуэт авианосца. Над ним висели в небе два вертолета, похожие отсюда на невинных букашек.

Я думал: когда-нибудь, тысячелетия спустя, мои коллеги-археологи подымут со дна ржавый авианосный скелет и будут удивляться жестокости предков, строивших таких смертоносных бронтозавров, вместо того чтобы украсить свою Землю дворцами и садами. Впрочем, через тысячелетия от бронтозавра ничего не уцелеет: вода растворит его без остатка...

Я думал: задолго до появления человека миллионы раз оборачивалась планета вокруг Солнца, лоя губами радуг, ладонями лесов и лугов струи живительного света. Так будет вечно. Природа залечит жестокие раны, которые мы ей наносим, как вылечила мне руку Снежнолицая. Она затаит живой кожей листьев, веток, цветов даже атомные ожоги, даже химическую ядовитую сыпь. Но в этом случае не надо обманываться, синьоры: человека не будет. Хомо сапиенс — человек неразумный — исчезнет как вид. И на планете летающих деревьев, где спас от недуга фею радости уйгур Мурат по рецепту благословенного Абу-Али-ибн-Абдаллах-ибн-Сины, и в мирах, управляющих теперешним сном Снежнолицей, начертает бесстрастные мудрецы на звездных скрижалях: третья от солнца. Планетарная неудача. Тупиковая ветвь.

Я думал: но еще мы поборемся, потягаемся с тьмою, чтобы не тупиковая значилась в звездных анналах, а цветущая ветвь...

— Земледер, очнись, — услышал я голос Антонеллы. — Ты, кажется, шепчешь стихи. Жаль, я не понимаю по-русски... Что еще ты хочешь от меня?

— Уточнить одну деталь. Помнится, по пути от Марио ты говорила, будто Винченцо уволили недавно. Выходит, он работал еще месяца два после общего увольнения? Не кривись, пожалуйста, можешь и не отвечать.

— Повторяю: их всех вышвырнули скопом. Муж не хотел меня огорчать, потеряв такую работу... Кстати, Марио завтра выписывают. Я ужасно рада.

— Передай, что он может приступать к работе у нас хоть завтра же, — сказал я. — Ездить туда и обратно будем вместе. При желании в Чивите есть где заночевать. Может, Винченцо тоже захочет к нам?

— Милый мой Земледер. — Она накрыла рукой с коротко стриженными ногтями мою руку. Ее рука была горячая, вздрагивающая, и я невольно вспомнил мраморный холод длани Снежнолицей.

— Хватит с тебя забот по части Марио, брат археолог. Пусть мой супруг ночует дома. Рассуди сам: что делать на раскопках бывшему летчику?

— Антонелла, почему «бывшему»? — удивился. — Он в отцы тебе годится, что ли?

Она смутилась и ответила с видимым усилием:

— Не ладится у него со здоровьем. Ходил на днях наниматься — не взяли, даже рекламировать стиральный в небе порошок. Видел, ползает по утрам над заливом крохотные биопланы? Полная отставка. Недостаточная наполняемость мозго-

вых капилляров — и это в тридцать лет! Врачи ему нагло врут!

Чтобы ее успокоить, я налил рюмки до краев и сказал:

— Переквалифицируюсь в летчики и буду возить в небе твой портрет. Да не убывает красота сицилианок!

Она жалко улыбнулась.

— Спасибо, Земледер. Ты сильно изменился. Стал такой важный, загадочный. О чем-то думаешь, думаешь, беспрестанно переспрашиваешь. — Она сдвинула брови и, почесывая указательным пальцем кончик носа, спросила похожим голосом с придыханием: — Антонелла белла, это случилось семь лет назад?

Я рассмеялся.

— Милый мой, какая разница, когда помешался Уорнер...

— Разница немалая, — ответил я как можно тише. — В апреле взрыв на базе, летом у стен базы вы с Марио ловите уродцев. Докатилось?

— Признаться, не докатывается.

— Через семь лет землетрясение в Сигоне, а через несколько недель там начинают копошиться обезображенные твари.

— Но в таком случае надо немедленно...

— Не повышая голос, Антонелла! — одернул я ее. — Все это пока еще предположения. Нужны веские доказательства.

Тут я подумал, что уподобляюсь Эоне, и замолчал. Молчала и Антонелла, глядя сквозь меня. Медленно раскручивающийся вал кошмара увлекал нас за собою ввысь, к холоду мертвых вечных снегов, но скоро, скоро начнется соскальзывание в пропасть, в немолчно ревущие воды, сумеречные и злобные...

— Пока что, Антонелла, уродство затронуло кроликов, мышей, ящериц, жучков-паучков. Одним словом, наших сводных братьев по живой природе. Плюс эпидемия безумия у людей, так сказать, уродливое вырождение разума, повреждение духа. А вдруг повредится и плоть?

— Что ты хочешь этим сказать? — мертвым голосом сказала Антонелла.

— Не сказать, а спросить. У работавших на ракетной базе рождались когда-либо уроды?

По лицу ее пробежала судорога. Она закрылась ладонями, как от удара.

— Только не это! Нет! — выдохнула она. — Нет, не смеешь, живодер! Лопатой, скребком в чужие души не смей! Ройся в своих черепках, в трухлявых свалках, но нас, живых, не трогай! — Она схватила сумочку, перескочила через подоконник, побежала по набережной, натываясь на испуганных прохожих.

А я еще долго сидел за столом, под учтивыми взглядами ко всему привычных официантов... Вал надвигающегося кошмара... Медленно раскручивающийся вал.

8. ПОЮЩАЯ ЧЕШУЯ

— Антонелла, пожалуйста, выслушай меня!

Частые гудки. Она бросала трубку при первых звуках моего голоса. Попытаться найти ее дома и объясниться? Сицилия не то место, где наносят визиты без приглашения.

На третий день после ее слепого бегства по набережной я обнаружил в баре «Золотой раковины» Марио. Он дождался меня еще с обеда, успев справиться с бутылкой виски. Черная щетина на впалых щеках. Невидящий взгляд исподлобья. «Вот и узнал про смерть Катерины», — сразу подумал я и повел его к себе.

— Ты что натворил с Антонеллой? Почему она плачет с утра до вечера? — угрюмо спросил. — Ты, орел залетный, забыл кое-что. У нее есть муж. И брат. Как поступают у нас с невежливыми кавалерами, знаешь? Без учета прошлых заслуг, спаситель.

Стоило большого труда усадить его в кресло и успокоить.

— Марио, я сам ничего не понимаю. Единственное, что я натворил с Антонеллой, — это поинтересовался, не рождались ли уроды в семьях вольнонаемных, на американской базе. Не предполагал, что примет так близко к сердцу. Извини.

Он попросил еще выпить. Я налил полфужера клюквенной водки, он залпом опрокинул, закашлялся. После сказал, уже не так зло:

— Допустим, не моя, а твоя сестра дважды рожала бы увечных. Ты как бы себя чувствовал, спаситель?

Уроды от Антонеллы? Ее красота, выпестованная в колыбели времени красотою неба, моря, гор и лесов, ее красота, сама, как мне казалось, подчиняющая законам прекрасного облик земных просторов, разве может ее красота соскользнуть в бесформенное, безобразное? Если природа начинает самоистязанье, то почему? Или: за что? Ее красота... И тут я опомнился, ощутив, что начинаю думать об Антонелле как о Снежнолицей.

— Твоя сестра не говорила мне о детях, поверь, — сказал я.

— Кто захочет хвастаться сросшимися мертвыми близнецами? Или младенцем, круглым как шар, с лапами бегемота. Он родился четыре года назад... Антонелле сказали, будто тоже мертвый. Но он жив! Он в интернате на Монте Пеллегрино. Я туда заглядываю иногда. Вожу леденцы. Его зовут Колосс, он начал говорить в полгода и своими вопросами хоть кого поставит в тупик. Но как он ужасен, святая мадонна! Ты бы заплакал, посмотрев на него.

— Хочу посмотреть на него, — сказал я.

— Когда?

— Допустим, сегодня же. Возможно?

Он задумался, потом сказал:

— Время удобное. Начальство интернатское уже отбыло. Но зачем тебе это, спаситель?

— Затем же, что и тебе, — ответил я.

Мы спустились вниз. Я взял в баре две коробки шоколадных конфет. Усадил Марио в машину. Завернул к бензоколонке. Тени кактусов и пиний частоколом подпирали дорогу к Лебединому мысу. Острия теней целились в темно-синий залив с пышными кружевами волн. Открылась рощица низкорослых дубов, мы завернули в нее, съехав с асфальта. Вскоре петляющий проселок взбежал на крутой холм, откуда я увидел железную высокую ограду, всю увитую виноградными лозами, а за оградой — двухэтажное серое строение с зарешеченными окнами.

По совету Марио я остановился на холме и дальше пошел пешком. Марио остался в машине. Он не хотел показы-

ваться пьяным на глаза старшей сестре, которая, по его словам, отличалась свирепостью.

Возле ворот я трижды нажал фарфоровую кнопку звонка. Через некоторое время из интерната показалась величественная дама в белом с высоко взбитыми рыжими волосами и прошествовала ко мне.

Да, среди ее питомцев есть ребенок супругов Маццанти. Да, свидания возможны, но не чаще одного раза в месяц, и только с близкими бывшими родственниками. Я заметил, как она подчеркнула: бывшими. Да, она передаст эту замечательную коробку конфет Колоссу и сердечно поблагодарит синьора за другую коробку, предназначенную ей, однако принять столь ценный подарок не может, если синьор не возражает, она разделит конфеты поровну, между питомцами, которых любит всех одинаково, независимо от внешнего вида. В чем особенности их внешнего вида? О, синьору ничего не скажут, к примеру, такие слова, как стернопаги, краниопаги, ишиопаги или торокопаги. Все они означают сросшихся близнецов: черепами, тазобедренными суставами, грудью, животом. Но что из того, что у кого-то вместо носа хобот или вместо ног хвост? Господь в каждого вложил душу, каждый достоин милосердия, сострадания, любви и, синьор прав, сожаленья. Хотя относительно сожаленья у нее свой взгляд. Знаменитые сиамские близнецы жили до 63 лет, причем у каждого были вполне нормальные дети. Двор короля Якова в Шотландии потешал человек с двумя головами и четырьмя руками: обе половины прекрасно музицировали, говорили на многих языках, что не мешало им иногда ссориться. Или американка Милли-Христина, ишиопаг, она прославилась на весь мир под именем двухголосого соловья, обладая волшебным контральто и не менее волшебным сопрано... Каков из этого вывод? Еще неизвестно, кого следует больше жалеть: ее питомцев или нынешних молодых — нор-маль-ных — хлыщей, предающихся пьянству, наркотикам, разврату. Лично она жалеет об одном: ее питомцы редко доживают до совершеннолетия. Впрочем, синьор, преподнесший столь дорогие конфеты и столь живо интересующийся вопросами... э-э... отклонения от норм, мог все узнать и у себя в Неаполе, он, судя по выговору, родом оттуда. В Неаполе тоже существует подобный интернат. Раньше там была богадельня, но после эпидемии семьдесят третьего года — о, синьор, верно, помнит эту эпидемию, она разразилась из-за употребления в пищу моллюсков, отравленных сточными водами, — власти вынуждены были открыть подобный интернат. Поди уйми этих промышленных воротил, проныр, акул, думающих лишь о наживе, хотя бы тот же концерн Монтэдисон. Просто безумие: сбрасывает в море ежегодно три тысячи тонн ядовитой дряни... Читал ли синьор в прошлом номере «Панорамы» статью знаменитого океанографа Кусто? Да, да, за всем в мире не уследишь... Этот Жак-Ив Кусто заявляет, что Средиземное море уже наполовину мертвое. Через несколько десятилетий в нем останутся одни бактерии, как в грязной воюющей луже. И он, видимо, прав, синьор. Недаром даже здесь, на Сицилии, после шторма на берегу столько дохлых рыб... Откуда ее питомцы? Большинство из Сигоны. Несчастный городишко, синьор, конечно, знает и про тамошнюю эпидемию. Только господа богу ведомо, кто наложил

проклятье на Сигону... Но она слишком увлеклась разговором, через сорок семь минут ужин, и она желает синьору приятного возвращения... Где сейчас питомцы? Их вывели перед ужином подышать свежим воздухом, и т, за ограду никогда не выведут, они в детском городке, вон под тем развесистым дубом... Храни вас провиденье, синьор...

Она удалилась, неся коробки перед собою торжественно, почти на вытянутых руках.

Сигона! Стрелка вселенского компаса, поколебавшись, в очередной раз уперлась в город, сжимаемый стальным удавом, и еще одно виденье начало проступать на стенах чаши терпения.

Чтобы не вызвать лишних подозрений, я зашагал по дорожке обратно, затем резко свернул и начал пробираться сквозь заросли по направлению к детскому городку. Случайно угодил в ручей — по самую щиколотку. Вот и решетка, почти невидимая под виноградными листьями.

...Они облепили качели, копошились в песочнице, прыгали через веревочку, смеялись и ссорились, жевали травинки, разглядывали цветы и жуков. Стернопаги. Одноглазые циклопы. Хвостатые сирены. Ишиопаги. Будто бы на картинах Брейгеля или Босха, я увидел существ с плотью скрюченной, искореженной, обезображенной в незримых кривых зеркалах, и, если впрямь ужасное отличается от безобразного на величину страдания, я не почувствовал отличия. Я ужаснулся безобразию и отвел в сторону глаза.

Рядом со мною, на начинающей ржаветь решетке, застыла зеленовато-желтая ящерица с голубым горлом. Одноголовая. Никем и ничем не изуродованная. С четырьмя лапками, оканчивающимися пятью пальцами. С двумя продольными бороздами вдоль тела, сплошь покрытого округлыми чешуйками. Как ослепленный Одиссеем великан Полифем тщательно ощупывает овец, прежде чем выпустить их из пещеры, так и слепая природа миллионы лет плодит живых тварей, соблюдая строгое подобие в каждом виде и роде, в каждой экологической нише: и эта ящерица ничем не отличалась от той, чей отпечаток я обнаружил близ Бекбалька, среди отложений мезозойской эры. Время от времени она выстреливала тонким язычком в еле заметных мошек, и тогда я слышал нежные шелестящие звуки, как будто пел под ветром тростник... Но нет, звуки издавала не ящерица, они просачивались оттуда.

Я снова посмотрел сквозь виноградные листья. Ко мне медленно приближался шар на вздутых трехпалых лапах, увенчанный шаром поменьше — головой без ушей и волос. Оба шара сплошь были унизаны роговой переливающейся чешуей. Из коричневого балахона торчали ручки — такие же короткие и трехпалые. При каждом его шаге чешуя издавала звуки, которые я и принял за пение ящерицы или тростника.

Он остановился возле ствола молодой агавы, в трех шагах от меня, и тихо сказал:

— Я вижу тебя сквозь виноградные листья. От меня никто не спрячется. У тебя тоже одна голова. Что ты здесь делаешь?

И сразу припомнилась мне Сигона, и та ночь, и красный огонь на Поющей горе, и тень, собирающая в корзиночку страшные дары Земли. И ответил я — тоже негромко:

— Я жду.
— Кого ждешь?
— Того, кто задает трудные вопросы.
— Как его зовут?
— Колосс.
— Я, я Колосс! — обрадовался он и похлопал себя лапкой по балахону.

— Знаю. И готов тебе отвечать.

— Говори еще тише. Чтобы не слышала тетка Франческа, видишь, она дремлет под зонтиком. Не то прогонит меня отсюда. Да еще накажет: задернет занавеску на окне и не разрешит смотреть ночью на звезды. Ответь: зачем смотрят на звезды?

— Они красивые. Они летают в небе как светляки. Только очень высоко. Их очень много, не счесть.

— Пожалуйста, не шути со мною. Я не глупая сирена Юдифь и не придурковатый циклоп Бруно. Я — Колосс. Я знаю, что звезды — это шары плазмы, гравитационный конденсат из водорода и гелия. Они рождаются, живут и умирают, как все во Вселенной. К старости они становятся или нейтронными звездами, или белыми карликами, или «черными дырами». Существуют понятия: звездная эволюция, звездные подсистемы, звездные каталоги — древнейший составил Гиппарх, шкала звездных температур и так далее. «Очень много», «не счесть» — это не ответ. Невооруженным глазом на Земле различают около двух с половиной тысяч звезд до шестой звездной величины, главным образом вблизи обода Млечного Пути. Ответь: на скольких из них может существовать жизнь?

— Я слышал, что в нашей Галактике около миллиона цивилизаций, — не слишком уверенно сказал я. — Жизнь вездесуща. Как семена земных растений разносятся ветром на тысячи километров, так и микроорганизмы — с планеты на планету, от звезды к звезде.

— Допустим, ты прав. Они действительно переносятся. Кометами, метеоритами, давлением звездного света. Но знаешь ли ты, какую дозу рентгеновского и ультрафиолетового облучения получают они в таких путешествиях? В десятки тысяч раз больше смертельной. Поэтому вероятность подобной панспермии равна нулю... Даже если предположить, что жизнь самозарождается, то и тогда шанс для появления разума ничтожен.

— Однако на Земле разум появился, — слабо отозвался я.

— В условиях исключительных. Жизнь возникла в океане, впрочем, океан вполне представим на любой другой планете. Технологическая же эволюция возможна лишь на твердой почве, и потому морские животные выползли на сушу. Но до этого лунные приливы научили их дышать! Согласись: подобная планетарная ситуация исключительна. Кто поручится, что мы не одиноки в Галактике? Почему молчишь?

— Мы не одиноки, Колосс, — сказал я.

— Ты имеешь в виду загадочные сигналы пульсаров? Всплески радиоизлучения Юпитера на декаметровых волнах? Упорядоченные пики рентгеновского излучения из космоса при временной развертке? Будем придерживаться презумпции естественности, пока не докажем обратное. Но ответь, если больше не у кого спросить в целой Галактике: кто я тебе?

— Ты мой брат, — сказал я. — Брат по разуму.
— Скажи, я красив?
— Ты красив. Все живое красиво. Красивы облака, ящерицы, собаки, агава, под которой ты стоишь, листья и кисти винограда, перевившего решетку.

— Тогда почему я не кисть винограда? Не агавы? Не облако и не собака?

Я молчал.

— Почему я хочу стать таким, как ты или как тетка Франческа? Почему ты не хочешь уподобиться мне?

— Видишь ли, все мертвое и нерожденное пребывает в небытии, а живое изначально классифицировано на... — заговорил было я, но осекая, когда страшную глубину его вопросов.

— Потому что я урод! Я и проклинаю твою волю и твою Землю за то, что я урод... Хочешь, скажу, какого вопроса ты больше всего боишься?

— Я ничего не боюсь, Колосс.

— Боишься! Боишься, что я мог бы оказаться твоим сыном! Но я не твой сын. Я брат твой, уродливый твой брат. Ты сам это признал! Зачем ты позволил явиться мне из небытия в столь непригожем обличье, брат мой? Ты открываешь на планете все больше интернатов для существ, подобных мне, а ведь большинство подобных мне калеки еще и умственно. Зачем ты скрываешь правду о нас от себя самого?

— Я ничего не скрываю, брат мой Колосс, — сказал я.

— Жаль, что тебя не могут наказать братья из других галактик, — сказал он. — За то, что ты губишь прекрасное. За то, что труслив, жесток, сластолюбив. За то, что бросаешься фразами о мертвых и нерожденных, не вникая в их смысл.

— Коло-о-осс! — раздался голос тетки Франчески. — Опять ты сам с собой разговаривал. Иди, малыш, сюда.

— Пожалуйста, навещай меня почаще, брат, — сказал Колосс.

Он повернулся на лапах-коротышках и затопал прочь. И нежно зашелестел тростник.

Я кинулся было бежать, но пальцы вцепились в решетку, заостенели. И тогда от бессилья, от боли в сердце, раздувающейся, будто футбольный мяч, я принялся трясти решетку. Я представлял себе исполином, вознамерившимся расшатать корабль земной, сбить с привычного пути.

— Де-е-ти! Пора на ужин, уже смеркается, — услышал я снова Франческу. — Кто мне не верил, что по вечерам на охоту выходит дракон? Слышите, как он трясет решетку...

9. НОЧНЫЕ ОБОРОТНИ

Древние индусы верили, что Вселенная дышит как живое существо. При вдохе — а он длится свыше сорока миллионов лет — мир переживает четыре состояния, каждое со своей мерой добра и зла, — так называемые юги. Критаюга — золотой век: торжество гармонии, блаженство, невысыхаемые родники и деревья, изобилие земных плодов. Во время Третаюги четверть добра умалется, людям приходится браться за ремесла, воз-

дельвать пашню, отражать набеги хищных зверей, в том числе и двуногих. С наступлением Двапараюги чаша справедливости освобождается наполовину: все вынуждены бороться с болезнями, наводнениями, междоусобицами. Наконец, чаша пуста: грядет Калиюга, несущая голод, печали, жестокость, страх.

Да, дышит Вселенная, скажем и мы, она вечно жива, но ее жизнь, как и жизнь ее крохотной родинки Земли, скорее преобладает развитие младенца — от беспомощного сосунка до Одиссея, многоопытного мужа. И даже самые закоренелые оптимисты не рискуют уже ссылаться на златокудрое прошлое нашей цивилизации, как на обитель молочных рек и кисельных берегов. Кому ж неясно, что первожителю скорлупки земной были стиснуты похлестче сил гравитации трудностью примитивного существования, борьбу с кознями природы?

Не было его, золотого, увы... Хотя и донныне жизнь каждого из нас разделена светлыми и темными кругами. Но то, что здесь, на Сицилии, мы попали в Калиюгу — сомневаться не приходилось. Загадочно одаренный урод Колосс лишь одно из печальных тому свидетельств. О, страшно уродство! Но еще страшней уродующие, хотя, как ни странно, зло не всегда таится лишь в них.

В той же Индии Учитель побывал на уличном представлении «паука» — юноши со скрюченными тонкими руками и ногами, иссохшим крохотным туловищем и огромной головой. Слепой дервиш рассказал Учителю: «пауков» уродуют еще младенцами, чтобы в дальнейшем родные могли на подаяние от представляемый хоть как-то сводить концы с концами. «Паук» кувыркался, лазил по канату, пугал детей голосами пантеры, тигра, дракона. Но то было лишь началом чудес. «Паук» взобрался на пальму и оттуда до поздней ночи читал наизусть «Рамаяну». Говорили, он мог прочесть без сна за две недели все семь книг древнего эпоса — 24 тысячи строф. Но и это что! Безобразный юноша, сидящий на дереве, знал дословно и «Бхагавату», которая немногим меньше «Рамаяны», и «Махабхарату» — сто тысяч строф!

Кто же виноват, что его так изуродовали? Родители? Обливаясь слезами, они пошли на преступление, чтобы спасти от голодной смерти многочисленных сестер и братьев «паука». Виновата социальная система, общество. Но и оно все еще не может оправиться от последствий колониального разбоя английских джентльменов удачи. В конечном счете юноша-«паук» — это их детище, так же как и существо Колосс — детище спрута заокеанских и местных монополий, убивающих, уродующих все живое на некогда благословенных берегах Средиземноморья.

Когда это началось? С незапамятной древности, когда ссылали рабов подыхать на серные рудники. И во времена Возрождения в Неаполе умирали кожевенники и красильщики, не дожив до тридцати. И в начале нашего века большинство печатников уносила чихотка — бич всех, кто дышит свинцовой пылью. Но чтобы огромная страна вознамерилась отравить другую страну, а потом, когда аппетит разыгрался, другой континент, — такое в истории цивилизации случилось лишь в наше время.

Даже немногие выписки из журналов и газет, бывших под

рукой Учителя за время его болезни, кого угодно должны навести на тревожные размышления. И прежде чем ознакомить меня с одной гипотезой по поводу кошмара в Сигоне, надобно, чтобы я ознакомился с выписками.

— Учитель, вы ничего не упомянули про войны, — сказал я. — Больше всего уродует война.

— Полегче с такими афоризмами, Олег, — нахмурился Учитель. — Даже лишившийся рук и ног в битве с захватчиками никакой не урод. Он герой, под стать героям древнерусского эпоса... А эпос моей войны не пересказать до конца жизни.

«Около 60 тысяч американцев — ветеранов войны во Вьетнаме уже не сомневаются, почему они ушли на фронт здоровыми, а вернулись больными. Каждый из них стал жертвой «оранжевого реактива» — «эйджент орандж». И у большинства впоследствии родились дети-калеки...

«Более полутора миллионов жителей Вьетнама оказались жертвами химической агрессии США. Американцы варварски уничтожили 44% тропических лесов и 40% посевных площадей...»

«14 марта 1968 года в Скалл-Велли (штат Юта) от нервно-паралитического вещества ви-экс пало 6 тысяч овец. В 30 милях от Скалл-Велли расположен армейский полигон Дагуэй — центр испытаний химического и бактериологического оружия...»

«Мы располагаем достоверной информацией из Лахора, что там американские биологи, нанятые ЦРУ, испытывают под видом борьбы с малярией наркотический препарат «антибе». Обработанные им 11 подопытных пакистанцев лишились рассудка...»

«Объединенный комитет начальников штабов хотел бы иметь в своем распоряжении 5 миллионов единиц химических боеприпасов. Если всеми имеющимися отравляющими веществами начинить боеприпасы, их общий вес составит около 300 тысяч тонн. Для сравнения: нынешние запасы обычных боеприпасов вооруженных сил Соединенных Штатов в Западной Европе достигают примерно 500 тысяч тонн...»

...Заметив, что я дочитал последний листок, Учитель попросил меня подсесть поближе к карте...

— Легко представить, насколько все серьезно, — сказал он.

— Вы правы, Учитель, представить легко. Да нелегко понять: покушаясь на старушку Европу, они что же, надеются отсидеться за океаном?

— У этих господ иная логика. Им что Вьетнам, что Европа, что Америка — наплевать. Для них всегда найдется уютный островок близ экватора или ранчо в неприступных горах, где они будут поживать от забот мирских, купаясь в чистой воде и вдыхая неотравленный воздух. Тому, кто не побывал в Америке, страусиную тупость толстосумов не уразуметь. На моих глазах эвакуировали целый поселок на канале Лав, рядом с Ниагарой. Оказалось, в знаменитый водопад десятки лет спускали ядовитую погань. Естественно, рождались уроды. Как вы думаете, Олег, сколько в Америке мест, где хранятся опасные для жизни ядовитые отбросы?

— Хотел бы взглянуть на каждую такую свалку, — сказал я.

— Жизни не хватит. Свыше тридцати тысяч! Теперь понимаете, как нужен этим монстрам городишко Сигона?..

...Да, пока Учитель болел, он не терял времени даром. Он проанализировал все случаи появления «летающих тарелок» — и выявились закономерности пугающие.

Во-первых: когда места их появления были соединены прямыми линиями, образовался причудливый лепесток с осью симметрии, проходящей вблизи Поющей горы.

Во-вторых: визиты наносились в интервале от двух до четырех часов ночи, по средам, субботам или воскресеньям.

В-третьих: после объявления в газетах о прибытии на Сицилию военных патрульных катеров незваные гости перестали появляться в этой зоне (за исключением случая с сожженной будкой на причале в Сигоне).

Я согласился с Учителем, что никакой инопланетной логикой здесь и не пахнет. Закономерности были вполне земные. Ясно, что «тарелки» свили себе гнездышко под крышей американцев. И горючее в их двигателях не звездная плазма, а что-то попроще: причастность Поющей к оси симметрии, вероятней всего, объяснялась ресурсом горючего...

— Если гипотеза подтвердится, Олег, надо, чтобы об этих оборотнях узнала вся Сицилия, — сказал Учитель.

— Узнает весь мир, — ответил я. — Что касается Сицилии, то здесь не любят, когда оскверняют святыни. При мне зарезали пьяного скандинава, отпустившего непристойную шутку по адресу статуи святой Розалии...

По пути к Марио я заехал в небольшой магазин оптики, попросил показать бинокль ночного видения и особо чувствительную фотопленку. Владелец магазина заулыбался, засуетился: он превосходно понимает, что именно мне нужно, поскольку с подобными просьбами к нему частенько обращаются клиенты, те, которым обычно за шестьдесят. Но, разумеется, бывает, что и молодые мужья хотят заполучить достоверные свидетельства своих опасений по части времяпрепровождения жен... Нет, нет, он далек от каких-либо намеков в данном случае и охотно предложит требуемые товары даже с пятипроцентной скидкой из-за симпатий к молодому синьору из Неаполя. Проявлять пленку следует в особом реактиве, разумеется, он тоже положит его в этот прекрасный фирменный пакет. Арриведерчи, синьор, до свидания...

Прохаживаясь с Марио по волнолому, я посвятил его в свой план относительно незваных гостей.

— Ну, сволочи! — Он погрозил кулаком. — Олег, зачем им такой маскарад?.. Скажи, почему мир разваливается на глазах? Откуда эти «тарелки», смерти, уродства? Почему они сыплются как из рога изобилия именно на меня, на мою семью?

— Не только на твою семью, Марио.

— Ты прав. Знаешь, я еще вчера понял, в интернате: останься в живых моя Катерина, она тоже могла бы родить мне... — Не договорив, он закрипел зубами.

— Марио, ты не хуже меня понимаешь, где этот ядовитый рог изобилия. В Поющей горе.

— Мы их выведем на чистую воду, этих ублюдков! Ребята-портовики из местного отделения компартии уже ведут расследование. Хоть неделю буду сидеть с фотоаппаратом, все равно подстерегу. Не бойся, не засну. После ее смерти вообще не сплю по ночам.

Я сказал после молчания:

— Не забудь: как можно ближе к Поющей.

— А если засесть прямо на базе?

— Разве ты альбатрос или голубь?

— Помнишь, говорил тебе, там прошло мое детство. Не все пещеры утрамбовали или залили бетоном. Кое-какие остались. Я знаю потайной ход на базе. Мы лазили раньше туда и добывали разные диковины: старые колеса от вертолетов, разноцветные стекла от сигнальных фонарей, иногда недооцененную банку тушенки. Как-то приволокли целый парашют. Вся ребятня Сигоны ходила в рубахах из парашютного шелка.

— Спасибо, Марио. Ты один можешь помочь многим. Очень на тебя надеюсь, — сказал я.

— Можно не в одиночку? — спросил он. — С Винченцо. Со всем замаялся парень. Стал как загнанный конь.

— Вдвоем так вдвоем, — сказал я. — Тебе видней.

— Учти, он служил там на аэродроме, знает все ходы и выходы.

— Только не говори Антонелле, пожалуйста. Жду вас с охоты в гостинице или в Чивите. Но — предельная осторожность. Желаю удачи!

«Минувшей ночью один из дежурных карабинеров полицейского участка на окраине Палермо вышел подышать свежим воздухом. Было без четверти три. Спокойный ветерок качал ветви жасмина. Взглянув на низко висящую над заливом бледноватую луну, карабинер вспомнил, что забыл в автомашине термос с кофе и бутерброды.

В тот самый миг, когда он открывал дверцу «джипа», над полицейским участком появилась «летающая тарелка». Она издавала явственно ощутимый гул. Карабинер различил ее контуры и запомнил, что на ней (или в ней) не светило ни огонька.

Дальнейшее разворачивалось по давно известному всем сценарию. Узкий фиолетовый луч уперся в крышу управления, скользнул по окнам. Вспыхнули занавески, обои и синтетические ковры.

— Паолино, мы горим! — услышал карабинер крик перепуганного напарника.

Между тем на глазах ошеломленного Паолино «тарелка» стала удаляться к центру города. Неизвестно почему Паолино пришла в голову мысль, что она собирается спалить главное полицейское управление острова, он незамедлительно доложил об этом по телефону оперативному дежурному и получил выговор за пьянство на дежурстве.

Однако летучая стервятница не добралась до полицейского управления. Она зависла неподалеку над площадью Свободы.

Когда бронированный фургон с карабинерами ворвался на пло-

щадь, «тарелка» спокойно опустилась возле статуи. Из «тарелки» показались три фигуры, вооруженные подобием минометов или даже лазерных пушек. В создавшейся критической ситуации истинным героем выказал себя лейтенант Корделли. После его прицельной автоматной очереди один из трех налетчиков рухнул наземь, а два других сцепились друг с другом и начали кататься по асфальту с невнятными выкриками. Скрученные карабинерами, они незамедлительно были доставлены в главное полицейское управление острова. Вокруг «тарелки» выставлено охранение. На случай непредвиденного развития событий неопознанный летающий объект прикован цепями к двум тяжелым грузовикам.

Чем кончатся эти невероятнейшие события? Кто они, ночные налетчики?

Прямой телевизионный репортаж с площади Свободы начнется примерно в полдень. Группа наших специальных корреспондентов собирает материалы для вечернего выпуска».

Я через три ступеньки взлетел по лестнице к Учителю, сунул ему газету с мутным снимком чего-то округлого рядом со статуей Свободы и, прохрипев: «Читайте, читайте!» — скатился вниз, к телефону-автомату.

— Марио нет, — сказал усталый женский голос.

— Антонелла, не вешай трубку, — зачастил я. — Читала утренние газеты? Сейчас же посмотри! Мне позарез нужен твой брат.

— Он еще не вернулся с ночной рыбалки. Вместе с моим мужем, — ледяным тоном ответила она.

— Передай Марио, когда возвратится: пусть никуда не уходит. Я буду звонить каждый час.

— Хоть каждую минуту, мне все равно.

Площадь Свободы была забита людьми, и народ все прибывал, рабочие, гимназисты, моряки, крестьяне из близлежащих деревень, в праздничных костюмах из синего сукна и островерхих шапочках, крепко держащие под руку жен в домотканых платьях из козьей шерсти и накинутых на плечи пестрых платках. Скорее всего они приехали рано утром на свой праздник и теперь явно не понимали, что происходит: молча стояли и смотрели в сторону статуи, где что-то блестело на солнце.

Наступил полдень. Марио не возвращался. Уже и прилегающие к площади улицы и переулки были забиты народом. Нескольким раз через громкоговорители всех просили разойтись по домам и включить телевизоры: начинается предварительный допрос преступников следователем по особо важным делам синьором Контти.

— Дайте их нам! Без следствия разорвем! — прокричал высокий юношеский голос. Гул возмущения заходил волнами по толпе. Никто не сдвинулся с места. Рядом со мною из кафе вытащили телевизор и водрузили перед витриной на тумбочку, предварительно поставленную на овальный стол.

...Он действительно походил на шляпу, этот странный пришелец, покоящийся на трех консолях с пузатыми самолетными колесиками. От консолей тянулись толстые цепи к грузовикам. Плотное кольцо карабинеров мешало разглядеть детали конструкции. Диктор добросовестно пересказывал подробности зага-

дочных ночных событий, но про лазерные пушки в руках небесных гостей на сей раз не говорилось.

Затем на экране показали просторное, хорошо обставленное помещение с портретом Гарибальди во весь рост. Это был кабинет шефа полиции. По одну сторону длинного темно-коричневого стола сидели солидные синьоры с нашивками и бляхами на мундирах. По другую — двое в наручниках, под бдительным присмотром стоящих рядом охранников. От толпы репортеров стол отделяла плотная шеренга карабинеров.

Но вот сменился ракурс — и в одном из преступников я узнал Марио...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Итак, вы утверждаете, лейтенант армии США Эммет Ньюхауз, что сегодня в два часа пополудни вы стали жертвой террористических действий двух дотоле неизвестных вам лиц, одно из которых, итальянский подданный Марио Калаватти, сидит справа от вас?

НЬЮХАУЗ: Именно это я и утверждаю.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Поясните вашу мысль.

НЬЮХАУЗ: Около двух ночи я начал разогревать двигатели моей «медузы», так мы на базе прозвали летательный аппарат. Вот-вот должен был появиться второй пилот, он немного задержался в столовой. Вдруг в кабину врываются двое террористов. Угрожая мне ножом, они вынудили поднять «медузу» в воздух и приказали лететь к Палермо. Подчеркиваю: все мои последующие действия были продиктованы террористами.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Что вы на это скажете, Марио Калаватти?

КАЛАВАТТИ: Он сказал сущую правду, синьор. Должен признаться, что поначалу захват «летающей тарелки» не входил в наши планы. Мы проникли скрытно на базу с единственной целью — сделать несколько фотоснимков этого дьявольского аппарата. Сколько горя принес он всей Сицилии!

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Синьор Калаватти, из каких источников вам стало известно, что летательный аппарат можно сфотографировать непосредственно на территории базы?

КАЛАВАТТИ: Об этом догадался Винченцо, он раньше работал у янки на Поющей. Но когда его догадка на наших глазах оправдалась, когда увидели, что «тарелка» вырлила из ангара, когда услышали из кабины английскую речь, это пилот перегоривался по рации, — тогда-то окончательно убедились: никакие они не инопланетяне. Заурядные жулики. Оборотни. Насильники. И, не сговариваясь, кинулись к «тарелке». Мы хотели представить всем вещественные доказательства — и представили.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Вещественные доказательства чего?

КАЛАВАТТИ: Гнусных проделок тех, кто терроризирует Сицилию, поджигая по ночам деревья. Кто напустил эпидемию на Сигону. Кто убил мою жену. Пусть теперь они получают возмездие по всей строгости закона.

НЬЮХАУЗ: Какое такое возмездие? При чем тут убийство чьей-то жены? За что я должен отвечать? Как военный, я просто выполнял приказы.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Чьи приказы вы выполняли? Не слышу, громче!

НЬЮХАУЗ: Не имеет значения чьи.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Лейтенант Эммет Ньюхауз, судя по вашему ответу, вы не критически оцениваете ваше положение. Оно незавидное. Захват летательного аппарата двумя частными лицами, из которых одно смертельно ранено, — это юридический акт определенного свойства. Ваша же злонамеренная деятельность, включающая в себя уничтожение частной и общественной собственности, а главное, вызов эпидемии в Сигоне — акт принципиально иной. Точнее, целая цепь актов. Это я говорю как юрист. Не удержусь добавить как человек: отвратительней всего, что злодеяния совершались вами не просто в полной скрытности, но выдавались за деяния так называемых инопланетян. И ваши ответы, наподобие предыдущего, могут лишь усугубить тяжесть обвинений, которые вскоре будут вам предъявлены.

НЬЮХАУЗ: Комедия, да и только. При чем тут эпидемия в Сигоне?

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Неужели вы, лейтенант, не отдадите себе отчета, что повинны в смерти ста девяноста шести граждан Италии? Именно столько скончалось от эпидемии на сегодняшний день. Опять-таки как юрист я не сомневаюсь: суд вынесет вам смертную казнь.

НЬЮХАУЗ: Отказываюсь понимать происходящий фарс. Меня, гражданина самой великой державы мира, шантажируют угрозой смертной казни? Мне угрожают смертью — и за что? За десяток сожженных деревьев, за спаленную будку на причале?! Я требую, чтобы здесь присутствовал представитель командова-

ния нашей ракетной базы. Возможно, он даст необходимые разъяснения.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Необходимые разъяснения от вашего командования получены час назад. Я позволю себе их зачитать:

«Официально уведомляем, что никаких летательных аппаратов наподобие «летающих тарелок» в расположении командования базы нет и никогда не было. Однако допускаем, что лейтенант Ньюхауз тайно от командования незаконно хранил подобный аппарат в одном из ангаров базы или вне базы. В этом случае лейтенант Ньюхауз попадает под юрисдикцию частного лица, отвечающего за любые свои действия, в том числе включающие в себя конструирование, приобретение, хранение и использование любых летательных аппаратов — от дельтаплана до спортивного самолета. Выражая сожаления по поводу неправомерных действий лейтенанта Ньюхауза, ставим в известность, что всю минувшую неделю, включая вчерашние и сегодняшние сутки, лейтенант Ньюхауз был свободен от дежурства и, следовательно, на территории базы отсутствовал. Из вышеупомянутого вытекает, что любые действия лейтенанта Ньюхауза в период нахождения вне базы надлежит квалифицировать как самочинные, не затрагивающие духа и буквы военной службы».

НЬЮХАУЗ: Фальшивка!

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Подписано: «Командир базы генерал Мэйр». Вы еще сможете ознакомиться с этим официальным документом.

НЬЮХАУЗ: Невероятно! Генерал Мэйр лично давал нам задание на каждый вылет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Допускаю. В чем заключался смысл этих заданий?

НЬЮХАУЗ: Достичь определенного пункта. Поджечь одно-два дерева. Вернуться на базу... Поймите ж наконец, как можно частным путем приобрести летательный аппарат с шестью электрическими двигателями? С лазерным устройством, которое одно потянет на миллион долларов! С батареями, при всей компактности настолько мощными, что их хватает на полтора часа полета! Кто-нибудь видел в магазинах такие батареи? Да когда «медузу» привезли к нам, я влюбился в нее с первого взгляда!

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Не припомните, когда именно вы влюбились с первого взгляда в этот летательный аппарат?

НЬЮХАУЗ: Двадцать шестого июля ее привезли. Я как раз заступал на дежурство. Увидел — и обомлел. Какая отделка деталей. Как легка в управлении! Игрушка!

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Ваша игрушка принесла Сигоне смерть и неисчислимые бедствия. Не пытайтесь, лейтенант, красивыми словечками замести следы грязных дел. Игрушка появилась на Сицилии не двадцать шестого июля, как вам кажется, а на две недели раньше, до начала эпидемии. Уясните себе — до!

НЬЮХАУЗ: Подобные обвинения нуждаются в серьезных свидетельствах.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Охотно зачитаю эти свидетельства. Они принадлежат дону Иллуминато Кеведо, человеку весьма порядочному. И кстати, снабжены фотографией вашего летательного аппарата — за сутки до землетрясения... Итак, раскрываем журнал «Ты и я».

Я протиснулся в кафе, позвонил Антонелле.

— Мой брат, мой брат, — всхлипывала она. — Неужели его посадят в тюрьму?.. Ты думаешь, суд когда начнется?

— Не раньше чем выздоровеет Винченцо, — сказал я.

— Он между жизнью и смертью. Я звонила в госпиталь. К нему не пускают никого.

Долгое, безысходное молчание.

— Антонелла...

— За что ему такие мучения? За что прыщи по всему телу, с тех пор как пошел работать на проклятую базу! Прыщи, провалы в памяти! Кошмарные ночные разговоры в бреду с каким-то уродом Колоссом!.. Господи, за что наказуешь?

— Антонелла, успокойся. Сейчас мне нужно в Чивиту ненадолго. На обратном пути приеду к тебе...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: ...по всей строгости закона.

НЬЮХАУЗ: Хватит меня пугать законом! Поймите же, в конце концов, я не имею никакого отношения к эпидемии. Никакого! Мыслимо ли, чтобы десяток-другой разноцветных шаров, якобы выпущенных из «медузы», стали разносчиками смертельной заразы.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Значит, вы признаетесь, что выпускали шары?

НЬЮХАУЗ: Не ловите меня на слове! Я сказал: якобы — и крышка. Загляните в мой послужной список. Затребуйте на меня характеристику. Вам станет ясно, способен ли я лгать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Я зачитал не все послание генерала Мэйра. Как вам нравится такой абзац:

«Просим учесть, что лейтенант Ньюхауз склонен к употреблению наркотиков, в частности марихуаны, за что был наказан очередной наркологической комиссией по проверке стратегической авиации США и ракетных сил наземного базирования и лечился в специальном центре для наркоманов».

НЬЮХАУЗ: Марихуана не наркотик. Она безвредна. Ее можно купить на любом углу Палермо. Она улучшает настроение, как вино. К тому же я не исключение. В прошлом году у нас в армии и на флоте лечилось от наркомании 38 тысяч человек.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Я заканчиваю цитируемый абзац:

«Не исключено, что свои неправомерные действия лейтенант Ньюхауз совершал под действием наркотиков».

Только теперь Ньюхауз, кажется, осознал все. По лицу его катились хорошо заметные на экране капли пота. Он достал носовой платок, но вытирал почему-то не лицо, а водил им по плечу. Следователь отложил бумаги в сторону и молчал.

НЬЮХАУЗ: Значит, наркоман, поджигатель, идиот и убийца, так?

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Вам виднее, лейтенант.

НЬЮХАУЗ: Кто бы я ни был, прихлопнуть себя, как муху, не дам. Нечего мне навешивать чужие грехи.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Чьи грехи, разъясните...

НЬЮХАУЗ: Коли речь зашла о моей жизни и смерти, заявляю официально: истинная причина эпидемии в Сигоне — взрыв ракетных боеголовок. На складе, внутри Поющей горы. Отсюда

и землетрясение. Да, рвануло так, что западный склон разворотило, как кратер. Газ вырвался наружу, начал стекать со склона и затоплять Сигону. Сейчас склон почти залатали, но тогда он был весь обезображен. Из-за этого и уволили наутро всех вольнонаемных.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Каковы свойства этого газа?

НЬЮХАУЗ: Я мало что знаю. Вроде бы он бесцветный, без запаха. Собственно, в нем два компонента. По отдельности они безвредны, ну а в смеси... Говорят, на определенное время смесь вызывает безумие. Видимо, так оно и есть: на базе после взрыва пострадало человек двадцать. Я их видел собственными глазами. Они походили на буйно помешанных.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Какова дальнейшая судьба этих пострадавших?

НЬЮХАУЗ: Отправили в Америку. Я слышал, некоторые умерли.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: На базе это первый случай утечки газа?

НЬЮХАУЗ: Да. Если не считать инцидента с лейтенантом Уорнером. Семь лет назад он тоже пострадал от взрыва, правда слабенького. И тоже был отправлен на родину. Он вылез, получил пенсию, но в прошлом году вроде бы покончил с собой.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Известна ли вам причина самоубийства лейтенанта Уорнера?

НЬЮХАУЗ: Лишь приблизительно. Ходили слухи, что у него дважды рождались уроды. Не то двух-, не то трехголовые.

КАЛАВАТТИ: Будьте вы дважды и трижды прокляты, уроды заокеанские! И ты вместе со своей «медузой»!

НЬЮХАУЗ: Проклинать надо тех, кто газ изобрел. Хотя лично у меня особое мнение: двухголовые люди, лягушки или голуби все же предпочтительней, чем адава пустыня после водородного взрыва.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Куда нацелены ракеты?

НЬЮХАУЗ: Откуда мне знать? Не моя забота, кто куда нацелен. Хоть на Луну. Главное, чтобы все здесь уяснили: насчет эпидемии руки мои чисты. Как и совесть. А за обугленные деревья, если надо, отвечу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Согласны ли вы в дальнейшем привести более подробные свидетельства истинных причин эпидемии?

НЬЮХАУЗ: Согласен. Но при условии, что не конфискуете мою «медузу». Она теперь моя личная собственность, судя по отвратительному посланию генерала.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Суд учтет ваше раскаяние, хотя ваше более чем странное условие не делает вам чести.

10. ЖЕРНОВА ГАЛАКТИКИ

Ни единой живой души не обогнал я по дороге в Чивиту. Грузовики, роскошные лимузины, расписанные цветами телеги с мулами, нехотя перебиравшими ногами, — все двигалось только навстречу. И в палермском порту, когда я выезжал, уже причаливала добрая дюжина пароходов из Неаполя, битком набитых любопытствующими, показывающими друг другу в небо,

где тархтел биплан, раньше рекламировавший джинсы или стиральный порошок, а теперь влекущий за собой полотнище с изображением «медузы», крест-накрест зачеркнутой красными линиями и такими же красными буквами:

ЯНКИ, КАТИТЕСЬ ВОИИ!

Я размышлял о событиях последних дней, об Антонелле, о Марио, о мертвом Винченцо, которого я так и не увидел и который представлялся мне отчего-то похожим на Гарibaldi с портрета в кабинете шефа полиции. Я думал о судьбе лживого свидетельства козлоногого сатира Иллюминато Кеведо, как ни странно, сыгравшего решающую роль в показаниях лейтенанта Эммета Ньюхауза. Выходит, фальшивка, сфабрикованная во зло, помогла разоблачению зла? Что за мудреный механизм саморазрушения неизбежно тянет зло к гибели? Сколько раз случилось в истории, да и в моей жизни: красота, справедливость втопты в грязь, поруганы, оболганы; но неукоснительно наступает миг, когда росток добра разрывает мрачную скалу, казавшуюся монолитом. Когда (как в стихах великого поэта) вдруг

...повеет ветер странный —
И прольется в небе страшный свет,
Это Млечный Путь взошел неожиданно
Садам ослепительных планет.

За немногие эти дни прежняя моя жизнь стала представляться слишком благополучной, мелкой, суетной. Духовного сосредоточения — вот чего в ней не хватало. Не успел сказать нужных слов отцу. Несколько свысока относился к Мурату, потому что завидовал, да, завидовал, пытаюсь скрыть эту зависть от самого себя. Не уберег Снежнолицую в хрустальной ладье. Потешался над причудами деда, когда, возвращаясь под утро домой, замечал его седую бороду над крышей дома: дед ждал восхода солнца, чтобы первым встретить Огненный Щит древним песнопеньем о Царе-Огне, Воде-Царице... И отец, и Мурат, и дед могли не знать о пророчестве спасения мира красотой. Но чтобы спасти его, нужны их руки. И, надеюсь, мои. Иначе из непредставимо разъединенных с нами миров не пал бы именно на меня тонкий живоносный луч...

— Эона, все доказательства налицо. Я жду возмездья. Я. Антонелла и Марио. Сигона.

— И Сицилия, и Земля, и Солнечная система. И Галактический совет охраны красоты. Но какого возмездья из многих его значений: воздаянье, награда и кара, плата по заслугам, вознаграждение, отдача, возврат? Но возмездия — кому?

— Вознаграждение? Награда? Ты смеешься, Эона! Пусть подымется вал из моря выше Поющей, пусть поглотит проклятую базу со всем ее смрадным нутром!

— И отхлынет? И зальет Крит, Сардинию, Корсику, Кипр? И Триест, и Неаполь, и Афины, и Риэку? Зачем ты пытаешься вызвать мощные силы, не умея ими управлять?

— Пусть не вал, ты права: он сметет берега Средиземного мо-

ря. Пусть взорвется вулкан под Поющей, он молчит свыше тысячи лет. Пусть лава хлынет вниз и зальет всех уродцев в Сигоне! Очищенные огнем!

— А если не только Сигону поглотит огонь и пепел? Сицилию, Апеннинский полуостров, Европу... Что ты знаешь про Кракатау?

— Это вулкан где-то в Тихом океане...

— Между Суматрой и Явой. В 1883 году пепел от его извержения покрыл площадь в пол-Европы. Несколько лет пепел носило ветрами от экватора до полюсов. Погибли десятки тысяч людей, все живое близ залива Лампонг и в Зондском проливе. Допускаешь, что уснувший вулкан под Поющей мощней Кракатау? Например, в сто раз? В тысячу?..

— Допускаю, Эона. Хотя... мне надо тебя срочно повидать, через час я буду у нашей колючей стены.

— Там меня уже нет. Продолжаю сбор доказательств в другом месте.

— Где же ты?

— На острове Грюнард, рядом с побережьем Шотландии.

— Тоже выселен?

— Тоже обнесен колючей проволокой. Бывший полигон для испытаний биологического оружия. Здесь заражали животных сибирской язвой. Трупы закапывали в землю. Знаешь, сколько эта зараза может дремать в земле? Тысячу лет. Уровень заражения — десять микроорганизмов на грамм земли!

— Эона, я найду тебя и на Грюнарде!

— Не успеешь. Да и въезд сюда запрещен. Скоро я буду на острове Гельголанд в Северном море.

— Тоже сибирская язва?

— Здесь затоплены титановые отходы. Все Северное море заражено. Цезием. Стронцием. Диоксином. Один только американский концерн «Нэшнл лид» выбрасывает в море ежегодно 450 тысяч тонн ядовитых отходов.

— Прилечу и на Северное море! Найду, где бы ты ни была. Слышишь меня, Снежнолицая?

— Зови меня лучше Зоной.

...Зденек встретил меня улыбкой. Таким ликующим я ни разу его не видел.

— Олег, вчера обнажилась голова дракона! Серебряная! На вашем раскопе! Но именно о драконах на глобусе подробно пишет ал-Идриси в «Развлечении истомленного в странствии по областям». Идемте в палатку, я вам прочту этот отрывок и покажу находку. Какая удача!

— Мы почитаем ал-Идриси в Палермо, — сказал я. — Через пару часов. Но до этого быстро свернем экспедицию. Попросите всех собраться немедленно, это приказ Сергея Антоновича. И давайте грузиться. Надо забрать все раскопанное. Включая голову дракона.

— Час от часу не легче! Как можно грузиться, если сегодня не приехали рабочие! Ни один, представьте себе. Что бы это означало?

Я объяснил Зденеку Плугаржу, что это означало...

Незадолго до моего возвращения в Палермо лейтенант Эммет Ньюхауз был выведен в наручниках из здания полицейского управления. Марио шел следом, шагах в десяти. Лейтенант уже занес ногу на ступеньку тюремного фургона, когда три разрывные пули с крыши соседнего дома одна за другой сразили его наповал. Убийцу захватить не удалось, но он оставил на чердаке винтовку с телескопическим прицелом. Из окружающих никто больше не пострадал. В создавшейся суматохе Марио успел раствориться в толпе...

Тень Ньюхауза, поглощенная тенью «медузы», тихо отделилась от нашей планеты, чтобы где-то в необъятной звездной пустоте слиться с тенями, подобными ей. Тенями, чьи земные владельцы — ради корысти, мздоимства, алчбы — решились стать игрушкой в лапах темных сил, втайне, быть может, надеясь, что принесут окружающим не столь уж великое зло, и не понимая, что у зла нет меры. Нет меры у зла, и потому любой его пособник — предатель человечества...

— И наоборот, — закончила Антонелла. — Ты видел, как преобразилось лицо Марио? Как будто он вдруг узнал о своем истинном земном предназначении. Где-то он теперь скрывается, мой бедный брат? Боюсь, все он испортил своим побегом...

Я промолчал. Шел второй час ночи. Толпа на площади не поредела ничуть. Кое-где горели небольшие костры из мусора. Раздуваемое ветром пламя освещало усталые лица людей. Люди смотрели ввысь, на звезды, словно пытались прочесть в звездных письменах ответ на земные вопросы.

— Слышал, янки подтвердили, будто они ликвидируют базу? До конца года. Сначала все на площади обрадовались, зашумели, даже пустили несколько ракет. Но потом узнали, что не ликвидируют, а переносят. В Порторалло, на самый юг Сицилии. Я тебе говорила, они кого угодно купят с потрохами. Что ж ты молчишь, Земледер?

— Вся площадь молчит, — сказал я.

— Давно уж пора бы заговорить, — устало ответила она. — Что-то мне не по себе стало. Вроде надвигается гроза...

Я успел обнять Антонеллу рукой за плечо, когда небо позади нас вспыхнуло фонтанами пурпурного огня. Следом прикатился и начал нарастать гром, будто заработали неведомые жернова Галактики.

Это вновь запела Монте Кантаре, Поющая гора.

12. ЭПИЛОГ

Ватага мальчишек носилась вокруг памятника Джузеппе Гарибальди на берегу залива. Герой, возглавивший когда-то поход знаменитой «Тысячи», высадился здесь, освобождая родину от папского и австрийского владычества. Левою рукою он опирался на шпагу, а правую простер в даль Тирренского моря, где скользили по горизонту тени чужеземных кораблей. Серобелый вулканический пепел опускался на гриву медных волос великана.

На эфесе шпаги я разглядел двухголовую ящерицу — напо-

добие той, из-за которой я вновь оказался здесь, на Сицилии.

— Чудовищное извержение вулкана Монте Кантаре!.. — восторженно закричал появившийся на ступеньках бара шустрый продавец газет. — Расплавленная лава целиком поглощает Си-гону!.. Возможная причина извержения — взрыв американской подземной базы! Есть версия, что базу взорвал Марио Калаватти, сбежавший после загадочного убийства пилота «летающей тарелки» Ньюхауза!.. Дебаты в парламенте о немедленном закрытии всех американских баз на территории Италии!

От мальчишек отделился один, кудрявый, с прекрасными чертами эллина. Подбежав ко мне, он сказал:

— Я знаю, синьор, почему вы смотрите на нас. Хотите, наверно, угадать, во что играем?

— Уже угадал, — сказал я и протянул юному эллину разноцветный пакетик с мармеладом из лепестков роз. — Угостишь и друзей гарибальдийцев, ладно?

— Спасибо, синьор. А кто сегодня среди нас Гарибальди, угадаете?

— Сегодня не угадаю. Времени в обрез, — сказал я.

И тогда хозяин Сицилии ответил гордо:

— Я — Гарибальди. И тоже зовут Джузеппе. И я никогда не умру.

Олег ВОРОНИН — Нет, не другие
Юрий МЕДВЕДЕВ — Чаша терпения
Дмитрий Де-СПИЛЛЕР — Межзвездные звоны
В. ГЛАДКИЙ — По следу змеи

Цена 60 коп.

